~ Федор Конюхов ~
МОИ ПУТЕШЕСТВИЯ
ИСТОРИИ ЛЕГЕНДАРНОГО РОССИЙСКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Федор Конюхов — известный российский путешественник, яхтсмен, альпинист и полярник, он много раз отправлялся в путь, для того чтобы осуществить свои мечты — добраться в одиночку до «верхушки мира», совершить кругосветное плавание, покорить Эверест…

Эта книга о путешествиях, мечтах и преодолении. Увлекательный роман об опасностях, подстерегающих человека, бросившего вызов стихиям. Он сможет перенести вас на вершины неприступных гор, в далекие океаны и холодные полярные льды, даст возможность ощутить торжество духа человека.

- Федор Конюхов
  -
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Словарь терминов
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21

- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65

- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109

- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151

Федор Конюхов
Мои путешествия

По неведомым мне причинам я родился не для легкой жизни, а для наслаждения ею через преодоление трудностей.

Федор Конюхов

Глава 1
Матачингай, путь к вершине

С начала мира снега, здесь накопившиеся, обратились в ледяные глыбы, которые не тают ни весной, ни летом. Гладкие поля твердого и блестящего льда тянутся в беспредельность и сливаются с облаками.

Сюаньцзан[1], VII век

Одиночное восхождение на вершину горы Матачингай

Высота — 2798 метров над уровнем моря
Старт 30 апреля 1984 года
Финиш предположительно 8–9 мая 1984 года

Таинственные вершины

24 апреля 1984 года

Я давно задумал одиночное восхождение на какую-нибудь вершину. Выбрал горы Чукотки, Матачингай. И когда ледокол «Москва» вводил океанский транспорт «Капитан Марков» в залив Креста[2], ломая лед своим могучим форштевнем[3], уже тогда я не разочаровался в своем решении.

Это высочайший хребет Северо-Восточной Азии. Снежные пики уходят в тучи, создается впечатление, что Матачингай надежно закрыт от глаз человека. Это и привлекло меня, я уверился, что нужно обязательно совершить подъем и увидеть эти таинственные вершины. И все, что мне откроется, отобразить на своих картинах, чтобы показать людям.

Уже на второй день после швартовки «Капитана Маркова» к причалу поселка Эгвекинот[4]я для разминки поднялся на близлежащую гору высотой около тысячи метров. Пробрался на самую вершину и с нее увидел великолепную бухту Этелькуюм с Эгвекинотом. Устроил бивак, начал рисовать. После первых

линий, появившихся на чистом листе бумаги, почувствовал, что это кощунство — карандашами выводить ослепительно белые контуры гор. Белым было буквально все — от подножий до вершин, о черном цвете не было и напоминания. Переполненный этой белизной и тишиной, я закрыл альбом и спустился вниз.

Начало пути

29 апреля 1984 года

Утром я покинул Эгвекинот и выехал к подножию Матачингая: нагрузил на вездеход альпинистское снаряжение, палатку и запас еды на несколько дней. Местные жители высказали некоторое беспокойство по поводу моей затеи в одиночку подняться на вершину хребта, но я и слышать ничего не хотел о том, чтобы взять с собой еще кого-нибудь. Меня предупреждали, что в это время на вершинах снег ненадежен, и советовали идти только в ночное время, когда мороз держит карнизы. И я буду следовать этому совету.

Отсюда ведь можно и не вернуться

30 апреля 1984 года

Я принял решение подняться на основной хребет и идти по нему до самой высокой точки Матачингая. Сегодня начал подъем. Внизу много снега. Идти было тяжело. Жарко. А стоило остановиться, как сразу начинал мерзнуть. Поднялся метров на двести и вошел в туман, сопровождаемый мелким снегом, и почувствовал, что не хватает мне сил и калорий работать в быстром темпе.

Дело в том, что я еще не отдохнул от предыдущей экспедиции (в море Лаптевых)[5], там шел на лыжах с группой Шпаро[6]. В полярную ночь при низкой температуре мы преодолели на лыжах 500 километров по торосам полярного моря. Помню, раньше, когда собирался в какой-либо поход или экспедицию, готовился основательно — тренировался, набирал вес. А сейчас, с годами, желание готовиться притупилось. Да и времени нет. Несколько последних лет я постоянно нахожусь в походах или экспедициях. По восемь-девять месяцев не бываю дома в бухте Врангеля[7].

Решил отдохнуть, устроился поудобнее под карнизом и сказал себе: «А все-таки Чукотка красива необыкновенно». Говорил шепотом, чтобы не нарушить первозданной тишины.

Подкрепился галетами и стал ждать, пока на гребень не опустится ночь и можно будет продолжить подъем.

Снег тихо подал, камни становились скользкими, я шел в большом напряжении, зная, что ошибки недопустимы. Мороз усиливался, в меховых рукавицах было тепло, но без них руки моментально замерзали. Приходилось постоянно рубить ступени: одной рукой я вгонял скобу для крепления бревен в лед, затем, держась за нее и сохраняя равновесие, работал ледорубом. От напряжения до колик затекали мышцы ног — трудно давалась устойчивость. Резкие уколы льдинок, брызгающих из-под ледоруба в лицо, дополняли неприятные ощущения.

Удар ледорубом, еще удар… Ступень готова. Вниз не смотрел. Лучше всего глядеть под ноги или вверх — там тянулся ледовый гребень, острый как лезвие ножа, покрытый густой серой пеленой чукотского тумана.

Мелькала мысль: не вернуться ли назад? Ведь рисковал я многим. Но другая мысль заставляла продолжать подъем: я должен почувствовать горы, без этого не получится серия графических листов о вершинах Северо-Восточной Азии.

Многие думают, что художник создает полотна, сидя в теплой мастерской. Не у всех так! Мои графические листы достаются мне иначе, мои работы — это события, мною пережитые и прочувствованные, это мои мысли, мое восприятие окружающего.

Начал идти густой снег, так что на вершину Матачингая я поднимался вслепую — вперед вел сам гребень. Стальные кошки перестали быть надежной опорой. Через каждый шаг, чаще, чем обычно, я рубил ступень опоры. Синий лед со злостью отбрасывал ледоруб, не хотел поддаваться его ударам.

Я останавливался все чаще, упирался головой в ледоруб, чтобы отдышаться и расслабить мышцы спины, потом снова ожесточенно колотил ступени. Так работал часов восемь, пока не вышел на небольшой каменный выступ. Сбоку от него лед был мягче и податливей. К утру я выдолбил в нем нишу, сделал крышу из штормовки. Импровизированный дом утеплил густой, нескончаемый снегопад.

Вскипятил на примусе полкружки чая — берег бензин, так как взял его совсем немного из-за приличного веса рюкзака. Выпил неостуженный. Темнота в жилище усыпляла. Стоило сомкнуть глаза, как предательское тепло растекалось по телу, становилось легко и покойно. «Не спать, — приказывал я сам себе, — иначе можно не вернуться, навсегда останешься здесь, на гребне Матачингая. Внизу осталось много дел!»

Провел рукой по усам и бороде, собрал в пригоршню

примерзшие к ним сосульки и отправил в рот. Но они вызвали еще большую жажду. «Черт понес меня в эти горы, — подумал я, — в этом году и так было три экспедиции. Старый дурак! И все тебе мало. Когда будешь жить, как все люди?» Всячески распекая себя, я твердо решил никогда больше не подниматься в горы в одиночку, да еще на севере. Правда, такие клятвы я давал и раньше.

Сбросил куртку, закрывающую вход в мою ледяную пещеру, взглянул на гряду вершин — горы точно сошли с полотен Рериха[8]. Достал альбом и карандаши и начал делать зарисовки. Я прекратил самобичевание, с каждой линией приходила уверенность, что все я делаю правильно: поднимаюсь в горы, хожу по льдам Северного Ледовитого океана, гоняюсь с эскимосами на собаках по Чукотке… «Никакой музей, никакая книга, — говорил Николай Рерих, — не дадут право изображать Азию и всякие другие страны, если вы не видели их своими глазами, если на месте не сделали хотя бы памятных заметок. Убедительность — это магическое качество творчества, необъяснимое словами, создается лишь наслоением истинных впечатлений. Горы — везде горы, вода — везде вода, небо — везде небо, люди — везде люди. Но тем не менее, если вы будете, сидя в Альпах, изображать Гималаи, то что-то несказуемое, убеждающее будет отсутствовать».

Сделал несколько зарисовок цветными карандашами, а что не успел — пометил словами: где какой цвет. И продолжил основную работу — подъем к вершине.

Утверждая «дух человека»

3 мая 1984 года

Здесь царит настороженная, чуткая тишина. Даже ветер совсем утих, все словно в предчувствии чего-то. Жутковато.

Стою в нерешительности, до вершины несколько сотен метров. Говорю себе: «Ну что, Федор, готов? Наоми Уэмуре[9]было тяжелее».

Я часто повторяю эти слова. Ведь Уэмура для нас, путешественников, — идеал, он постоянно утверждал «дух человека». И сейчас, находясь здесь, на гребне Матачингая, я могу острее понять то одиночество, что испытывал японский путешественник.

Его уже нет в живых, 12 февраля альпинист совершил восхождение на гору Мак-Кинли[10], высота которой 6193 метра, и не вернулся в базовый лагерь. На эту высочайшую вершину

Северной Америки Уэмура поднялся во второй раз — впервые Мак-Кинли была покорена им весной 1970 года.

До Уэмуры никто не пытался подняться на эту вершину зимой. Но он это сделал! Последний раз альпиниста заметили 15 февраля на склоне на высоте 5180 метров. Но затем его след был потерян, на связь он так больше и не вышел. 1 марта в прессе появилось сообщение: «Поисково-спасательная служба США в штате Аляска отказалась от продолжения дальнейших поисков японского путешественника Наоми Уэмуры».

Этот человек обладал сдержанностью и внутренней силой, он говорил: «Смерть — этот вариант не для меня. Я должен вернуться туда, где меня ждут, — домой, к жене». И добавлял: «Я непременно вернусь, потому что меня надо хотя бы иногда кормить».

Последний путь Наоми Уэмура

Как назвать это чувство?

5 мая 1984 года

В три часа пополудни открылся большой снежный конус. Вот она, вершина, до нее осталось несколько метров. И только тогда я почувствовал чугунную усталость во всем теле. Остановился, достал кусок колбасы, начал жевать, оглядываясь по сторонам. Картина знакомая, привычная: вершина как вершина, камни выглядывают из-под снега и льда. Это я видел много раз. Но все равно пришло чувство радости, что дошел, добрался до цели. Рядом с этой радостью, вытесняя усталость, вырастало другое чувство. Оно вливалось в меня теплом, согревало душу. Как назвать это чувство? Гордость? Счастье? Ощущение собственной силы? Может быть. Во всяком случае, сейчас я был уверен, что смогу создать цикл картин «Вершины Матачингая».

Почему-то вспомнилась осень 1969 года, когда я курсантом мореходной школы Кронштадта поднялся на бом-брам-стеньгу учебного судна «Крузенштерн»[11].

Когда получал увольнительную в город, я всегда первым делом отправлялся к набережной на берегу Финского залива. Оттуда открывался вид на порт, весь забитый судами. Из их труб извергались клубы черного дыма и белого пара и плавно поднимались к серому балтийскому небу. Под нескончаемые гудки буксиров и равномерный громкий гул больших пароходов, которые снимались с якоря или входили в порт, я расхаживал по набережной и вдыхал свежий морской воздух с примесью различных ароматов: цитрусов, привезенных с острова Мадейра, специй из Индии, сибирской древесины. Я зачарованно следил, как выгружались и загружались трюмы океанских пароходов. Мелькали коробки, тюки, какое-то оборудование.

Но больше всего мне нравилось любоваться силуэтом парусника «Крузенштерн». Он уже несколько лет стоял на ремонте у причала, его мачты горделиво возвышались над этой суетой. Однажды с бьющимся от волнения сердцем я подошел к трапу барка и неуверенно начал подниматься на палубу. Меня заметил вахтенный матрос — молодой парень с худым лицом. Он мне чем-то сразу понравился. «Хочу посмотреть ваш корабль, можно?» — спросил я тихо. Внимательно оглядев меня, он ответил, что можно.

Меня охватила радость. Вместе со мной улыбнулась и природа — выглянуло солнце из-за туч, озарив светом палубу, — редкое явление в Кронштадте. Я почувствовал, что парусник принял меня.

Палуба была завалена канатами и тросами, цепями и парусами. Нельзя было сделать и шагу, чтобы что-то не задеть. И в этом странном окружении, казавшемся мне хаосом, работали

люди — они чинили бегучий такелаж.

Осмелев, я попросил вахтенного разрешить мне взобраться на реи. «Ишь, чего захотел, — ответил он, засмеявшись. — Вот кончишь мореходку, приходи к нам работать. И тогда ты полазишь по ним столько, что тебе осточертеет». Но я настаивал, и вахтенный сказал приходить ночью.

В те сутки дневальным по роте был мой товарищ Анатолий Кутейников. Он разбудил меня, как я его и просил, в 00:00. В кубрике было темно, полночь — самое время уйти в самоволку. Я спрыгнул с койки второго яруса, надел штаны и бушлат, обулся и вышел из кубрика, только слышал, как Толик осторожно прикрыл за мной дверь. На меня сразу пахнуло ночной прохладой, над головой, между звездами, светила луна. Одним махом перелез через забор и прямиком по каменной мостовой помчался в порт.

Увидев, что я все-таки пришел, вахтенный уточнил: «Полезешь?» — «Да, конечно,» — ответил я и направился к поручням. Начал карабкаться вверх, все выше взбираясь между спутавшимися канатами, все время проверяя, выдержат ли они мой вес, и стараясь не опираться на выблинки (веревочные ступеньки). Одолевая метр за метром, чувствуя, как воздух становится холоднее, обзор шире, рей и снастей меньше, я наконец достиг бом-брам-стеньги — самой высокой части мачты.

Меня окружала звездная ночь. Палуба осталась далеко внизу, очертания судна и снастей, по которым я только что карабкался, растворились во мраке. Вдали были видны огни Ленинграда. Я повернулся в сторону моря и представил себя во время шторма, работающим с парусами на такой высоте.

«Вот это жизнь!» И тогда я запел свою любимую песню:

«Поет пассат[12]*, как флейта, в такелаже,*
Гудит, как контрабас, в надутых парусах,
И облаков янтарные плюмажи
Мелькают на луне и тают в небесах»[13].

Мог потерять все

5 мая 1984 года

Но на вершине горы наслаждаться победой некогда. Надо еще спускаться вниз. Задули снежные вихри, заставили поспешить. Спуск давался тяжелее, чем подъем. Никак не мог подобрать ногу под вырубленные ступени. Пришлось рубить дополнительные опоры.

Спуск я начал по склону, прямо к котловине. По снежному насту зигзагами приблизился к леднику. Здесь решил спускаться по другому маршруту: хотелось быстрее добраться до моего лагеря у подножия Матачингая. И это было ошибкой: я потерял время и снаряжение, а мог потерять все.

Мне показалось, что снежный язык ледника тянется недалеко, да и угол наклона был всего лишь около 45 градусов. Сделал шаг, другой. Но не тут-то было, кошки плохо входили в спрессованный снег, приходилось с силой вгонять их в наст. Ноги быстро устали. Узкий кулуар ледника кончился неожиданным провалом, я поскользнулся, упал на спину и начал сползать в пропасть. Попытки удержаться не дали результата — мешал рюкзак. Скобой, намертво зажатой в руке, я уперся в лед. Но она со скрежетом ползла по нему.

Рюкзак попытался перевернуть меня вниз головой. Я сбросил лямку с левого плеча, с правого лямка слетела сама. Рюкзак кувырком полетел вниз, разбрасывая содержимое. Вес мой уменьшился, и я с такой силой прижал острие скобы ко льду, что наконец начал терять скорость и смог задержаться на самом краю этого ледового трамплина. «Вот и приехал,» — сказал я себе.

Теперь предстояло справиться с более трудной задачей — не сорваться в пропасть, постараться выбраться. Я осторожно достал из-за спины ледоруб и вогнал его в лед. Проверил, выдержит ли эта ненадежная опора. Подтянулся на ней вверх по склону и начал карабкаться в сторону осыпи, к чернеющим вдали валунам.

Пока полз, прижимаясь животом к холодному снегу, ни разу не смотрел по сторонам. Но когда добрался до первого камня, вросшего в лед, и сел на него, закружилась голова и затряслись руки. С тоской посмотрел я на низкое небо и белую пелену, закрывающую горы и пропасть. Впервые почувствовал жуткую и бесконечную враждебность безмолвных просторов.

Было страшно, я был готов совсем раскиснуть, что уж никак не годится, когда находишься один в горах. Мне показалось, что я никогда больше не попаду в уютный мир людей. Мысли о людях и выдернули меня из состояния уныния, я попытался взять себя в руки, замедлил дыхание, затем несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул. Это помогло успокоить нервы. Подумал, что все могло обернуться гораздо хуже.

Поднимаясь на гору, я рассчитывал добраться до лагеря за три дня, то есть быть у себя дома, в палатке у подножия Матачингая, 8 мая. Теперь же, оставшись без веревки, запасной одежды и еды, нужно было подумать над новым планом. Самое разумное — возвращаться по той дороге, которая привела меня к вершине. Но найти ее было непросто: снег засыпал все следы.

Если следовать по новому пути, то он обязательно пройдет через распадки, по которым часто идут лавины. В это время года они грохочут здесь одна за другой. Но путь будет короче, я мог выиграть часов двадцать. Идти или не идти? Идти — безумие, только случай или моя счастливая судьба могли уберечь меня от лавин. Не идти — замерзнуть здесь. Медлить было нельзя: ветер усиливался, на гребне горы появились «флаги» из снега.

Без четверти пять я начал спуск через лавиноопасные места. А к восьми что-то случилось с ногами. Не мог сделать ни шага. Это, наверное, оттого, что несколько дней находился в вертикальном положении, даже спал сидя. Лег на спину, ноги положил на воткнутый в снег ледоруб. Полегчало.

Заполярные сумерки сгладили очертания скал, видимость ухудшилась. Дул небольшой ветер. За полчаса моего вынужденного отдыха выпало сантиметров пять снежной крупы. Я решил зарыться в снег и ночевать под ним. У меня уже был такой опыт ночевок, когда ездил на собаках с эскимосом Ататой. Нам случалось спать под открытым небом в тридцатиградусные морозы. А сейчас было всего лишь около пятнадцати ниже нуля.

В моей памяти возник образ Ататы. Коренной полярный эскимос, он обладал схожими с европейскими чертами лица. Решусь предположить, что в Москве, одетого в цивильный костюм, его могли бы принять за русского. Однако улицы Москвы — это не та поверхность, по которой ему хотелось бы ходить, так как Атата — охотник. А его жена, Айнана, — одна из самых привлекательных и своенравных чистокровных эскимосок на всей Чукотке.

Охотнику Атате было сорок, когда мы встретились. Человек он оказался бывалый, немало побродивший по снежным просторам Арктики. Именно рассказы Ататы о моржовой охоте, белоснежной тундре, собачьих упряжках побудили меня увлечься и в конечном счете пуститься несколько лет назад в длительное и рискованное путешествие через всю Чукотку[14].

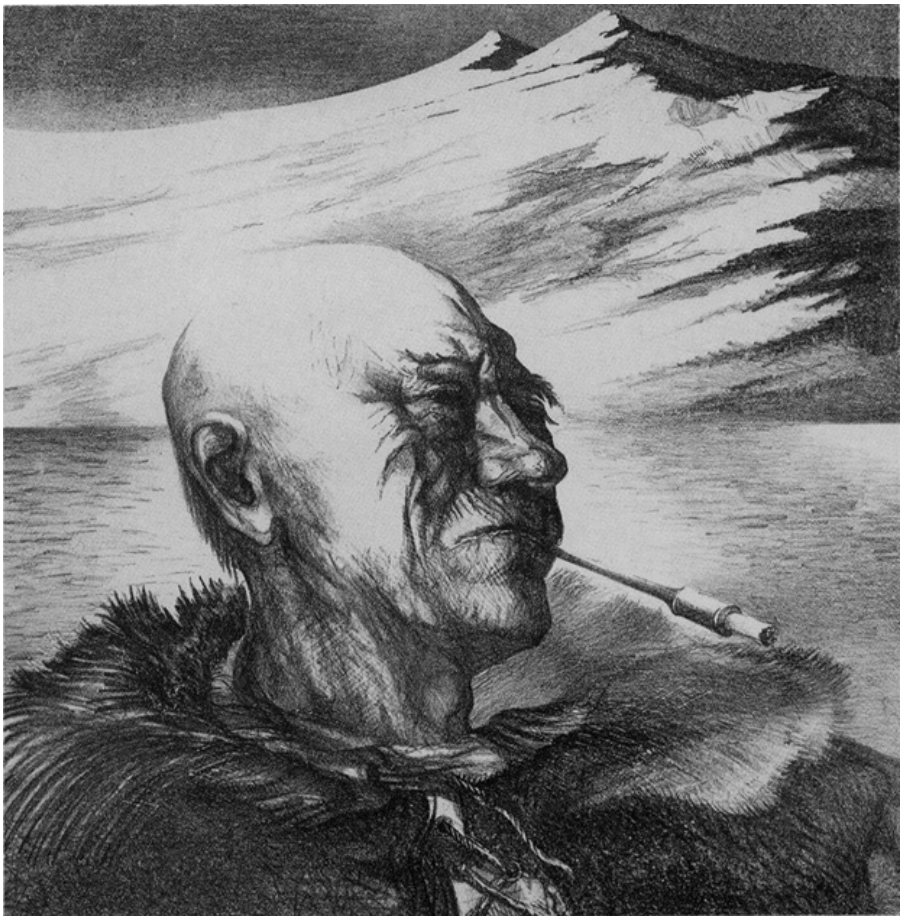
Набросив капюшон на голову, лицо я воткнул в колени, спрятал от падающего снега. Стало теплее. До этого сменил мокрые носки, положил их на грудь под свитер для просушки. А те, что нес целый день обмотанными вокруг пояса, быстро надел, пока они не остыли. Холода не чувствовал. Блаженство от отдыха нарушали только мокрые носки на груди: вода струйками стекала от них по телу. Но руки и ноги были теплыми, пальцы шевелились — можно спать. Подумал, что за два часа не окоченею.

Возбуждение от смертельной опасности и досада на то, что потерял рюкзак, начали спадать. Хотелось есть, и я пожалел, что

и крошки хлеба не съел с обеда. Обшарил карманы, надеясь найти хоть кусочек галеты, но они были пусты. Неудивительно, что чувствовал я себя паршиво, а раздражение достигло такой степени, что утешить меня смогла бы только любимая женщина или плитка шоколада с галетами. Предпочел бы первое, хотя вряд ли смог бы по-настоящему воздать ей должное.

Я допустил тактический промах: нужно было предусмотреть подобную ситуацию и положить небольшое количество еды в карманы. Проклиная собственную глупость, я пытался успокоить себя мыслью, что мизерный запас в карманах ничего бы не изменил. Хотя поступил я, как настоящий идиот. Каким бы сильным и энергичным ни был человек, все равно в горах нельзя с пренебрежением относиться к своему организму. Надо было регулярно есть, хоть и не хотелось, пить горячее — а я экономил бензин! Он тоже улетел в пропасть.

И еще я думал о жене и детях. Ведь обещал им, что весну пробуду дома. Весна пришла, только я не с семьей, а далеко на севере. И сейчас мое скорчившееся тело придавлено снегом, а душа мечется, словно бумажный змей на нитке, вознесенный в поднебесье леденящим ветром. Хорошо и покойно было мне под снегом, а мысли не могли утихомириться. Летели то к дому, то к друзьям и снова возвращались в горы.



Каюр Атата. Из цикла «Жизнь и быт народов севера»

В опасности

5 мая 1984 года

Я уснул, но спал недолго, около часа. Проснулся от ощущения, что в горах что-то неладно. Трудно объяснить, чем была вызвана тревога. Но проснулся я не от холода, а от страха — от необъяснимого предчувствия беды. Если бы я лежал в палатке, в спальном мешке, то поленился бы встать. А тут открыл глаза, поднял голову, посмотрел на горы. Снег идти перестал, ветер стих, четко просматривались вершины. Все было спокойно, но «шестое чувство», мой ангел-хранитель, продолжало предостерегать.

Я быстро встал, отряхнул снег и поторопился уйти с насиженного места. Оглянулся. Произойдет что-нибудь или

предчувствие просто дразнит меня, лишая отдыха? Сделал несколько шагов вверх и услышал позади несильный щелчок. В снежном покрывале горы пробежала трещина, и вдруг вся верхняя часть заснеженного склона пришла в движение. Снег понесся вниз. Лавина быстро разрасталась и мчалась прямо в ущелье. Вот уже все закрыли клубящиеся вихри. Грохот лавины, которая только что сползла из-под моих ног, напоминал грохот несущегося в туннеле экспресса. Нарушенную тишину повторяло многократное эхо, и долго еще были слышны скрежет, взрывы, свист. Все это вместе взятое порождало канонаду.

Симфония гор! Знаменитый английский альпинист Джордж Мэллори[15]говорил так: «День, проведенный в Альпах, подобен великолепной симфонии». И он же, словно предвидя, чем грозит попытка покорить Эверест, давал своему биографу повод написать, что «день, проведенный на Эвересте, может оказаться больше похожим на гигантскую какофонию, которая завершится мертвой тишиной».

Мэллори находил в горах чисто эстетическое удовлетворение. Горы любил той любовью, которая заглушила все и поглотила всего его — сначала душу, а затем и тело. Он был первым, кто прокладывал путь на высочайшую вершину мира — Эверест. Альпинист сравнивал: «То, что происходит с нами, ничем не отличается от того, что происходит с теми, у кого, скажем, есть дар к музыке или рисованию. Посвятив себя им, человек приносит в свою жизнь немало неудобств и даже опасностей, но все же самая большая опасность для него — это отдать всего себя искусству, потому что оно то неизведанное, зов которого слышит в себе человек. Уйти от того зова — значит засохнуть, как гороховый стручок. Так и альпинисты. Они принимают предоставляемую им возможность подняться на вершину, следуя зову неизведанного, которое они в себе чувствуют».

Джордж Мэллори был участником трех первых экспедиций на Эверест в начале двадцатых годов. 8 июня 1924 года он и еще совсем молодой альпинист Ирвин были полны решимости покорить гигантскую гору.

Они навсегда скрылись в тумане окружавшем вершину… Лишь девять лет спустя на высоте 8450 метров был найден ледоруб Мэллори. Добрался ли он до вершины со своим молодым другом, и что было причиной их гибели — об этом не узнает никто и никогда. Может быть, они попали в такую же лавину, которая только что сползла из-под моих ног, и до сих пор отголоски ее грохота разносятся над Матачингаем. Я представил, что творится на Эвересте, если здесь, на небольших высотах, белая смерть сносит все на своем пути.

5–6 мая 1984 года

Уходя от опасного места, я почувствовал, что на меня вновь накатывается смертельная усталость. После отдыха почему-то тяжелее стало передвигаться. Каждый шаг превратился в пытку. Белизна снега начинала действовать на нервы. Невыносимыми стали холод и сырость. На склонах начал терять равновесие. Но я понимал, что должен как можно скорее добраться до палатки. И потому шел, полз, карабкался без передышки. «Надо быстрее, быстрее», — твердил я себе.

Неимоверно долгим показался мне этот путь. Я запутался во времени, полярный день сбивал с толку: восемь вечера или восемь утра? Посматривал на небо: может, солнце проглянет между тучами и поможет определить время суток. Я безмерно устал и порой готов был сказать себе: «Хватит, лягу, передохну». Но сползал все ниже к подножию горы, потому что понимал: там, в палатке, — спасение.

От царящей вдруг тишины у меня начало звенеть в правом ухе. По народному поверью, надо загадать желание и спросить кого-нибудь — в каком ухе звенит? Но вокруг никого не было, и я сам себе загадал желание: жить! жить! жить!

Начало смеркаться. Над горизонтом, пробив сумерки полярной ночи, замигала звездочка, напоминая свет родного дома. С каким наслаждением появился бы я сейчас там, у знакомого порога, сбросил бы с плеч тяжелые невзгоды, мучительные дни неудач и километры, отделяющие от дома. Но сегодня крышей над головой мне снова будет куртка, наброшенная на выкопанную в снегу нору. Я сел в нее, всмотрелся в проем «двери». Огромный простор вселенной, открывшийся внезапно передо мной, как никогда казался необъятным. Никогда звезды не были такими далекими и такими холодными, как в эту наступающую ночь.

Закрыл глаза, и меня тут же потянуло в сон. «Проснуться через два часа! Через два часа! — твердил я себе. — Проснуться! Если не проснешься, снежная нора станет твоей могилой». Я вбивал в извилины своего мозга эти слова, и мозг запоминал их, помещал в самые отдаленные свои клетки, чтобы в нужный момент встряхнуть мое тело, заставить его подняться.

Уснул так же, как во время первой ночевки, уткнув лицо в колени и обхватив голову руками. Так велика была усталость, что даже не почувствовал, как оттаявшие на груди носки начали пускать по телу холодные струйки. С каждой минутой глубочайшего сна усталость уходила, а взамен вставал у входа в

снежное жилище вечный покой.

Но он не дождался своего часа. Закричали, застонали самые далекие клеточки мозга, упрятавшие команду к побудке, и через два часа я подскочил, снеся головой снежную крышу. Сердце бешено стучало. Я еще не открыл глаза, но уже стоял, чуть шевеля телом. Мороз сковал его, и я начал прыгать — сначала потихонечку и невысоко. Постепенно прыжки становились все быстрее, все выше. И так прыгал я на месте, пока не почувствовал, как возвращается в мышцы тепло.

Я огляделся: луна освещала чукотские горы, бросала от них тени в глубокие долины. «Надо идти, — сказал я вслух, — идти, ползти, но двигаться к палатке». Сделал шаг, другой. И потащился вниз, втыкая в снег ледоруб и опираясь на него руками. Ночь подморозила снега, они вцепились в скалы и не падали вниз. Если не считать этой удачи, мое положение было трагичным.

На рассвете добрался до ледяного кулуара, по которому, судя по следам, только вчера прошел ледопад. Кулуар был завален огромными глыбами льда, по ним предстояло карабкаться. С трудом заставил себя взобраться на один такой ледяной постамент, присыпанный ровным слоем снега, издали напоминающий однажды увиденных белых лебедей в заснеженной тундре.

Тогда мы с Ататой, моим верным другом в походах по северу, возвращались с охоты на нартах, запряженных собаками. Как я досадовал, что оставил фотоаппарат в поселке! Лебеди на снегу — такое увидишь нечасто. Чтобы не спугнуть их, мы сделали большой круг. Атата до самого поселка рассказывал сказку, как давным-давно летели в небе Облака. Вдруг смотрят — Тундра! Облака сказали: «Отдохнем, посидим, тут намного лучше, чем в небе». Закричали Облака: «Тундра! Тундра! Прими нас!» Тундра засмеялась и сказала: «Садитесь, только уже не будете Облаками, я вас сделаю птицами — Лебедями». Что ж, возможно, что и сейчас не белые ледяные глыбы, а стая лебедей села в этот злополучный кулуар.

Мною овладел страх: казалось, что стихия только и ждет, когда я попаду в эту ловушку. Стоит мне туда зайти, и горы тотчас обрушат на меня лавину. Я отчетливо представил, как до моих ушей доносится грохот, потом увидел и сам ледопад, несущийся с бешеной скоростью. И ничего я не смогу сделать, не смогу уйти с его дороги! По таким глыбам льда я не успею ступить и шагу, как меня заживо замурует. Да, пока я не доберусь до своего лагеря, у меня не будет уверенности, что я останусь в живых.

Сдерживая дыхание, осторожно, чтобы не нарушить покоя гор, я переступал с одной ледяной глыбы на другую. Затем, чтобы не испытывать судьбу, решил двигаться быстрей и уже прыгал с глыбы на глыбу.

Впереди лежал заснеженный распадок, покрытый ровным фирновым снегом: никаких признаков, что по нему проходят лавины. Но до него еще надо было добраться. Последние прыжки по завалу из ледяных глыб давались с трудом, и я бухал ногами по льду, словно кузнец молотом по наковальне.

Но вот наконец заснеженная равнина. Над ней нависала шапка снега, пока еще скованная морозом. Сил уже не было, и я на четвереньках пополз подальше от опасного места.

А сверху уже действительно мчалась лавина. Сначала она маленькой точкой беззвучно летела в кулуар. Но очень быстро точка превратилась в раздутый шар, увеличилась до размеров пятиэтажного дома и ударилась в то место, где я был несколько минут назад. Ударилась и взорвалась тысячами осколков. Они долетали до меня и вонзались в снег за моей спиной. Кулуар наполнился грохотом, стоном, свистом, плачем и воем.

Достигая цели

8 мая 1984 года

Окружающий пейзаж великолепен.

Вот уже который день я возвращался по гребню к подножию Матачингая. Как ни старался, так и не смог понять, каким же числом завершится этот поход, так дорого мне доставшийся. Какая дата отметит день, к которому я так стремился.

К палатке я буквально приполз. С трудом открыл полог, влез внутрь. Дрожащими руками достал из мешка с неприкосновенным запасом спички и примус. Долго не мог чиркнуть по коробку. Но все-таки высек огонь, набил в кружку снега, вскипятил воду. Пока она булькала в кружке, бросил щепотку чая, две ложки сахара. Обжигаясь, выпил спасительный напиток, заполз в спальный мешок и заснул мертвецким сном, оставив примус гореть и нагонять температуру в брезентовом доме.

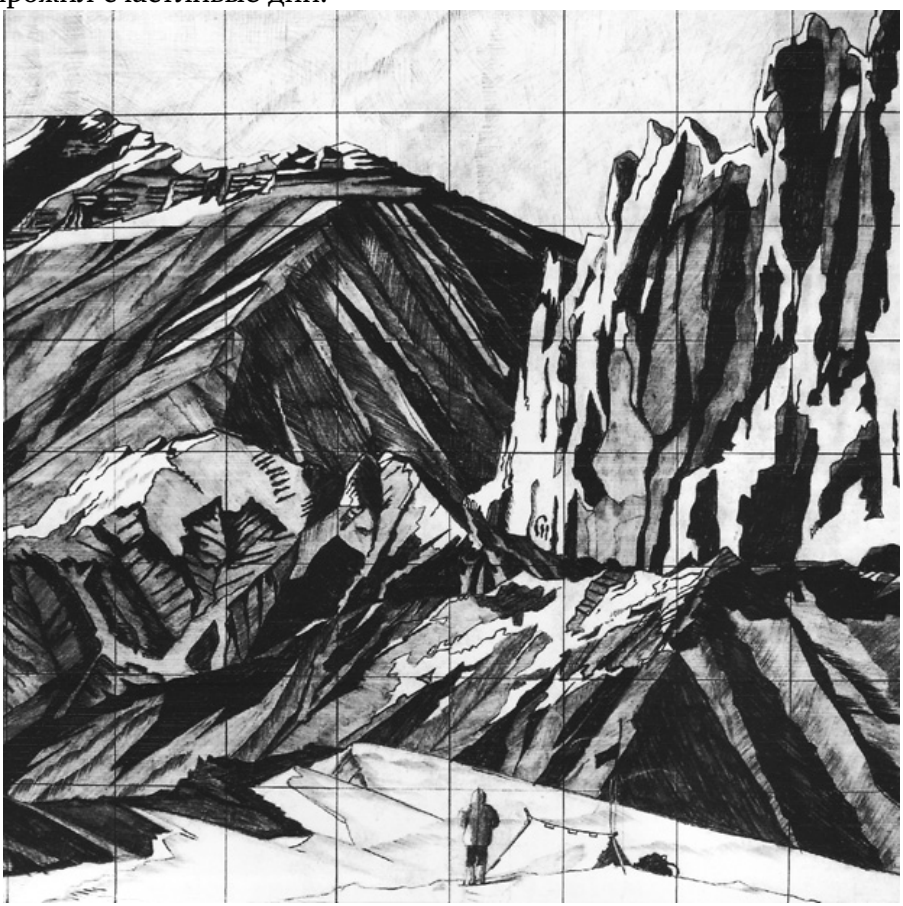
Хороший все-таки был поход!

9–10 мая 1984 года

Утром я выбрался из палатки заново родившимся.

Осмотрелся вокруг. Весь мир, начиная от Полярной звезды и кончая голубыми снежными горами, окружавшими палатку, принадлежал мне — ни одной живой души поблизости. Я был рад, что завершилось мое странствие по горам Чукотки. И в то же время было жаль, что все закончилось.

Я вернулся в палатку, снова вскипятил воду и заварил чай. Время шло, солнце прочертило низко над горизонтом свой огненный путь, а я, отдохнувший и умиротворенный, лежал в палатке, думая о прошедших днях и о том, чем займусь, когда попаду к себе домой. Через приоткрытый вход в палатку была видна вдали часть горной цепи Чукотского нагорья. Хороший все-таки был поход! Правда, были и опасные эпизоды, были и минуты отчаяния. Но ведь человек так легко забывает плохое! Погожий день напоминал мне о счастливых часах, когда я шел по чистым снежным склонам Матачингая. И я улыбнулся в синие глаза чукотских гор, как улыбался любимой женщине, с которой прожил счастливые дни.



Вид из лагеря на хребет Матачингай

Глава 2
Северный полюс. Песня вечности

Для многих людей нашей земли Северный полюс — это просто географическая точка. Для меня же это слово-символ, с помощью которого я ищу ключ к тем тайнам, что издавна мучают путешественников.

Федор Конюхов

Международная трансарктическая лыжная экспедиция СССР — Северный полюс — Канада

Старт 3 марта 1988 года, Северная Земля, остров Средний, мыс Арктический

26 апреля 1988 года группа достигла Северного полюса

Финиш 1 июня 1988 года, Канада, остров Уорт Хант

Переход длился 91 день, длина маршрута — 2000 километров

Руководитель экспедиции: Дмитрий Шпаро

Состав экспедиции:

Юрий Хмелевский, Василий Шишкарев, Анатолий Мельников, Александр Беляев, Анатолий Федяков, Владимир Леденев, Михаил Малахов, Федор Конюхов, Лори Декстер, Максвелл Бакстон, Кристофор Хеллоуэй и Ричард Вебер

К Северному полюсу в экспедиции Дмитрия Шпаро

Все мысли заполнены полюсом

4 ноября 1987 года

Смотрю в окно: на улице осень, пасмурно, листья все опали. Дворник, одетый в грязную фуфайку, серую фуражку и кирзовые сапоги, обычной длинной метелкой метет листья с каким-то азартом и любовью. Мне кажется, что ему приятно этим заниматься. Как охота заглянуть ему в душу или хотя бы

расспросить, чем он доволен, чего не достиг в этой жизни, о его мечтах и об отношении к этому миру. А также хочу узнать, мечтал ли он достичь полюса?

Я начинаю судить всех по себе, мне кажется, что все люди хотят идти к полюсу. Мне скоро исполнится 36 лет. И 30 лет я мечтаю достичь географического полюса. Зачем он мне? Еще мой дед хотел, чтобы я пошел по стопам его друга Георгия Яковлевича Седова[16], нашего земляка с Азовского моря. А вот как достичь? Нигде и никогда не учили ходить к полюсу. Какие надо иметь знания, чтобы отправиться к нему, я понятия не имел. Я знал, что надо быть смелым, и сколько себя помню, столько подвергал свою жизнь опасностям: то уплывал в море на лодке, то ходил в лесопосадки, представляя, что охочусь в джунглях. Всего не перечислишь. Это чудо, что я до сегодняшнего дня здоров и невредим. Или я был таким проворным и выходил из всех опасных ситуаций, или мой ангел-хранитель берег. Он, наверное, знает, для чего меня бережет, и ведет до моего предназначенного конца, а где этот конец — сегодня, завтра или, может, через год?

Да я особенно про это и не думаю. За эти годы я свыкся с тем, что могу умереть или погибнуть. Меня не страшит это. Только будет стыдно стоять там, в том мире, перед моим дедом и Седовым, и оправдываться за то, что не смог дойти до полюса. У меня все мысли, все мое тело заполнено Северным полюсом. В последнее время не было ни одного дня, чтобы я не думал о нем. Я постоянно готовил себя физически и морально к походу в эту магическую точку.

Памяти Георгия Седова. Из цикла «Мои друзья по риску»

В ожидании

9 января 1988 года

Лечу рейсом № 2 Владивосток — Москва. Лечу последний раз, или точнее — это мой последний этап в подготовке к трансарктическому переходу СССР — Канада. Или я вернусь на щите, или?.. Обстановка накалена. Шпаро не захотел сообщать имена тех, кто пойдет в экспедицию.

Бессмысленные разговоры

18 января 1988 года

В **20:00** было собрание в голубом зале газеты «Комсомольская правда». Сначала с **19:00** заседали радисты, Шпаро с ними вел беседу отдельно. Потом собралась вся экспедиция. Шпаро начал с того, что спросил, чем каждый будет заниматься, если не попадет в маршрутную группу.

Юра Хмелевский ответил четко, что если он не пойдет к полюсу, то вернется на свою работу, но по возможности будет помогать экспедиции. Шпаро ответил: «Хорошо».

Толик Федяков сказал, что если так случится и он не попадет в маршрутную группу, то он хотел бы вместе с Сашей Тенякшиным делать сбросы в лагеря маршрутной группы. Шпаро кивнул головой. То же самое ответил и Саша Беляев. Валера Кондратенко долго думал и сказал, что хотел бы попасть на базу с радистами.

Подошла и моя очередь. Я сказал, что если не пойду с ними, то пойду один. Шпаро возмутился: «Разрешения тебе никто не даст». Но я ответил: «Полюс принадлежит каждому, и я не стану спрашивать разрешения».

Следующим говорил Миша Малахов. Говорил долго и невнятно, мы ничего не поняли. Всем было ясно, что идет игра, что Шпаро без врача не пойдет, и Миша знает, что он нужен на маршруте (будет проводиться научная медицинская программа, за которую уже заплатили). Одним словом, все это было похоже на комедию или, как в народе говорят, «на цирк».

Тренировки

3 февраля 1988 года

Уже обед. Поставил чай, пока вода закипит, немного напишу о вчерашней тренировке. Правда, наши спортивные тренировки всегда проходят одинаково.

Мы собираемся в спортивном комплексе издательства

«Правда», по вторникам и четвергам в **20:00**. Два раза в неделю, этого достаточно. Нагрузки большие, не успевают мышцы отдохнуть, как уже приходит следующий четверг или вторник.

Выдержать тренировку — это значит выдержать еще один этап подготовки. Сначала мы пробегаем 5 километров по улице, делаем круг по скверам Москвы в любую погоду. Потом в спортзале бегаем по кругу и делаем различные упражнения, все это в быстром темпе. Саша Шатохин, тренер, нагружает нас до предела.

Приходится немножко хитрить, не делать полностью все, что Шатохин говорит. Если он сказал 40 раз отжаться от пола, то выполняю 35 (незаметно, конечно). Если делаем рывки по спортзалу, то надо создать видимость, что ты полностью отдаешь себя, но на самом деле не выкладываться до конца. Эта хитрость необходима, так делают почти все, каждый на каком-то из упражнений себя не изнуряет до отказа. Если все, что Шатохин говорит, делать до конца, то вряд ли можно выдержать такие нагрузки.

Сейчас очень тяжело работать, много посторонних людей смотрят, как тренируются люди, которые бросили вызов — перейти пешком через Ледовитый океан. Всегда присутствуют корреспонденты, врачи, кино- и телеоператоры. Да и просто зеваки, которые хотят поглазеть на нас.

После разминки мы берем блины от штанги по 20 килограммов и начинаем упражняться с ними. Тут уже выкладываемся полностью. Надо не только показать, что тебе легко с ними работать, но еще и красиво делать упражнения.

Минут за 40 до конца тренировки начинается футбол. От него только название. А так, выходят две команды гладиаторов и начинается бой между собой. Каждая команда (молодые и старики) делает все, чтобы выиграть. Применяются и грубые приемы — удар по ноге, броски через бедро на деревянный пол спортзала, прямые столкновения. Так всегда делают Толик Федяков и Толик Мельников, у них масса большая, по 86 килограммов, они разгоняются и врезаются в того, кто ведет мяч. Я при таком ударе (мой вес 70 килограммов) отлетаю на несколько метров или плашмя бьюсь об стенку спортзала. Саша Тенякшин небольшого роста, шустрый и резвый, бьет незаметно по ногам, то есть по косточке, и ты на несколько секунд, а то и минут выведен из строя. Василий Шишкарев играет в футбол плохо, но когда ему достается мяч, то лучше не подходи, бьет с размаха, применяет всю силу. А сил очень много, и если он промажет по мячу, то снесет тебя или самим мячом так врежет, что аж в глазах темнеет.

Сбор команды

9 февраля 1988 года

Утром, с **11:00**, с Васей Шишкаревым работали на складе экспедиции. В **14:00** погрузили груз в машину и повезли в «Олимпиец».

Вечером прилетели канадцы: Лори Декстер, уже всем нам знакомый, и два новых участника экспедиции. Кристофор Хеллоуэй, друг Ричарда, сообщил, что тот привезет 13 числа мне собаку, большого щенка.

Воздушная разведка для нашего старта

С конца февраля наши штурманы вылетали в район мыса Арктический[17], они должны были сделать разведку для нашего старта. И с огорчением передали, что возле мыса Арктический открытая вода тянется от Новосибирских островов[18] до Земли Франца-Иосифа[19]. А перенести старт на Землю Франца Иосифа неразумно, так как там большой боковой дрейф. И нас быстро бы вытащило в сторону Шпицбергена[20], а затем в Гренландское море[21].

Но за три дня до старта сильный ветер подул с севера, океанские льды пришли в движение и начали закрывать полынью. Старт с 1 марта перенесли на 3-е, и как только льды сомкнулись, мы стартовали с мыса Арктический, являющегося оконечностью Северной земли, и взяли курс на Северный полюс. Температура воздуха стояла на отметке минус 47, ветер встречный, 12–15 метров в секунду.

Старт

3 марта 1988 года

В день старта мной овладело нетерпение, скорее хотелось выдвинуться в путь, к полюсу. А когда мы ступили на лед и экспедиция началась, я готов был бежать всю дорогу без отдыха. Однако на пути были высокие торосы, открытая вода, тонкий лед, встречный ветер при минус 47 — тут особо не побегаешь.

Нас тринадцать лыжников: девять русских и четверо канадцев. Нам предстоит пересечь на лыжах Северный Ледовитый океан, вместе мы пробудем около трех месяцев.

В это время года на 81-м градусе северной широты световой день короток. Не успели мы преодолеть береговой припай, а день

уже начал клониться к вечеру. Красный шар солнца повис надо льдами и стал как бы расплавлять торосы, но ночь быстро накрыла замерзший океан. На небе всплыл полный диск луны, окруженный матовым венцом. Лунный свет преобразил Арктику, покрытую огромными глыбами льда. От них прямо нам навстречу протянулись темно-ультрамариновые тени. А над головой проносились перисто-кучевые облака. Они играли всеми красками ночной радуги.

Зачем птицы летят на север?

Вымерший белый город

Мы зашли в лабиринты торосов. Они обступили нас, точно стены вымершего белого города. Василий Шишкарев беспомощно блуждал в лабиринте снеговых улиц, пытаясь найти проход, который должен вывести нас на прямой курс. Окончательно сбившись, он взобрался на огромную льдину, на самый высокий скользкий торос, оглядел мертвую, прорезанную грядами торосов и трещин полярную пустыню и наметил только для него понятный выход из этих дебрей.

Лицо Шишкарева кирпично-загорелое и исхудавшее, он

всегда впереди, даже если очередь Володи Леденева, все равно Василий идет рядом. Володя часто возмущается, когда Василий указывает ему при выборе переходов через торосы или трещины. Но Шишкарев всегда невозмутим, улыбается, открывая плотные, блестевшие в смуглой бороде зубы. Он очень мало говорил и еще меньше позировал перед объективами фотокамер. А путь, который он выбирал, всегда был безопасен, и мы катились на лыжах, приближаясь к полюсу.

Когда было тепло, Шпаро снимал шапку и шел с непокрытой головой, пока волосы не покрывались инеем. Макс пил на каждой остановке воду, доставая из-за пазухи плоскую бутылочку из-под шотландского виски. Выпивая воду, Макс набивал бутылочку снегом и вновь прятал ее за широкий ворот свитера.

Лед, небо и белая тишина

1 апреля 1988 года

Нам пока везет, и может, потому, что в нашей команде есть священник — Лори Декстер. Ему 42 года, он из небольшого городка Форт-Смит, что на севере Канады. В Стране кленового листа он больше известен не как священник, а как полярный путешественник. Он восемь лет прожил среди эскимосов, участвовал во многих полярных экспедициях, некоторые организовывал и возглавлял сам. Увлекается марафонским бегом, создал у себя клуб «Бегуны полуночного солнца» — в него могут вступать люди, которые пробегают без остановки 100 километров за Полярным кругом. Клуб существует уже 13 лет, и все эти годы Лори не пропускает ни одного марафона.

Мы часто отпускаем шутки в адрес руководителя экспедиции Дмитрия Шпаро, говорим, что он знал, кого взять на такой опасный маршрут. Но Шпаро, не улавливающий шуток, серьезно отвечает, что пригласил Лори Декстера не как священника, а как опытного полярного путешественника, который в 1980 году сам возглавил экспедицию к Северному полюсу. Правда, достичь заветной цели его экспедиции не удалось из-за болезни одного из спортсменов.

Мы каждое утро потихоньку наблюдаем за Лори, когда он читает молитвы. Стараемся не мешать ему, и где-то подспудно, в душе, каждый из нас надеется, что его молитвы помогут нам преодолеть Великую Сибирскую полынью. Ее мы больше всего и боялись.

Только Вася Шишкарев со своей «пролетарской прямотой» кричит: «Эй, поп, быстрее собирай рюкзак, некогда тебя ждать! Не

помогут нам твои молитвы!» Лори тихо отвечает, что вера должна быть у каждого. Кто-то верит в деньги, кто-то — в политическую систему. А он верит в Бога.

Высокие ледяные горы со всех сторон окружали нас. Желтое солнце отражалось ото льда, янтарные блики окрашивали в мертвенный цвет наши лица. Мы смотрели на холодное, точно гаснущее над миром тусклое солнце, и казалось, что окружающая нас ледяная пустыня принадлежит неведомой мертвой, давно застывшей планете.

Лед прикрыт снегом — не различишь, где тонкий, а где можно становиться на него. Идя по океану, ты постоянно прислушиваешься к чему-то, твое сознание всегда чувствует опасность: в любой момент лед может разойтись под тобой. Давят бесконечное небо и необозримая Арктика.

Лед, небо и белая тишина — вот и все, что можно сказать об этой экспедиции.

Начальник полярной экспедиции Дмитрий Шпаро. Из цикла «Мои друзья по риску»

Дошли

26 апреля 1988 года

Цель нашего пути достигнута, мечта каждого участника

экспедиции осуществилась — мы наконец ступили туда, куда шли и еще будут идти многие путешественники. Три месяца мы шли по белому безмолвию. Временами тишину нарушал своим завыванием ветер. Иногда раздавались мощные раскаты, где-то или возле нашего лагеря трескался лед, происходило трошение. Однако чаще царила великая ледяная тишина, нарушаемая только скрипом наших лыж и дыханием.

В 11 часов 20 минут (время московское) советский и канадский флаги были водружены на северном географическом полюсе.

Солнце ходит по кругу, время стоит. Это очень сложно — разобраться во времени. Мы находимся в той точке, где все меридианы встречаются, несколько шагов в сторону — и ты уже переходишь из южной части земли в противоположную, из ночи в день, и наоборот. А год состоит из одного только дня и одной только ночи. И если бы сейчас не было солнца, то прямо над головой мы бы видели Полярную звезду. Север, восток, запад — в этой точке их не существует, во всех направлениях только юг.

Вокруг полюса торосы имеют довольно обычный вид. Смотришь на эти льды, и будто ничего не изменилось в ледяной равнине Севера, которая окружала нас на протяжении всего пути. Отсутствие всяких признаков жизни, холодное серое безмолвие. Ни одного темного места, где бы глаз мог отдохнуть от бесконечной белизны. Невольно страх овладевает тобой, когда представляешь пространство Ледовитого океана. И нашу экспедицию, маленькую точку, которая чертит извилистую линию через это белое безмолвие. И сколько еще придется сделать шагов, чтобы лыжи уперлись в твердую землю канадского острова Вортхан.

Когда я подошел к Северному полюсу, мое сердце наполнилось благодарностью к нему. Путешествие через океан научило меня рассчитывать только на свои силы и побеждать самого себя. Трансарктическая экспедиция потребовала не только физических сил, но и душевного равновесия, и терпения.

Первая российская автономная экспедиция «Арктика» к Северному полюсу

Старт 4 марта 1989 года с архипелага Северная Земля, остров Шмидта[22]

Экспедиция достигла Северного полюса 6 мая 1989 года

Переход длился 64 дня

Руководитель экспедиции: Владимир Чуков

Состав экспедиции:

помощник руководителя экспедиции, штурман Валерий Лощиц, радист Юрий Егоров, второй штурман Сергей Печенегов, художник Федор Конюхов, кинооператор Александр Выхристюк, фотографы Андрей Подрядчиков и Леонид Сафонов, метеоролог Александр Рыбаков, завхоз Татьяна Чукова, врач Владимир Петлах, ремонтник Василий Жуковский, ответственный за выполнение научной программы Владимир Онищенко

Экспедиция под руководством Владимира Чукова[23]

«**4 марта 1989 года.** Наконец все в сборе. Церемония прощания завершена. Взваливаем рюкзаки на плечи, цепляем к поясам санки, делаем первые шаги, постепенно вытягиваясь в длинную цепочку. За спиной слышны хлопки ракетниц, громкие возгласы — пожелания удачи, хорошей дороги, победы. Но все это вскоре растворяется среди белого безмолвия, слышны только скрежет лыж на жестких застругах, грохот санок, переваливающих через ледяные барьеры, да завывание ветра…»[24]

Трудный путь

15 апреля 1989 года

Прошли одну ходку — 1 час 15 минут. Я отстал, шел последним.

09:25. Вышли на вторую ходку. Погода теплая, градусов 30 мороза. Шли в синтепоновых легких куртках. После второй ходки в **10:40** съел одну галету. Сил очень мало, еле плелся.

После третьей ходки остался кусочек сахара и маленький кусочек сухаря. Вчера вечером разделили шоколад — одну плитку на двоих на целый день. Но я так хотел есть после ужина, что всю свою пайку съел сразу. Ужин скудный был — вермишель на воде, завтрак тоже — жидкая гречневая каша.

Скудный обед

16 апреля 1989 года

Прошли три ходки. Еще одна — и обед. Я дежурю. Готовить буду жидкий гороховый суп, чай с двумя ложками заварки.

Ужин не порадовал. Саша Выхристюк приготовил манку, ну что такое жидкая манка, когда целый день работал, как вол?!

Гостеприимная Арктика

17 апреля 1989 года

10:00. Прошли одну ходку за 1 час 10 минут. Дорога неплохая, правда, иногда встречались трещины, но они все были проходимы. Я шел и вспоминал книгу «Гостеприимная Арктика», написанную канадским путешественником[25]. Здесь, в Арктике, мы не встретили ни одного зверя, а он описывал, что питались они только мясом убитых животных. А нам так хочется есть.

Все нервные, потому что голодные. Я уже точно решил, если Богу будет угодно, то на следующий год пойду на Северный полюс в одиночку. Но важно правильно подготовиться.

Прошли еще две ходки. На второй преодолевали гряду торосов, в ногах чувствовалась вялость, нехватка калорий. Я все время думаю о еде, а до полюса еще очень долго, дней 20–25.

20:55. Последняя стоянка, и через час будем ставить палатку.

День был сегодня очень плохой. Температура минус 20, а я мерз, сыро как-то и неуютно. Солнца совсем не было. Валера переживал, ему надо было брать координаты, а он не мог без солнца.

Кровь на морозе быстро застывает

24 апреля 1989 года

Сегодня исполнился ровно год, как мы — команда во главе с Дмитрием Шпаро — достигли полюса. Я молчу, не хочу дразнить парней. Все они очень ревниво относятся к экспедиции Шпаро, в которой я участвовал. Сейчас мы отстаем от прошлогоднего результата Шпаро на два градуса, это где-то 12 дней пути.

Первая ходка прошла без приключений. Впереди ледяные дебри, совсем не видно прохода — одним словом, хаос. Будем пробиваться — больше ничего не остается.

10:30. Закончилась вторая, очень тяжелая ходка. Много битого льда, разводья с открытой водой, неровности. По курсу не шли, а просто выбирались из этого района.

Еще в начале ходки я услышал крик Володи Чукова: «Федя!» Обернулся — кто-то лежит на льду. Быстро сбросил рюкзак, отцепил от пояса нарты и, не снимая лыж, побежал назад. У меня было такое чувство, что кто-то провалился под лед. Когда

подбежал, увидел, что поднимается Саша Рыбаков. Он упал, сзади по голове его ударил рюкзак, и Саша лбом грохнулся об лед. Со лба у него текла кровь, но на морозе быстро замерзала. Я предложил перебинтовать голову, Саша отказался.

Погода портится, солнце заходит за тучи. Если будет «белая мгла», то в таком сложном для ходьбы месте нам придется очень тяжело.

На третью ходку затратили 1 час 5 минут. Остановились в **11:45**. Солнце затянуло тонкими тучами. Снег синий, как синька, дорога начала улучшаться, но еще петляет между одиноко стоящими заснеженными торосами.

Все парни устали, еле плетутся. Саша Рыбаков и на этой ходке упал прямо на ровном месте. Василий Жуковский говорит, что у него в груди что-то давит. Валера Лощиц, наш штурман, тоже ослаб и идет все время последним. Я смотрю на всех и думаю, кто первый сдаст. Ясно одно, что все мы не дойдем до полюса, кого-то потеряем.

13:15. Дорога неплохая, хотя много снежных надувов. Валера Лощиц начал развивать свою теорию, что он не голодный — не чувствует голода, так как желудок уже не вырабатывает желудочный сок. Андрей Подрядчиков и Вася Жуковский уснули прямо на снегу. Сережа Печенегов сильно страдает из-за обмороженных пальцев на правой ноге, да у него и лицо обморожено тоже.

Валера подготавливает теодолит для «взятия солнца», чтобы узнать наши координаты. Володя Чуков ремонтирует примус — он у нас быстро засоряется из-за плохого бензина.

По тонкому льду. Из цикла «Мои друзья по риску»

Черный день

28 апреля 1989 года

«Вы меня не звали и не ждали, а я вот пришла». Умер Саша Рыбаков. Не суждено ему было дойти до полюса. Из его тетради я сделал себе новый дневник. Саша мне обещал, что сам сделает, но не успел — смерть на это ему времени не отпустила.

16:00. Погода будто чувствует покойника: солнце спряталось, стало пасмурно и неуютно. Восточный ветер порвал лед на мелкие куски. Недалеко от палатки прошла трещина. Все спят. Парням безразлично, что творит природа. Они сильно устали. За палаткой лежит мертвый Саша Рыбаков. Я выходил посмотреть, чтобы его тело не унесло на обломке льдины. Глянул на его закоченевшее лицо и почувствовал: даже мертвому холодно. Укрыл Сашу пуховой курткой.

Стоим, не двигаемся из-за смерти Саши Рыбакова. Ждем вертолет, который заберет мертвого Сашу и двоих больных. Володя Чуков распределяет каждому из нас их снаряжение. Нас осталось семеро, вес рюкзаков будет по 35–38 килограммов. Это тяжелая нагрузка для ослабевшего организма.

А что такое Северный полюс, стоит ли за него отдавать жизнь? Это просто точка, в которой воображаемая ось вращения

Земли пересекает ее поверхность. Располагается в центральной части Северного Ледовитого океана. Глубина здесь превышает 4000 метров. Круглый год тут дрейфуют мощные многолетние льды. Средняя температура зимой — около минус 40, летом — обычно около нуля.

Только вперед

30 апреля 1989 года

11:30. Прошли две ходки ровно по 1 часу. Дорога отвратительная, много воды. Шли не по курсу, то на запад, то на восток, только не на север. Яркие солнечные лучи изредка пробиваются сквозь тучи и освещают хаотическую картину, похожую на место, где только что прошло землетрясение. Нарты тяжелые, застревают в торосах.

Прошли третью ходку за 1 час 5 минут. Дорога плохая, но впереди просматривается улучшение. Дай Бог до обеда выйти на хорошую льдину. Ко мне подошел Володя Чуков и пожаловался, что в последнее время ему в голову лезут плохие мысли. Я ответил, что наши мысли должны быть заняты только тем, куда мы идем.

Из письма Федора Конюхова Бренду Боди[26]

«Я долго не сообщал тебе о своих путешествиях и планах. 4 марта этого года я в составе спортивной лыжной экспедиции «Арктика» стартовал с острова Шмидта к Северному полюсу. Нас было тринадцать человек, мы поставили перед собой принципиальную задачу — полная автопилотность группы, отказ от каких-либо вспомогательных транспортных средств, включая собак и авиаподдержку. Протяженность маршрута 1000 км. Вес груза каждого участника экспедиции — до 80 кг (40 в рюкзаках и 40 в нартах).

Находились в движении до 10–11 часов чистого ходового времени ежесуточно. Не было ни одного дневного отдыха на протяжении всего маршрута. В начале пути встретилась большая открытая вода и много битого льда.

После 22 дней тяжелой работы трое из нас тяжело заболели от большой физической и ходовой нагрузки. Их пришлось вывозить на большую землю самолетом. В конце апреля заболели еще 3 участника, один из них умер в ходе работы на льду.

6 мая 1989 года мы пришли на Северный полюс.

На протяжении всего маршрута я вынашивал мысль о достижении этой точки в одиночку. И вот сейчас, после завершения экспедиции, принял окончательное решение пойти к полюсу один, планирую старт на март 1990 года».

Первый в истории России одиночный поход на лыжах к Северному полюсу

Старт 3 марта 1990 года с мыса Локоть, остров Средний

Финиш 9 мая 1990 года

Время в пути — 72 дня

Одиночный поход к Северному полюсу

Соревнование со льдом

15 февраля 1990 года

Собираясь в одиночный поход на Северный полюс, я отдавал много времени и сил подготовке снаряжения, питания, навигации. На физическую тренировку времени не оставалось. Я понимал, что могу рассчитывать только на свой полярный опыт и собственные силы. И еще я надеялся на «шестое чувство» и на Господа Бога. Я знал, что за эту дерзость могу поплатиться жизнью.

Каждый, кто решится идти к полюсу, должен знать границы своих возможностей, предельные нагрузки на сердце. А еще надо верить в свой успех и предназначение, что именно тебе суждено дойти до макушки земли.

Если взять расстояние по карте, то от мыса Арктический, что на архипелаге Северная Земля, до географического полюса 980 километров. Но это по прямой, а мой путь будет куда длиннее. Ведь на маршруте наверняка встретятся поля торосистого льда, широкие каналы открытой воды. Я буду попадать в районы, где до самого горизонта тянется лед толщиной всего в 3–5 сантиметров. Под весом человека он трескается. Если я решусь пройти таким опасным районом, то это будет гонка без остановки, соревнование со льдом, расходящимся прямо за задниками лыж. И неизвестно, кто выиграет это состязание.

Белое безмолвие

Два светила

5 марта 1990 года

Третий день, как я на маршруте к Северному полюсу. Утром проснулся в **06:00**, включил буй Коспас[27], чтобы в Москве знали мои координаты. Сварил кашу: гречка, орехи, изюм и два кусочка оленьего языка. Ел без аппетита. Настроение плохое — уж очень далеко отнесло меня от основного маршрута. Чувствую, что впереди много воды.

В **07:00** вышел на связь с островом Средний. Радист Дима Серов сообщил, что у них все хорошо, и пожелал хорошей лыжни. Начал собираться в дорогу. Убрал антенну, снял палатку. В ней сломались дуги, и теперь ее очень тяжело ставить.

В **09:00** вышел на маршрут. На горизонте показалось красное солнце. Тихо, ветра нет. Небольшой морозец — минус 27. Дорога сносная, старые торосы засыпаны снегом. Я начал изучать их строение и направление, вспоминая прошлые походы. Только изучив строение торосов, застругов, трещин, можно безошибочно выбирать дальнейший путь. Это все придет ко мне со временем.

Шел с наслаждением. Рюкзак и нарты тяжелые, но тащил их с приподнятым настроением. Посмотрел направо на расплавленный диск солнца и удивился: два светила — одно

ниже, другое, точно такое же, выше. Хотел остановиться и зарисовать, но понял, что солнце отражается в воде. Я даже не заметил, как подошел к кромке льда, и передо мной открылся без единой льдинки до самого горизонта океан. Волн нет, от воды поднимается пар, и в нем колышется солнце.

Я всего ожидал, но только не этого. Мне захотелось кричать и просить Всевышнего, чтобы он помог. Такой воды я еще не видел в Арктике. Направо и налево до бесконечности — чистая ото льда вода.

Долго стоял я и любовался этой красотой, забыв, что она мне враждебна. Потом отошел метров на сто от кромки льда, сбросил рюкзак и отстегнул нарты от пояса. Вдали, примерно в километре, увидел айсберг, возвышающийся над остальными. Решил оставить вещи, налегке взобраться на него и посмотреть, что творится вокруг. На лыжах отправился к нему. Прошел половину пути, увидел старые следы белого медведя. Видимо, он путешествовал здесь два-три дня назад. Вспомнил, что не взял с собой карабин, фальшфейер. Все мое оружие осталось на нартах. Пришлось вернуться. Положил в карман фальшфейер, на плечо набросил карабин.

С севера шли темные тучи. Они начали закрывать солнце. Я спешил к айсбергу, чтобы успеть посмотреть, что меня ждет впереди. Казалось, он недалеко, но чем дольше я шел к нему, тем дальше и дальше было до него. Я остановился, по компасу засек направление на свои вещи, чтобы потом найти их в торосах. Наконец добрался до глыбы, поднимавшейся на 10–12 метров от ровного льда.

К воде голубой айсберг спускался крутым склоном, а с моей стороны был пологим. Снял лыжи, воткнул их задниками в снег, повесил на них карабин. Выдалбливая ножом ступени, взобрался на самую вершину айсберга. Передо мной открылся прекрасный, но безрадостный для меня вид: путь к полюсу отрезан водой. Погода тихая, так что долго придется ждать, когда закроется эта полынья.

Метрах в двадцати от айсберга плавала нерпа и с любопытством смотрела на меня. Наверное, хотела спросить, что я делаю в ее владениях.

Нашел удобное место, с которого можно было наблюдать за водой и видеть, когда она начнет смерзаться. Знаю, что близко к открытой воде лагерем стоять нельзя, но не хочется уходить далеко. Может, на горизонте появятся льды.

14:00. Я никак не могу успокоиться. Надо бы лечь в спальник и поберечь силы и тепло, а я все время хожу вдоль воды с карабином. Возле моего берега живут три нерпы. Вернее,

наоборот, это я остановился возле их берега.

Солнце в дымке, белая луна висит на востоке. Тишина такая, что в ушах звенит. Сам себя успокаиваю, что я же этого хотел — испытания в Северном Ледовитом океане. Да и не может быть все время так. Рано или поздно должно что-то измениться. Может быть, все-таки подует ветер и льды закроют полынью? Палатку поставил выходом на север, чтобы чувствовать, когда подует ветер с этого желанного для меня направления.

Путь труден

10 марта 1990 года

С утра мела поземка. Ночью плохо спал, кашлял. Вышел на маршрут в **09:30**. Спина болит. Чтобы рюкзак был легче, переложил радиостанцию на нарты. Шел и думал, что я уже старый, чтобы так много тащить на себе груза. Да и третий год подряд ходить к Северному полюсу — это уже слишком. Наверное, это мой последний поход на макушку земли, если все завершится хорошо, займусь яхтами.

Холодно!

15 марта 1990 года

Холодно, мерзнут ноги. Дорога торосистая до самого горизонта. Когда идешь в одиночку по прогибающемуся тонкому льду, то невольно думаешь, что будешь делать, если лыжи проломят его соленую серую корку, и ты вместе с рюкзаком и нартами начнешь опускаться в холодную воду океана?

Как не везет!

19 марта 1990 года

Как мне не везет! Встретилась на пути трещина. Небольшая, но перейти невозможно. И обойти тоже тяжело из-за окружающих ее торосов.

Вперед прошел четыре минуты[28], но на восток дрейфом отнесло на целый градус. Что-то тяжело даются мне километры: торосы, трещины, бесконечные завалы битого льда! Порой хочется плакать от отчаяния. Но что могут дать слезы? Сам выбрал такую жизнь и такой путь.

Остановился лагерем в гиблом месте — возле трещины. Вокруг торосы. Если ночью начнется подвижка, то мне придется худо. Впрочем, я и не помню, чтобы у меня была хотя бы одна хорошая ночь. Вчера пурга занесла мое жилище. Пришлось среди ночи выползать и откапывать его, чтобы снег не сломал дуги палатки. Сегодня пурги нет, но слышу, как трещит лед. Это значит, будет его подвижка.

Греет только работа

28 марта 1990 года

Никуда не двигаюсь, а ветром меня приблизило к полюсу. Пурга очень сильная, я еще не видел такого ветра в Арктике за время путешествий. Боюсь за палатку, чтобы ее не порвало.

22:00. Пурга стихает. Вышел на связь с базой на острове Средний, мне передали, что ветер идет большим фронтом, значит, пурга может возобновиться.

Мой товарищ Миша Поборончук напомнил по рации, чтобы я не двигался после пурги, следовал заповеди Наоми Уэмуры: надо выждать, пока не станет видно трещин. Сейчас ночь, но светло. Надо ложиться спать, но в сырой, холодный спальник не хочется заползать.

Перед сном читаю молитву Ангелу-хранителю: «Ангеле Христов, хранителю мой святый…»

Удачные дни

29 марта 1990 года

Два дня не шел, стоял лагерем. Между тем меня отнесло на 14 минут[29] на север. Вызываю по рации базу острова Средний. Идут помехи, слышимость плохая, в наушниках треск — аж уши ломит.

Температура — минус 20, идет мелкий снег. Видимость плохая — «белая мгла». Остановился на ровном льду. У меня с базой договоренность, что в **14:00** выйду на связь. Время есть, готовлю чай.

Какой суровой бывает Арктика и какой может становиться доброй и красивой! Снег прекратился, выглянуло солнышко, ветер стих. На северо-западе небо голубое, и так красиво, что я счастлив, что нахожусь здесь. Вот только есть хочется — желудок заглушает мое счастливое настроение.

Тяжело быть одному в Арктике: такой большой простор

давит, нервы в постоянном напряжении, да и работа выматывает. Иду и думаю, что же там, за торосами? А там снова торосы и снова работа до посинения. Перетаскиваю по очереди то нарты, то рюкзак. Хочется быстрее двигаться вперед, но больше десяти минут[30] в течение дня я еще не проходил.

Примус что-то стал плохо гореть, начал пользоваться запасным. Жалею, что в Японии купил только три примуса, надо было пять.

Ловлю базу, но идут помехи. Радист что-то передает, но не могу разобрать.

Погода хорошая была сегодня, прошел несколько трещин. Видел, как парит на западе. Там, наверное, большая вода, от нее поднимается пар. Температура к ночи понижается до минус 25. Сделал ревизию продуктов. Надо экономить, но не сильно: голодным далеко не уйдешь. Здесь, в Арктике, греет только работа, а чтобы работать, надо есть кашу — простая, но истинная формула путешественника.

Вот и каша поспела, от нее исходит тепло, приятно держать голыми руками горячую кастрюлю. Дай Бог, чтобы ночь была спокойной, чтобы не пугали раскаты лопающихся льдин или скрип снега под лапами белого медведя.

Меня сносит на запад!

5 апреля 1990 года

Погода неважная, барометр падает, солнце светит, но оно в тумане. Сегодня, наверное, будет плохой день, чувствую это и по льдам — они шуршат. Это как перед штормом — льды начинает ломать. Где-то бушует пурга. Сегодня я, наверное, мало пройду. Преодолеть бы сегодня хотя бы минут семь[31]. Я отстал от своего графика на целый градус. По плану я уже должен быть на 85-м градусе. Таким образом, я подошел бы к полюсу 5 мая.

Остановился на ночевку на час раньше — сил больше нет идти. Завтра, если получится, выйду на час раньше и тогда смогу идти по 10–12 часов в сутки. А то устаю и к вечеру чувствую себя плохо. Даже поставить палатку хорошо не могу, а резать снежные кирпичи совсем нет сил. Так что надо менять график движения.

Сегодня на пути встречалось много разломов. Тяжело было перебираться через движущиеся льды: челноком перетаскивал через них то рюкзак, то нарты. Правда, к вечеру появились небольшие поля. Минут по тридцать я шел хорошей дорогой. Но потом снова как заберешься во льды и минут по сорок из них выкарабкиваешься.

Включил «Магеллан»[32]. Он поймал только один спутник, а для определения точных координат надо три. Передал по рации на остров Средний сообщение для Миши Поборончука: «Когда будешь лететь ко мне сбрасывать на парашюте продукты, не забудь для «Магеллана» пальчиковые батарейки».

Грею этот прибор над примусом и жду, когда он покажет координаты. Батарейки замерзли. На табло горит указатель, что надо заменить питание, а у меня нет запасных батареек.

К счастью, «Магеллан» наконец-то поймал три спутника, включился компьютер для обработки координат и показал мое местонахождение: 84°48’ с.ш., 95°29’ в.д.[33]

Ой-ой-ой! Как меня несет на запад!

Мечта детства

6 апреля 1990 года

Сегодня исполняется 81 год с того момента, как человек впервые достиг Северного полюса. Это был американец Роберт Пири[34]. Я выпил за него стопку своей настойки из коньяка, спирта, лимонника и меда. Закусил рыбой рябушкой. И подумал, что, может, кто-то когда-нибудь и за меня выпьет. Все-таки я третий раз иду к полюсу.

Я с детства мечтал о Северном полюсе. Помню, когда выпадал снег, а его в наших краях было мало, я делал лыжи из бочковой клепки. И ходил в степи по вспаханному полю, представляя, что это торосы. И всегда играл роль Георгия Седова. Он был моим кумиром с детства.

Сегодня шел 12 часов без обеда. Не захотел ставить палатку. Очень холодно — пока готовишь обед, весь замерзнешь. Но и без еды тяжело. Уже на седьмом часу покидают силы.

Уже **21:00**, а солнце высоко. Можно еще идти, но у меня радиосвязь, из-за этого приходится ставить палатку. Спать еще рано. Я все равно мало сплю — всю прошлую ночь трясся от холода. У меня японский синтепоновый спальник. Он как будто толстый, но очень узкий и продуваемый — не хранит тепло.

Обложил палатку снежными кирпичами. Подходит ночь, боюсь, что снова мне предстоит лежать и дрожать. Сон приходил, но ненадолго. От холода постоянно просыпался, а потом вообще поднялся в пять часов.

Лучше всего на маршрут выходить в восемь утра и вечером останавливаться в восемь. Но желательно делать перерыв на обед. Без него очень трудно. Рюкзак и нарты слишком тяжелые, дорога плохая. Глубокий снег, торосы, большие сугробы, трещины по 2–3

метра, большие участки открытой воды. Обхожу их и на каждой трещине теряю 15–20 минут. Лед толстый, на нем много старого снега. Чувствуется, что дрейфует он года два. Трещины в таком льду достигают 5–8 метров. Упадешь — ни за что не выберешься.

Сегодня случилось так, что я сам прошел, а нарты упали и потащили меня. Хорошо, что дно трещины было замерзшим. Если бы была вода, я бы навеки там остался. Для себя сделал вывод: если нарты по длине уступают ширине трещины, то нечего и пытаться преодолевать ее на лыжах.

У меня не продумано крепление нарт, оно намертво привязано к рюкзаку, висящему за спиной. В случае опасности я не могу его быстро отстегнуть.

Очень сильно притомил меня мороз. Он держится на отметке минус 40–42. У меня постоянно мокрые рукавицы. Попытался высушить над примусом, но с них потекла вода и погасила пламя. Даже не верится, что где-то можно сидеть без рукавиц и не прятать руки от холода.

Но я себя заранее настроил на такие лишения. До полюса идти два месяца, а если пойду на яхте вокруг света, то это будет еще дольше. На яхте, правда, другие условия. Одиночество меня не гнетет, потому что много работы. Вот и сегодня встал пораньше и не бездельничал. Подшил палатку — она немного порвалась. Рукавицы подштопал — они протерлись от лыжных палок. Обмотал веревкой металлическую ручку ножа, а то металл очень холодный.

Много бензина уходит на разогрев «Магеллана». Сижу, держу его над примусом. И ничего больше нельзя делать. Если еще варить кашу, то кастрюля заберет все тепло.

Конструкция моей палатки, придуманная Володей Чуковым, хорошая, но сшита палатка из очень плохого материала. Ее продувает как решето.

На табло «Магеллана» загорелся сигнал, что прибор взял все три спутника. И тут же появляются координаты: 84°55’ с.ш., 95°19’ в.д. Может, даст Бог, завтра перевалю через 85-й градус.

Увидел свежие следы песца и не удивился. За три года походов к полюсу я всегда на этой широте видел следы зверьков. Значит, здесь поблизости есть открытая вода и белые медведи. Песец идет по следам хозяина Арктики и доедает то, что остается после его трапезы на льду — останки тюленя или нерпы.

До радиосвязи 15 минут. Потом лягу спать. А вернее, просто буду лежать и дрожать в спальнике в каком-то забытьи. Слишком холодно. Ночью так замерзают ноги, что я без конца тру одну о другую, чтобы чувствовать, что они еще не отвалились. Промерзают все суставы, колени сводит. Та часть тела, на

которой лежишь, становится чуть ли не ледяной. Дышать в спальнике нельзя: изнутри он покроется инеем от теплого дыхания. Но, как только трогает сон, поневоле стараешься спрятаться с головой в спальник. Дышать холодным воздухом не очень-то приятно. Мерзнут рот, нос, лицо. В палатке температура минус 36, хотя я и обложил ее снежными кирпичами, чтобы не поддувал ветер. В спальнике холодно, он как термос: если в него залезешь холодным, то он и будет держать холод. Я как-то раз положил градусник внутрь спальника, в ноги. Температура оказалась минус 15.

Когда ложусь спать, то бахилы очищаю от снега и льда и кладу под спальник, чтобы на них лежать. Ботинки помещаю в мешок и кладу его между ног. До утра ботинки немного отходят от мороза. Иначе их утром не обуть.

А вот продукты у меня хорошие, их мне хватает. Конечно, всегда хочется есть. Но если всего набрать досыта, пришлось бы нести больше груза. Примерно такой рацион у нас был, когда мы шли через Северный полюс в Канаду вместе с канадцами. Экспедицию возглавлял Дмитрий Шпаро. А вот в 1989 году в экспедиции Володи Чукова было голодно, нам не хватало продуктов.

А каково было первым?

24 апреля 1990 года

За 7 часов прошел 11 километров. Это неплохо.

По рации с базы сообщили, что английскую экспедицию Файнеса[35] сняли с маршрута. Она смогла дойти до 88-го градуса. Да, обидно, что они чуть-чуть недотянули до Северного полюса. Еще никто не доходил до него без помощи.

В прошлом году мы дошли до полюса, но это не в счет, так как к нам два раза прилетал вертолет. Первый раз, 28 марта, забирал наших троих больных, а второй раз, 28 апреля, умершего Сашу Рыбакова и больных Василия Жуковского и Таню Чукову.

И еще с базы сообщили, что на Чукотке в экспедиции погиб Валера Кондратко, мой друг по одному из прежних походов. Он готовился в отряде космонавтов и мечтал взлететь высоко в небо. Но его все почему-то не посылали в космос. Подробности его гибели не сообщили, радисты их не знают. Лишь позднее я узнал, что смерть Валера принял на борту небольшого самолета. Перегруженный, он рухнул на землю, похоронив под собой моего друга. Я не хочу верить, что его уже нет. Мы с ним дружили с 1983 года. Были вместе на полюсе относительной

недоступности[36] в 1986 году[37]. Да будет ему Царство Небесное! Он его заслужил.

Долго не мог уснуть. Мысли всякие лезли в голову. То о друзьях, которых потерял в экспедициях, то о маршруте. Что ждет меня впереди? Мне тяжело идти к полюсу, а каково было первым? Вот перед кем надо преклонить колени.

Ожидание

27 апреля 1990 года

Вышел из палатки и увидел, что ночная пурга взломала лед. Мой лагерь оказался на небольшой льдине, плавающей среди каши из мелко битого льда. Вдали, на северо-востоке, куда мне надо идти, виднелась цепь высоких торосов. Но к ним не добраться. Остается только ждать, когда мороз скрепит битый лед. Но, судя по цвету неба, холодной погоды мне нескоро дождаться. После набежавшей пурги потеплело. Температура поднялась до минус 15, а чтобы лед сковало, требуется мороз не менее 25–30 градусов.

Поход по льдам

28 апреля 1990 года

Ожидания, что ночью все же похолодает, оказались напрасными. Ждать улучшения обстановки опасно. Льдину, на которой стоит моя палатка, уносит на запад, а оттуда будет еще сложнее выбираться к полюсу. Нет времени ждать благоприятной погоды. Надо попытаться перейти этот ледоход. По моим расчетам, ширина его не более 5–6 миль. Такая «дорога» займет целый день: придется переходить с одной льдины на другую там, где края их соприкасаются.

08:30. Сворачиваю лагерь. Попытаюсь форсировать битый лед.

21:00. Слава Господу Богу! С его помощью мне удалось добраться до крепкого льда. На это ушел весь день. По непрочному льду я перетаскивал нарты с одной льдины на другую. Иногда приходилось ползти на животе через узкие трещины с тонким, прогибающимся льдом — он выдерживал только мой вес. Рюкзак и нарты приходилось оставлять. Перебравшись на более крепкий лед, я при помощи веревки перетаскивал свои вещи. И так метр за метром. Но однажды я все-таки провалился по самую грудь в воду. Этот случай мог стать

роковым, если бы вблизи не оказалось крепкого куска льда.

Наконец выбрался из ледяной каши на противоположный «берег» из крепкого льда. Быстро поставил палатку, с трудом снял с себя смерзшуюся одежду, разжег примус, забрался в спальник. Жду, когда закипит чай.

Господи, за что?

30 апреля 1990 года

К вечеру сошел я с гряды торосов и внезапно почувствовал под собой пустоту. Мои рукавицы наполнились снежной кашей, за которую невозможно держаться, ноги опустились под воду. Рюкзак на спине, словно надутый баллон, держал меня на плаву, да застрявшие в торосах нарты не давали пойти ко дну.

Из моей груди вырвался тихий, неузнаваемый мною голос: «Господи, за что? Неужели это конец?» А полюс был так близко!

Вода проникла через комбинезон и нательное белье, жгучим холодом охватила тело до самой груди. Я уцепился левой рукой за край льдины, а правой — за ремень, связывающий меня с нартами. И, чуя за спиной неминуемую гибель, изо всех сил вытянул свое тело на прочную льдину.

Дела Божьи

6 мая 1990 года

15:30. Я уже недалеко от Северного полюса. Ветер ужасный. Через каждые полтора часа выхожу откапывать палатку из-под снега. Уже двое суток пурга не утихает. За это время я много о чем передумал. Хорошо, что со мной «Новый Завет». Его перечитывать можно бесконечно.

Ветер развернулся на южный. Может, Бог смилостивится и ветер стихнет. Думаю об одном: если Богу угодно, чтобы я остался жив, то как я отображу в своих картинах пургу в Ледовитом океане?

У цели

9 мая 1990 года

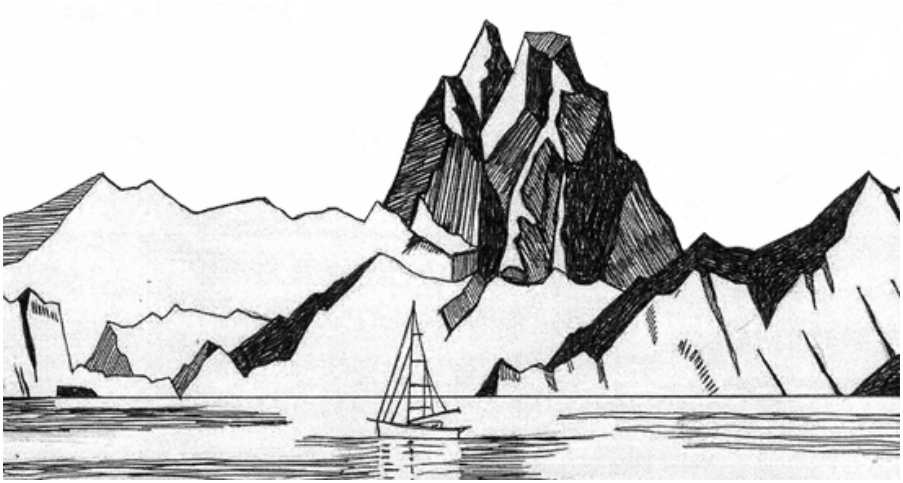
Я на Северном полюсе. На протяжении всего пути я имел дело только с собой, все время созерцал себя, проверял, испытывал, копался в своем прошлом, а также мечтал о будущем.

Люди, занятые мирскими делами, обычно разглядывают друг друга, копаются в чужой жизни, осуждают или стараются изменить жизнь близких людей и никогда не пытаются посмотреть на себя со стороны. А одиночное путешествие дало мне эту возможность.

Глава 3
"Караана". Первое кругосветное плавание

И я ушел в плавание своей мечты, к которому готовился с детских лет. Что ждет меня впереди?

Федор Конюхов



Первое в истории России одиночное кругосветное плавание нон-стоп на яхте «Караана» (36 футов, рит яхты — Swanson)

Маршрут Сидней — Мыс Горн — Экватор — Сидней (Австралия)

Старт 28 октября 1990 года

Финиш 8 июня 1991 года

Время в пути — 224 дня

Я романтик, искатель приключений. Для меня находиться подолгу в море не составит труда, так как я его люблю почти как любимую женщину. Я хочу обойти земной шар три раза без захода в порты, но не стремлюсь ни к каким рекордам. Я хочу оказаться в океане один на один с ветрами и беспокойными волнами, разговаривать с птицами и животными, населяющими океаны, почувствовать вращение Земли и каждый день читать утреннюю и вечернюю молитвы, глядя на восходящее и заходящее солнце. Вот что тянет меня в это гигантское путешествие.

По неведомым мне причинам я родился не для легкой жизни, а для наслаждения ею через преодоление трудностей. Искру в меня заронило Азовское море, моя деревня Троицкое. Я с раннего детства мечтал стать путешественником. Родился в 1951 году, 12 декабря, под созвездием Стрельца. Уже этим было предсказано, что я стану путешественником, так как «стрельцы» — это авантюристы, художники, ученые. Мой род происходит от поморов Белого моря. Многие поколения моих прародителей были рыбаками. Но я появился на свет далеко от севера, на теплом берегу Азовского моря. Когда я в своей автобиографии указывал, что родился на берегу Азовского моря, то чиновники в недоумении спрашивали: как это так, ты что, появился на свет не в родильном доме?

Многие представляют, что человек выходит на свет Божий только в больнице, где запах камфары и всяких лекарств. Вот и получается, что младенец — беспомощный ангел — наполняет свои легкие этим смрадом. Меня же мама родила под шум прибоя, моя грудь сразу наполнилась чистым солоноватым воздухом. А мои чуть приоткрытые глаза увидели восходящее из морской пучины солнце.

Уже в десять лет я мечтал о кругосветном плавании под парусами. В годы учебы, утром, прежде чем отправиться в школу, делал пробежку в два километра вдоль моря, затем купался в нем в любую погоду и время года. Можете представить, каково мне было после такой утренней разминки сидеть в скучном классе и слушать поучения учителя.

В школе у меня было много друзей, они меня всегда признавали лидером. Была у меня кличка Капитан, но не за то, что я носил капитанскую фуражку с позеленевшим от времени и морской воды крабом (кокардой), а за то, что я всегда был верен своему стремлению быть первым в любой ситуации. Все годы учебы я только и твердил: как окончу школу, так и уйду в плавание вокруг мыса Горн[38] и мыса Доброй Надежды[39].

Окончил школу, ходил в море на рыбацких траулерах. Но никогда не прекращал готовить себя духовно и физически к

такому походу. Что бы я ни делал, где бы ни был, я всегда думал, как бы я себя вел в океане. Физически себя закаливал наперекор всему тому, что советуют врачи. Зимой купался в море, спал на гвоздях. Совершал марафонские пробеги по 100 километров в сутки. Пил морскую воду. В 15 лет переплыл на весельной лодке Азовское море. Годы шли, а кругосветное плавание все откладывалось по каким-то причинам. То я служил в армии, то меня направили воевать во Вьетнам. То я в джунглях Сальвадора взрывал мосты.

Но вот однажды я собрал рюкзак и улетел в Австралию, чтобы от берегов Зеленого континента уйти в мечту детства — к мысу Горн.

Помню, когда я пришел в яхт-клуб «Антарес» города Находки и сказал, что собираюсь вокруг света в одиночку, а это были семидесятые годы, все яхтсмены смотрели на меня, как на чудо. В их глазах можно было прочесть: «С ума сошел, кто же тебя выпустит одного, да и где ты достанешь яхту?»

Все эти вопросы стояли и передо мной. Но я знал, что рано или поздно железные двери, за которыми мы жили, приоткроются. И не может быть, чтобы не нашлась яхта, на которой я совершу свое плавание. Я даже сам хотел построить парусник.

В осуществление этой мечты верил только один человек, который был моим первым капитаном по крейсерским плаваниям, — Юра Куликов. Мы с ним часто обсуждали мое решение. Он даже утверждал, что можно уйти в кругосветку на яхте четвертьтонного класса. Юра был капитаном такой яхты, названной в честь любимой девушки «Оля». Что мне нравилось в Юре, так это то, что он, как и я, верил в лучшие времена. И говорил: «Федя, готовься и будь готов. Как только что-нибудь произойдет, ты тут же уходи. Может быть, это будет скоро, а может быть, еще долго придется ждать. Но в кругосветку можно идти и стариком, как англичанин Фрэнсис Чичестер[40] или поляк Леонид Телига[41]». Я так и настраивал себя, верил, что все равно пойду, не может быть, чтобы за всю мою жизнь так ничего и не произошло.

Судьбе было угодно распорядиться так, что я ушел не в шестьдесят лет, а в сорок. Хотя это и не молодость, а все-таки лучше, чем в шестьдесят. Я благодарен своим учителям парусного спорта. Сначала я занимался на катамаране «Торнадо» у рулевого Юры Осипова. Славный парень, мы и сейчас с ним дружим. Сколько он дал мне полезных советов, уже когда было известно, что я пойду в кругосветку.

Вспоминаю другие экспедиции, в которых я участвовал. И не

могу назвать ни одной, которая была бы одобрена нашими властями. Всегда приходилось что-то доказывать или просто так уходить, не добившись разрешения. Так же я сделал и сейчас: ушел в плавание без чьего бы то ни было соизволения. Мой товарищ из Австралии, Азик, сделал вызов к нему в гости на три месяца. Он пригласил нас троих — меня, моего яхтенного капитана и наставника из Находки Леонида Лысенко[42] и генерального директора страховой компании «Дальроссо» Владимира Шахова, который выписал мне чек на сто тысяч долларов для покупки яхты. Я нигде не говорил, что буду покупать яхту, иначе бы нас не выпустили из Союза.

Прилетели в Сидней, выбрали за три дня яхту, которая, на наш взгляд, в состоянии была обогнуть земной шар. И цена подходящая — 60 тысяч долларов. На оставшиеся деньги сделали ремонт судна, купили приборы, заказали паруса — словом, сделали вроде бы все, что необходимо для такого плавания.

До встречи с «Карааной» мы осмотрели много яхт, выставленных на продажу. Но ни одна мне не понравилась. Причем «не понравились» в основном яхты, чья цена не вписывалась в сумму, которой я располагал. Конечно, в Австралии есть яхты, о которых можно только мечтать, но и стоят они!..

Как только я заглянул в каюту «Карааны», сразу почувствовал уют: запах приятный, тепло, светло, сухо. И мгновенно про себя решил, что именно эту яхту покупаю. Хозяин что-то показывал, что-то рассказывал, но я все равно не понимал по-английски. Леонид Константинович с ним все смотрел и сам договаривался.

Пока мы осматривали «Караану», приехал Азик на своей машине. Как только он поднялся на яхту, я ему сказал, что мы покупаем ее. Хозяин назначил цену 70 тысяч, и я согласился, я же не умею торговаться. Но Азик сказал: «Федя, иди на берег и жди там», а сам остался. О чем они толковали, я не знаю, но дома, за чашкой чая, хозяин объявил, что отдает нам яхту за 60 тысяч. Молодец Азик, смог выторговать 10 тысяч. На следующий день мы с утра зашли с ним в банк и перечислили эту сумму на счет владельца «Карааны».

И тогда я вздохнул с облегчением: яхта куплена — еще одна ступень к заветной мечте преодолена.

Выход «Карааны» из Сиднея вокруг света без заходов в порты, по самому сложному пути — между «ревущими сороковыми»[43] и «неистовыми пятидесятыми»[44], с заходом на экватор — я назначил на воскресенье **28 октября 1990 года**. «Караана» отошла от яхт-клуба в **10:20** по австралийскому времени.

Попрощался с друзьями. Нелегко расставаться с людьми, с

которыми сдружился, пока готовил яхту в Сиднее. Те, кто помогал мне и словом, и делом, пришли проводить меня. Здесь, в Австралии, я нашел себе много друзей. Мне хочется запомнить Австралию такой, какой видел ее перед выходом. Когда я увижу ее снова?

Едва успел взглянуть последний раз на город, как мы вышли в океан. Но лишь выйдя из бухты Джэксон, я вздохнул и сказал: «Вот теперь, Федор, все зависит от тебя, а еще от Бога и “Карааны”».

Нас встретили большая зыбь и встречный ветер. Поэтому пришлось зарифить грот и идти галсами. К ночи ветер зашел на вест. Поставил большой стаксель. «Караана» накренилась и, тяжело взбираясь на волны, понесла меня в далекое плавание. Плавание, о котором я мечтал с детства.

Что ждет меня впереди? Сможет ли яхта пройти мыс Горн? Хватит ли моих сил, чтобы справиться с трудностями, с которыми придется встретиться? Эти мысли неотступно начали преследовать меня. А тем временем я все дальше и дальше уходил от земли.

21:15. Ночь. Я впервые ощутил абсолютную тишину звуков моря. Но как ни был я рад, что ушел в плавание, все-таки не могу не думать о том, что с каждым часом, с каждой милей я удаляюсь от цивилизации.

«Караана»

2 ноября 1990 года

Я доволен, да и по плавной походке своей яхты чувствую, что она тоже довольна. Вообще красивой походкой, то есть ходом «Карааны», можно любоваться бесконечно. В мире должно быть все красиво, и на красоту не грех смотреть. Красивыми должны быть названия городов, вещей. Хотя за эту красоту я получу скандал от своего спонсора. Ведь у меня бумага с печатью — договор, где сказано, что яхта должна быть названа «Дальроссо», как фирма-спонсор, а я оставил прежнее название — «Караана». Я суеверный, вот и побоялся переименовывать. Я не мог, у меня не поднималась рука написать на корме другое имя. Ну представьте себе, если бы она носила имя «Дальроссо», как бы я ее называл? Это было бы просто мертвое название — вещь, в которую невозможно вдохнуть жизнь.

Отправляться в мечту детства, к цели своей жизни — с мертвым названием? Конечно нет! Мне нравится имя «Караана». На языке аборигенов Австралии это означает «мирная».

Общение

4 ноября 1990 года

Вот уже неделя, как я в плавании, ночь прошла спокойно. Светила луна. Три раза выходил проверял паруса, скорость и курс.

Я один на весь океан. Общаюсь с альбатросами, всегда с ними здороваюсь. Только с каждым по-разному, в зависимости от того, как летит или как смотрит на меня птица. Кому говорю «привет», кому — «доброе утро». Это единственные существа, с кем я могу поговорить, не считая акул и китов за кормой. С ними не обмолвишься и словом, они под водой сопровождают «Караану», лишь изредка появляясь на поверхности.

Один в океане

5 ноября 1990 года

Прошел по лагу 542 мили. Штиль, ветра нет, большая зыбь. Яхта то опускается, то поднимается на вершину волны. Смотрю вдаль, и как будто песчаные дюны катятся от горизонта. Вокруг пустынно, нет даже моих друзей альбатросов. В такие часы приходят всякие мысли. Кажется, что весь мир состоит из волн, и не верится, что где-то есть другая жизнь. Я счастлив, что нахожусь один во вселенной. Кто еще может себе позволить побыть в одиночестве в океане и подумать о смысле жизни?

11 дней в пути

7 ноября 1990 года

С каждым днем все холоднее и холоднее, так как я спускаюсь вниз, к Антарктиде. По лагу яхта прошла уже 679 миль. Время в пути — 11 дней. Сегодня 7 ноября, праздник. Я, правда, его не ощущаю, так как погода не праздничная. Да и радио не берет ни одну станцию.

Сколько дней я нахожусь в море, столько не ем мяса. И не тянет. Колбаса лежит, мокнет на палубе. Но мне даже не хочется слышать ее запах. Ем в основном орехи, яблоки, апельсины. За день два яблока, три апельсина, кружка чая с сахаром и кусочек сухаря.

Барометр поднимается

13 ноября 1990 года

13:00. У меня все ладони в крови — заклеил их где пластырем, где забинтовал. Настраивал ветровой автопилот, так как электрический не держит на курсе. Идет большая зыбь с кормы. Пять часов простоял за рулем — не ел, не пил, замерз. Одно немного радует, но боюсь и думать об этом: барометр поднимается. Может, будет тихо, тогда и отдохну.

Меня будто что-то подтолкнуло. Выскочил и увидел недалеко рыбацкое судно. Схватил радиостанцию и начал передавать свои координаты, чтобы они передали в Сидней. Не знаю, правильно ли они меня поняли, но я кричал в микрофон так, как у меня было записано.

Шторм. «Все, данное нам, — от Бога, и большего, чем дано, нам не свершить. Но не свершить того, на что благословлен свыше, уже грех».

Вдали от мира людей

14 ноября 1990 года

Темно. Лежу и думаю свои думы: как-то меня будут встречать, и что я вынесу из этого плавания. Когда находишься так далеко от мира людей, кажется, что там все так просто должно быть и прекрасно. Но я помню, что такие же мысли были у меня на пути к Северному полюсу. А вернулся — встретил желчных, злых, жадных, завистливых людей. И тогда я заплакал от обиды на этот мир и с сожалением о том мире, где я был и куда, может, уже больше не попаду.

Скучаю по своим близким. Но все еще не могу отойти от тех трудностей, с которыми пришлось столкнуться, чтобы выйти в это плавание.

Чаще стал выходить на палубу. Надо смотреть, здесь постоянно попадаются айсберги. Утомляет пронизывающий холод. Глядя на безбрежные просторы, я не могу представить, как мы с моей яхточкой забрались так далеко. Нет ни птиц, ничего живого. Только ветер, волны и тучи. Вот мир, о котором я мечтал еще на берегу Азовского моря.

О погоде

24 ноября 1990 года

Как медленно я иду! Скоро месяц, а еще не пересек 160-й меридиан. Мыс Горн на 60-м градусе. До него 100 градусов.

Каждый день надо проходить по два градуса, но и тогда за 50 дней не одолею необходимого расстояния. Прохожу 80-100 миль в сутки, а надо 120–130 миль.

08:30. День пасмурный, все небо в тучах. Океан пуст, нет ни птиц, ни китов, ни дельфинов. Раньше они часто сопровождали меня. Я все дальше и дальше ухожу от земли. Курс держу 80 градусов, немного южнее, чем надо. Но если задует ветер, тогда у меня будет запас для поднятия на север.

Сегодня суббота, но я не чувствую ни будней, ни праздников. Для меня праздник, когда тихая погода. А она так редко бывает! Значит, мне отпущено праздновать в этом мире очень мало. Надо мной голубой купол неба и солнце. Вокруг горизонта остались тучи. Если так продержится, я постараюсь кое-что просушить из одежды. Ветер холодный, долго на палубе в одном свитере, без куртки, не простоишь.

17:40. Пошел дождь. На западе тучи, на востоке, куда мы идем, светлое небо. Вода изменила цвет, стала, как чернила, фиолетовой.

19:00. Я ожидал дождя. А он был только вначале. Потом крупный град забарабанил по палубе. После немного стихло. Решил поставить большой стаксель. Сейчас он стоит вместе со штормовым на рейковом штаге. Скорость 6 узлов. Барометр не поймешь — или падает, или стоит на месте. Еще светло, хотя солнце и зашло за горизонт. Но перед тем как скрыться, прорвалось сквозь тучи, сильно и ярко засветило. Оно прощалось со мной на всю ночь.

Только мы с «Карааной» остались в этом океане, который приближал нас на попутной волне к мысу Горн. Медленно идет время, мало мы проходим за день миль. Но мы знаем, что наш путь уменьшается и уменьшается, наша цель становится ближе. Первой целью было пройти Тасманово море[45], оставив за кормой Новую Зеландию. Вторая — мыс Горн, Южная Америка. Потом экватор. Затем мыс Доброй Надежды. А там и в Австралию. Когда это будет?

Морские разговоры

25 ноября 1990 года

51°35’74’’ ю.ш., 164°02’54’’ з.д.[46]

07:40. Шторм, но изредка сквозь тучи проглядывает солнце. Стоят два штормовых стакселя. Скорость 6 узлов. Курс 65–70 градусов.

Сильно болтает — короткая, противная зыбь бьет по борту. Я

голодный, но готовить не решаюсь: все летит с плиты, можно получить ожог. Барометр медленно идет вверх.

14:30. Не выдержал — поставил чайник. Есть хочется так, что даже голова разболелась. В длительном плавании тяжело то, что все время качает и качает, да еще бросает — невозможно ни сидеть, ни лежать. Лежишь, а сам руками и ногами враспорку, чтобы не бросало из стороны в сторону.

Как хорошо, когда разливается горячая жидкость по всем твоим клеточкам. Кофе взбодрил меня. Но прежде чем выпить кружку, я одну опрокинул. Сколько раз даю себе зарок не ругаться. Но не смог обуздать себя и стал говорить ругательные слова и на кружку, и на кофе, и на шторм, и на себя — не смог удержаться.

Я давно ни с кем не разговаривал. Хочется кричать, орать всякие глупости, лишь бы слышать хоть собственный голос. Одиночество угнетает. Когда вижу альбатроса, завожу с ним разговор о его жизни. Задаю ему вопросы и сам же на них отвечаю. Очень жаль, что эта большая и умная птица не умеет говорить. И так я беседую со всеми, кого встречаю, — и с китами, и с дельфинами. Но с дельфинами много не поговоришь: они слишком шустрые, быстро ныряют и выныривают из воды. А я не люблю спешку. Хочется говорить долго, рассудительно. Вот с солнцем, когда оно всходит или заходит, говорю о философии этого мира, в котором только мы вдвоем — солнце и я. Все, что не успеваю высказать ему, договариваю своей «Караане». Она у меня послушная, все терпит — и похвалы, и ругань. Когда что-то случается, я всю злость сгоняю на ней.

Но хватит философствовать, пора варить суп с картошкой и советской тушенкой. Одну банку мне дали на пароходе, пришедшем из Советского Союза в Австралию. Почистил картошку, лук, чеснок, морковь…

Мысли о полюсе

26 ноября 1990 года

51°05’81” ю.ш., 159°54’70” з.д.

00:40. Убрал большой стаксель. Плохо одному работать на носу лодки. За румпелем некому постоять, потому «Караану» зачастую ставит бортом к волнам. Они бьют сильно по борту, и пока поднимаешь стаксель — вымокаешь с головы до ног.

Уже начинается рассвет, но небо очень темное, все в страшных тучах. Только кое-где просветы. Я на несколько секунд увидел Южный Крест[47]. Он у меня всегда справа.

Да, ночка выдалась на славу. Я и глаз не сомкнул. Все время работал с парусами. То убирал, то ставил. Яхта не хочет слушаться руля и идти по курсу, ее ставит лагом к волне. Сейчас изменил курс. Иду 20 градусов, а надо 65. Но все равно меня разворачивает. А холодина такая, что зуб на зуб не попадает. Но волны разошлись крутые, они здесь и не утихают. С палубы не уйдешь, надо постоянно работать с парусами.

День прошел в дремоте. И спать нельзя, так как яхта рыскает, и устал что-либо делать. Как только появлялась свободная минутка, я забирался в спальный мешок, старался согреться и немного поспать. Скоро ночь, что она принесет мне? Одно только знаю, что не будет покоя. Большие волны, ветер не утихает. Солнце село в темные тучи. Я лежал, слушал песни Владимира Высоцкого. Сварил себе макароны и открыл банку топленого сливочного масла. Поел за целый день. Хочется писать, но холодно. Заберусь в свой полюсный спальник. С ним я прошел в 1988 году через весь Ледовитый океан. В этом году спал в нем же, когда шел в одиночку к Северному полюсу. Вот и сейчас под парусами вокруг света снова с ним. Когда вспоминаю свои путешествия, просто не верится, что все это сделал я.

Больше всего снится сын

27 ноября 1990 года
50°59’87’’ ю.ш., 159°09’95’’ з.д.

07:00. Поставил большой стаксель. Решил использовать это затишье и немного набрать высоты — подняться на юг. Здесь не поймешь, где верх, а где низ. У нас, в Северном полушарии, говорят, что Антарктида внизу, а мы — наверху. Здесь все наоборот. Карты Австралии нарисованы так, как австралийцам удобно: Антарктида изображена в верхней части карты.

Я решил немного изменить курс и идти к Антарктиде не по прямой, а наискосок. За все это время я приметил, что больше всего ветры дуют со стороны Антарктиды. И, когда шторм, мне ничего не остается, как идти по волнам и по ветру. А это значит, что мы с «Карааной» уваливаемся от генерального курса на север. Сейчас мы с ней решили, что, как только погода позволит, надо набирать лишних градусов на юг. А в шторм со спокойной совестью идти по волнам, не боясь, что нас далеко унесет на север.

Ночью снился сон, что я на лошадях ездил, ловил какого-то взбесившегося коня. В другом сне привиделся сын Оскар. Он больше всего снится. Наверное, из-за того, что я хочу, чтобы он

вырос настоящим человеком, пусть не путешественником. Я этого, наоборот, не желаю — слишком опасное занятие. Но хочу, чтобы он шел к своей цели так, как я. Поставил цель и пришел к ней, даже если для этого потребовалось бы очень много лет.

Вот взять, к примеру, полюс. Я еще был маленьким, ходил в школу, но уже знал про Георгия Седова и решил, как только вырасту, обязательно дойду до полюса. Я не только вырос, уже и порядком состарился. Но все это время никогда не покидала меня мысль, что я дойду до полюса. И в 1988 году стоял в той точке, к которой стремились все благородные, смелые люди. Только от одних имен в горле ком: Руальд Амундсен[48], Фритьоф Нансен[49], Георгий Седов. Эти люди стоят выше всех. Они положили начало штурму полюса. Нансен — в мире. Седов — в России.

Но когда я еще был далеко от полюса, в 1978 году, я узнал, что японец Наоми Уэмура дошел до него в одиночку. И тогда уже запало мне в душу, что надо идти в одиночку. Мечта сбылась в этом году. 9 мая я стоял один на вершине планеты. Я не первый дошел в одиночку до полюса, не первый сейчас иду вокруг света на яхте. Но я первый из россиян делаю то, о чем мечтал Георгий Седов.

Сейчас тяжело, холодно, опасно. Не знаю, каким будет исход моего плавания. Но если, дай Бог, завершится успешно, то я начну подготовку к самому опасному из всех путешествий — одиночному походу до Южного полюса. Такого еще в мире никто не совершал. И я молю Бога дать мне силы и здоровья, а больше всего — смелости для этого путешествия. И тогда можно будет спокойно умереть, зная, что в этом мире, на этой прекрасной Земле, где мне пришлось жить, я сделал то, что должен сделать каждый — поднять планку способностей человека еще выше, чем она была поднята моими предшественниками.

С утра часа два сидел и пытался заложить программу в «Магеллан», чтобы он брал координаты. Инструкция на английском — каждое слово ищу в словаре, потихоньку продвигаюсь.

Набрал из цистерны воды для чая. Вода мутная, грязная, какая-то вязкая, что-то в ней плавает. Вообще цистерна очень плохая. Во-первых, слишком большая, на 370 литров, без успокоительных переборок. При качке вода болтается и с силой бьет в борта. Второй недостаток: цистерна из пластмассы, а не из нержавейки. В пластиковой емкости вода очень быстро портится.

Меня постоянно беспокоят две проблемы. Первая — мало пресной воды. Вторая — яхта течет. Через каждые 4–5 часов откачиваю из трюма воду. Ее набирается очень много. Казалось

бы, что здесь такого, на всех яхтах воду откачивают постоянно. Но одно дело прогулочные походы возле берега, а другое — плавание вокруг света. Если шторм будет бушевать несколько дней и придется все время стоять на руле? А если в это время сломается помпа?

Помпы у меня старые, плохие. Откачка воды — сущая каторга. Ручки плохо держатся в стаканах, тяжело качать и надо делать много качков, чтобы захватить воду.

Вышел на палубу. Приятно смотреть, как яхта с борта на борт переваливается, продвигаясь все вперед и вперед. Только от «Карааны» зависит, сбыться моей мечте или нет.

Какая-то небольшая птичка кружится возле нас. Я подумал: «Вот и птичка так далеко залетает в океан. Она надеется на свои крылья. Если что-то случится и сломаются крылья, ей отсюда не выбраться». Так же и я. Мои крылья — паруса. Я должен беречь их, они свое дело знают.

Я думал, моряки преувеличивают…

28 ноября 1990 года
52°02’24” ю.ш., 155°31’23” з.д.

05:00. Сегодня ровно месяц как я в пути. День серый, идет морось. Ветер попутный. Скорость 5–6 узлов. Включил «Навстар»[50]. С 19:20 вчерашнего дня он у меня не был включен, и если я пройду свыше 60 миль, то он может потерять программу. Пройденное расстояние по лагу здесь точно не определить, он делает ошибку из-за дрейфа яхты и течения всей массы океана.

Не работает «Навстар» — не ловит спутник. Идти без знания своего точного места сложно и опасно. Я не буду знать, когда и где подойду к Южной Америке. Лаг неправильно показывает, компас тоже не всегда точно. Да и курс яхты не ровен. Я иду и в лавировку, и спускаюсь по ветру. Что меня ждет — не знаю. Дай Бог пройти мыс Горн!

Есть Создатель на небе! «Навстар» заработал и передал координаты. Когда он отключился, у меня сердце похолодело. Я знал, что заблудиться в таком пространстве очень легко. Солнца здесь не бывает целыми неделями. Ветер дует сильно и быстро перемещает массу воды. За 14 часов я прошел 100 миль. А на лаге только 40–50.

Морось. Хорошо, что у меня тент, я его поднял, и дождь меньше попадает в каюту. Очень холодно. Еще ничего не ел. Часто смотрю в иллюминаторы. Они у меня с одной стороны. Меньше опасности, что волной вышибет. Не выходя из каюты (на

палубе холодно и сыро), смотрю за айсбергами.

11:00. Открыл рыбные консервы и с таким аппетитом съел! Ничего не ел со вчерашнего вечера. При шторме готовить сложно. Включил «Навстар». Мне не верится, что он заработал! Хочу еще раз убедиться в этом. Барометр начал резко падать. Откачал воду, приготовился к шторму. И вот он пришел — океан несет соленую пыль с дождем. Не поймешь, с неба идет вода или с океана ее подняло в небо.

16:00. Шторм продолжается, волны идут горами. Барометр продолжает падать.

Приготовил макароны с сахаром. Хочу поесть, но удастся ли? Весь дрожу, мерзнет все, даже голова. Температура в каюте плюс 5, но сыро. Всюду капает, все влажное. Мой спальник полюсный тоже влажный. Спальник американский, с которым я проехал весь Союз в 1989 году на велосипеде, тоже мокрый. Я ни разу в нем не спал, подкладывал под себя. А вот сейчас не откачал вовремя воду из трюма, волна вышла наверх и все замочила. Соленая морская вода тяжело высыхает.

Ветер сильно давит и сглаживает зыбь. Но я-то знаю, сглаживает только сейчас. А как только ослабнет, океан тут же вздыбится. Я читал, что валы идут по 18 метров высотой. Думал, моряки преувеличивают. Сейчас вижу, высота волн может быть и больше 18 метров. Когда в Тасмановом море попал в ураган, там метров 20–25 были волны. Это точно! Вот сейчас уже метров 15 есть. Я всегда измеряю по мачте. Яхта уходит вниз так, что гребни волн намного выше мачты. Один только спуск с волны длится 30–40 секунд, а подъем и до минуты. Пишу, а сам посматриваю на печку. Ее так болтает, что, боюсь, выбросит кастрюлю из подвески.

17:00. Съел две миски макарон с брусничным вареньем. Хорошо, что за штурманским столом есть крепежный ремень. При бортовой качке он держит меня и не дает вылететь из сиденья. Вот и сейчас я пристегнулся к штурманскому столу, включил магнитофон на полную громкость, чтобы не слышно было воя ветра. Слушаю музыку и ем свое варево.

В плавании ничего нет легкого

29 ноября 1990 года
52°56’17” ю.ш., 153°04’30” з.д.

Себя я настроил на то, что самое сложное и опасное меня и «Караану» ждет у мыса Горн. Но в таком плавании ничего нет легкого. Опасности подстерегают нас в любой момент и на

каждой миле.

Меня сильно сносит к Антарктиде. Ночь прошла более-менее спокойно. Конечно, что это за спокойствие, если все время выбегаешь на палубу?! Вчера с вечера что-то сердце побаливало. Проглотил капсулу валерьянки. Да как ему не болеть — уже месяц как я ни разу не спал спокойно. Здесь нет сна как такового, все в каком-то полузабытьи, куда-то проваливаешься. Видишь сны, а сам чувствуешь, как идет яхта, каким курсом. Каждый стук, всплеск слышишь. Вот сердце и заболело. Немного бы отдохнуть.

08:25. Ветер заходит справа. Мой курс 65–70 градусов. Скорость 7–8 узлов. Барометр ползет вверх. Слишком сильно треплет передний стаксель, перебрасывает с борта на борт. Беспокоит меня и штаг — его крепление на топе мачты очень слабое.

Погода просветлилась, тучи есть, но не такие темные. Ветер стихает.

Морская гигиена

30 ноября 1990 года

14:20. Идет мелкий дождь, туман, морось. Видимость плохая, на полмили, а может, и меньше. Включил «Навстар». В этих широтах я не боюсь столкнуться с пароходом. Здесь другая опасность — айсберги и киты.

В океане туман и морось. Хорошо, что у меня много флаконов однопроцентного раствора спирта — Леонид Лысенко привез мне из Владивостока. Готовясь к плаванию, я надеялся, что буду если не купаться, то хотя бы обмываться морской водой. Но не тут-то было. Здесь не помоешься: холод, шторма.

Уже месяц я не мылся, тогда-то и вспомнил про эти флаконы. Намочил ватку, протер лицо и шею. Вата сразу стала черной. После такой процедуры стало легче. Решил, что, как только погода стихнет, разденусь и протру все тело. Пора менять паруса — большой стаксель на малый. Ночью опасно идти с такой парусностью.

17:30. Сменил паруса. В Сиднее мне пошили новые, но они стоят хуже старых. У новых плохой раскрой.

Подарки

2 декабря 1990 года

54°30’59” ю. ш., 143°38’50” з. д.

Стремлюсь забраться севернее. На юге опасно — встречаются айсберги. Вчера, уже к вечеру, услышал странный шум, будто шум прибоя. Выскочил из спального мешка и босиком — на палубу. Вот те на! Справа по борту айсберг. Весь в трещинах, гротах, пещерах. Волны разбиваются об него, от этого и необычный для открытого океана шум прибоя, который я, слава Богу, услышал. Быстро переложил руль влево и начал набивать паруса, чтобы уйти от него. Он, зараза, большой, метров 50–70 длиной. Не очень высокий, но все же выше мачты. Вот такой блин, изъеденный тараканами, посетил меня. От него пахнуло холодом, как из могилы. Я босой в кокпите замерз, дрожу и от холода, и от страха. Что будет, если яхта навалится на него или он на нас? С шумом и скрипом айсберг медленно ушел за корму, а потом и вовсе пропал в тумане. Но я стоял и все боялся спускаться в каюту, чтобы одеться. Мне казалось, что вот-вот снова увижу такую льдину. До боли в голове вслушивался в океан, пытаясь уловить шум проходящего айсберга.

Через 10 дней мой день рождения. Исполнится 39 лет. Часто думаю о том, что я пережил, сколько раз мог погибнуть, сколько раз выходил из передряг.

Мои друзья из Сиднея, Аня и Юра Гурьевы (выходцы из Харбина), сделали мне три подарка, запечатанные в пакеты: на день рождения, на Новый год и на Пасху. Меня все подмывает открыть и посмотреть. Но я терплю, не хочу нарушать их просьбу, написанную на пакетах: «Федя, открой только на праздники».

Каин убивает Авеля на луне

3 декабря 1990 года
54°26’59” ю.ш., 140°10’74” з.д.

06:25. Идет мелкий дождь, температура плюс 7, скорость 5–6 узлов. Стоят большой и малый стаксели. Ночь прошла спокойно, хотя погода была переменной. Примерно в 23:00 по местному времени вышла полная луна. И стало хорошо видать, как Каин убивает своего брата Авеля. Еще в детстве рассказывала наша бабушка, что это Бог сделал рисунок на луне, напоминающий людям, чтобы не убивали друг друга.

08:10. Как холодно! Пока ставил грот, замерзли руки. Если возьмешься за что-то железное, так пальцы щиплет! Жалею, что нет у меня здесь железной кружки. Когда из нее пьешь чай, то греешься. Обхватил ладонями — и так тепло рукам. А у меня кружка пластмассовая — ни капельки не греет.

15:30. К ночи ветер начинает усиливаться. Надо будет убрать

грот. Поставил варить картошку в мундирах в морской воде. Этим сэкономил пресную. Убрал грот. Яхта не потеряла скорость, идет под двумя стакселями на бабочку. Хорошо, когда после холода спускаюсь в каюту, а там уже картошка сварилась. Обжигая руки, сдираю кожуру и с луком ем. Что может быть лучше в этом мире? Сам себе говорю: «Переживем, пройдем, выдержим, пока есть картошка». По такому поводу налил немного вина, выпил. Наступает ночь, на западе небо посветлело. Солнца не видать, но красное зарево идет от того места, где должно оно быть.

Встреча

4 декабря 1990 года
54°12’93” ю.ш., 137°26’18” з. д.

09:00. Верна пословица: «Самая лучшая рыба — колбаса». Уже больше месяца я в океане, а не поймал ни одной рыбешки. Зато у меня есть три палки колбасы. Каждый раз, когда жарю картошку, кладу по маленькому кусочку колбасы для запаха. В океане, далеко от берега и на такой глубине, ничего не ловится. Сниму, наверное, со своей американской шляпы сетку от комаров и сделаю из нее сачок для ловли планктона.

15:30. Впервые вижу таким океан: гладкий, ровный, ветер чуть дышит. Яхта скользит со скоростью 3 узла, но что-то неспокойно на душе! Лежу, читаю. Слышу шум, не такой, как от форштевня «Карааны». Вышел, смотрю — метрах в 50 от яхты всплывает туша кита. Он даже не плывет, просто то опускается в воду, то снова поднимается на поверхность и тяжело выдыхает воздух. Да, на такого наскочишь — он в один миг перевернет яхту. Лучше бы я не встречал китов. Сейчас на каждый всплеск выбегаю.

Постоянная экономия

5 декабря 1990 года
54°29’09” ю.ш., 135°37’96” з. д.

13:00. Запустил свои снасти — сачок для ловли планктона. Яхта сразу потеряла ход. Сачок тормозит движение лодки, но красиво смотреть, как будто трал за кормой. Ветер сменился и начал дуть точно в нос. Вчера и сегодня прошел мало миль, а время идет. Я сильно отстаю от графика. Барометр падает. Думаю, что этой ночью нас прихватит шторм. Вокруг горизонта тучи черные, и все надвигаются на нас с «Карааной».

Завтра 6 декабря[51]. В этот день скончался великий угодник Николай Чудотворец. У меня на переборке висит его образ, я привез его из России. С ним ходил к Северному полюсу в одиночку. Его мне подарил священник из Красноярска, когда была напутствующая служба к полюсу.

Хорошо, что на «Караане» есть тент. Приятно сидеть под ним, когда по нему барабанят крупные капли дождя. Как будто по палатке где-нибудь в уссурийской тайге.

Вытащил «трал» и обрадовался. В него попали маленькие черные рачки и зелено-желтая масса планктона. Попробовал на вкус. Ничего, только сильно солоно от морской воды. В тихую погоду поймаю больше и сделаю какое-нибудь блюдо.

Приспособил кусок паруса для сбора дождевой воды. Если мое изобретение оправдает себя и я соберу хотя бы литр влаги, это даст мне уверенность. Меня все время гнетет сомнение, хватит ли воды и пищи для всего плавания. Я экономлю на всем. Даже спичек у меня нет лишних.

16:30. Я доволен, набрал дождевой воды в кастрюлю на кашу. Завтра будет обед на сэкономленной воде. Засыпал в нее крупу, до завтра она разбухнет и будет легче и быстрее вариться.

В голове рождаются планы новых путешествий. По достижении еще одной цели — дойти до Южного полюса — займусь путешествиями по нашей стране. У меня давно мысль начать поход от нашего дома в бухте Врангеля и идти прямо на север вдоль хребта Сихотэ-Алинь[52]. Дойти до реки Амур, а там вдоль побережья Охотского моря[53] выйти к Охотску. От Охотска пройти до Оймякона[54]. Там построить плот и спуститься по речке Индигирке в Ледовитый океан.

Нежеланная добыча

6 декабря 1990 года

09:00. Поражаюсь высоте волн. Они идут медленно, но такие высокие, что, когда поднимаешься на гребень, видно далеко-далеко. А когда опускаешься между двумя волнами, словно валишься в погреб: даже солнца не видно.

11:00. Убрал большой стаксель, поставил два штормовых. Вижу что-то тревожное в атмосфере: с северо-запада и юго-востока тянутся через все небо белые шлейфы перистых облаков, а ниже их летят с запада на восток рваные тучи. Ветер быстро идет по часовой стрелке, появилось много альбатросов. Обычно они странствуют по одному, а сейчас целая стая подлетела к яхте и села на воду. До сих пор я не замечал, чтобы океанский

бродяга-альбатрос так себя вел. На всякий случай хорошо закрепил на носу ураганный стаксель, чтобы сразу, если понадобится, поставить его.

Сижу в каюте, перезаряжаю пленку в фотоаппарате. Слышу крик альбатроса, выскакиваю на палубу. Одна птица попалась на мою удочку. Я за кормой тащу блесну с крючком на рыбу, но сейчас забыл смотать ее. Скорость яхты увеличилась, блесна вышла из воды. Альбатрос принял ее за рыбу и попался на крючок. Зацепился лапой выше перепонки. У меня аж сердце похолодело: разве я хотел такой добычи?! Быстро начал подбирать леску к себе. Птица тяжелая, леска режет руки. Но я все же подтащил альбатроса к борту, быстро отцепил крючок и успел вырвать из крыла на память одно перо. Альбатрос улетел, слава Богу, серьезно ничего не повредил.

16:30. Ветер не стихает. Яхта идет со скоростью 7–9 узлов. На палубе работал с парусами, весь вымок. Холодно, не во что переодеться. Вымокшая одежда висит в каюте и не сохнет, а киснет. Когда менял носки, посмотрел на ноги и вспомнил, сколько они прошли по полярным льдам на лыжах, сколько крутили педали велосипеда, пока мы не проехали всю нашу страну. Сейчас они отдыхают. Яхта маленькая, не побегаешь по палубе. Но ноги мои заслужили отдых. Без хвастовства могу сказать: нет на сегодняшний день ни одного путешественника, который столько прошел на лыжах по дрейфующим льдам.

Нашел сухую куртку, в которой два раза ходил на Северный полюс, надел. Она быстро согрела. Синтепон хотя мокрый, но греет. Сейчас снова пойду на палубу. Скоро зайдет солнце, может быть, снова увижу зеленый луч. Я стараюсь не упустить момент захода солнца. Как только оно опускается полностью в океанские волны, с того места, куда солнце село, вырывается темно-зеленый луч и устремляется вверх. Это длится секунд 20–30.

Надо ли убирать паруса?

7 декабря 1990 года
54°17’87” ю.ш., 133°08’16” з.д.

11:10. Океан весь белый — ветром с волн срывает пену, водную пыль. Яхтсмены думают, что если ветер усиливается, то надо убирать паруса. Это верно, но не всегда. Надо поставить столько парусов, чтобы яхта слушалась руля. И надо, чтобы яхта не отставала от волны. Если она потеряет скорость, то попутная волна будет догонять и заливать кокпит. А если оставить много парусности, то яхта будет опережать волну и сильно зарываться

носом во впереди идущую волну. Если волны крутые, то яхта может перевернуться через нос.

Сейчас я поставил на переднем штаге штормовой стаксель, который называю «носовым платком». Но передний штаг для меня — больное место. Я в нем не уверен, плохо он крепится на топе мачты. А штормовой стаксель на внутреннем штаге поставил для тяги. Скорость 7–9 узлов. Больше нельзя, но и меньше тоже нельзя.

Кто ходил на яхте, тот знает: когда ставишь паруса, надо, чтобы на руле были очень внимательны. Нельзя яхту приводить к ветру. Волна накрывает нос, и все, кто работает на носу, будут мокрые. К тому же их может смыть за борт.

А каково быть на яхте одному? Я на носу, авторулевой не справляется, яхта уходит на ветер. Все волны проходят через нее, в том числе и через меня. То, что мокрый, это полбеды. Но я же работаю с парусами! Надо стаксель закрепить, надо держаться, чтобы не смыло за борт. Нацепил все карабины на штаг. Ползу к мачте, начинаю набивать фал. Но он зацепился. Снова ползу к носу. И так до тех пор, пока не поставлю злосчастный парус. Здесь нельзя допустить ошибки ни в чем. Их очень тяжело исправить или не исправишь вообще.

Барометр падает. Идет мелкий дождь — его не соберешь для воды, он соленый. Чувствую себя неуютно. Наступает ночь. Ветер усиливается. Только вышел в кокпит, чтобы подбить шкоты лебедкой, как залетела волна! Прошла с левого борта на правый и всего меня окатила. Вымок до нитки — вода побежала за ворот, по спине, в штаны. Я схватился за штурвал и не знаю, смеяться или плакать. Полные штаны воды! Переодеться не во что, все покрылось плесенью. Уж которую неделю нет солнца.

Для яхтсменов, которые отправляются в эти широты, солнечные батареи не очень пригодны. Меня выручает ветрогенератор, его я использую для подзарядки аккумуляторов. Но больно смотреть, с какой скоростью вращается его винт! Молю Бога, чтобы ветрогенератор как можно дольше продержался.

Кто не испытывал шторма, тому кругосветное плавание представляется сплошной романтикой. Но здесь, в центре Тихого океана, в ночь со свистом ветра и горами волн не до романтики. Здесь только молишь Бога, чтобы он смилостивился над тобой и дал шанс выжить. Бороться с океаном нельзя — мы с «Карааной» просто пылинка в его владениях.

Мне стыдно признаться самому себе, что если я выберусь из этого плавания живым, то больше никогда и никуда не пойду в одиночку.

Усталость

10 декабря 1990 года

55°09’72” ю.ш., 122°33’76” з. д.

16:00. Как холодно! Невозможно долго находиться на палубе. Сейчас работаю с парусами. Ветер усиливается, наступает ночь. Смотреть больно, когда волна бьет по яхте с какой-то злобой. Жалко «Караану». Она, как мне кажется, выдержала уже столько ударов, что старается увернуться от каждой новой волны. Но волна тоже не лыком шита. Исподтишка вырастает возле самого борта, с силой хрясь в него — и снова прячется под яхту. А потом вынырнет далеко и как будто смеется, что ее не поймали, а она ударила.

Устал от всего: от холода, от качки, от работы. Хочется уснуть. Натянуть на самую голову одеяло и уснуть, чтобы ничто не тревожило. Вспоминаю дом и проклинаю себя: какой я был дурак, что мало спал. Всегда поздно ложился, рано вставал, а не надо было так делать. Только сейчас я понял, что такое сон.

Штормовые аттракционы

11 декабря 1990 года

55°35’22” ю.ш., 118°27’84” з.д.

Все в каюте мокрое, волны проходят через яхту от кормы до носа. «Караана» идет, как подводная лодка, только мачта торчит, и на волнах всплывает рубка. Ночью отказал «Навстар» — аккумулятор сел. Он подключен к солнечной батарее, а какое здесь солнце? Я его не вижу уже много дней. Пришлось сделать переноску и подключить «Навстар» к основным аккумуляторам.

Не ел со вчерашнего утра — невозможно разжечь печку. Да ничего и не удержится на печке. Идет шквал с дождем, но воду я не собираю, в такой шторм не до сбора воды. Дай Бог выжить, а там и без воды обойдемся, или тогда и будет забота о ней. Сейчас только читаю краткую Иисусову молитву: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного!»

11:00. За сутки прошел 180 миль. Меня сильно сносит на юг — это очень плохо. Уже прошел по широте мыса Горн, но ничего не могу сделать — несет к Антарктиде. Сейчас пытаюсь пойти левее, но две волны обрушились на левый борт. Пришлось снова менять курс. Температура в каюте плюс 3. Палуба в каюте скользкая — разбилась бутылка с подсолнечным маслом. Я вытер, но от жира не так просто избавиться.

Попил холодной воды с вареньем и съел немного

миндальных орехов. Ноги замерзли. Носки мокрые, спальник мокрый. Дождь продолжается. Затянул вход куском брезента — не люблю, когда каюта закрыта, чувствуешь себя, как в мышеловке. Все может случиться, и надо будет в один миг выскочить в кокпит. А если люк закрыт, то так просто не выберешься.

13:30. Плотный туман накрыл нас мокрым мешком. Даже из кокпита я не вижу, что там впереди, за мачтой. Большая зыбь бросает «Караану» с борта на борт, с кормы на нос. Вот какая карусель! В парках отдыха люди катаются на разных каруселях, горках и прочих аттракционах, ищут, где бы их покачало и побросало. Сюда бы их, чтобы месяц не прекращало качать и бросать!

Ну да ладно, что о них говорить. Все, что сейчас со мной происходит, я выбрал сам — никто не заставлял.

Начинает темнеть. Я скоро собьюсь во времени. Живу по Гринвичу, а так как с каждым днем все более приближаюсь к нулевому меридиану[55], то световой день меняется. Было бы хорошо иметь часы с циферблатом, разбитым на 24 часа. У меня же обычные часы. Правда, раньше были и такие, какие необходимы сейчас. Мне их подарил Юра Хмелевский, штурман экспедиции «Комсомольской правды», когда шли на лыжах через Северный полюс в Канаду в 1988 году. Мы с Юрой занимались научной работой — измеряли магнитные склонения по нашему маршруту: мыс Арктический — Северный полюс — остров Уорд-Хант[56]. Когда через 91 день финишировали на этом острове, недалеко от Земли Элсмир[57], то стали лагерем в ожидании самолета, который вывезет нас на Большую землю. Юра предложил мне сделать последний замер.

Когда работаешь с приборами по поиску магнитной аномалии, то ничего железного не должно быть поблизости. У нас с Юрой даже молнии на куртках были пластмассовые, тогда как у других членов экспедиции — железные. Часы на руке тоже отклоняют стрелку приборов. Я их снял, отнес на положенное расстояние и положил на снег. Мы еще не закончили нашу работу, как услышали гул самолета. Все начали в спешке сворачивать лагерь. Мы с Юрой кое-как сделали измерения и тоже побежали собирать вещи. Уже в самолете, над горами и ледниками Элсмира, а они очень красивые, я вспомнил о своих часах. Стало жаль, но потом подумал, что туда, где оставил, должен вернуться. Так в народе говорят. И действительно, я бы хотел еще раз вернуться на этот остров и пролететь над его горами.

14:20. Сварил щи с картошкой и овощами. Как хорошо пить

горячий бульон с запахом чеснока. Все трепещет от удовольствия. Даже в ногах такое блаженство — в кончики пальцев побежала горячая кровь.

Каша на молоке

12 декабря 1990 года
56°25’86” ю.ш., 115°54’88” з.д.

06:00. Штормит. Идет дождь. Все заливает соленой и пресной водой. Погода испортила мой день рождения. Открыл пакет с подарком от Юры и Ани Гурьевых, моих друзей из Сиднея. Там шоколадка, конфеты, орешки, кекс, маленькая бутылочка ликера, а также две магнитофонные кассеты с записями церковного хора и шесть батареек для магнитофона. И еще открытка с пожеланиями счастья и удачи. Какой хороший подарок!

Ожидая день рождения, я представлял, как приготовлю праздничный обед. Сварю кашу на молоке — рисовую и вермишелевую. Для меня это самое лучшее блюдо — с детства люблю.

Помню, когда пас коров и утром выводил их на пастбище, мама меня спрашивала: «Федя, что тебе сварить к ужину?» Я, не задумываясь, отвечал: «Кашу на молоке». До чего ж я ее любил! Целый день пас скотину и только и думал, как вечером буду есть кашу на молоке. А коров я пас часто. В нашей деревне каждый по очереди пас скотину со всей улицы. У кого есть дети, те пасут сами. А у кого нет детей, нанимают пастуха. Вот я и был пастухом. До денежной реформы мне за это платили 10 рублей за день, а после реформы — один рубль.

Деньги мне были нужны, чтобы купить боксерские перчатки. Или гвозди и доски для строительства лодки. Я, сколько себя помню, постоянно строил лодки для путешествий по Азовскому морю. Бывало, построишь, а ее украдут. Или волной смоет с берега и разобьет. Или, еще недостроенную, отец разобьет топором, чтобы не уплывал далеко от берега. Так вот я всегда с охотой соглашался пасти коров, чтобы зарабатывать деньги на свои путешествия.

Выгоняли скот на пастбище рано утром, до восхода солнца. Спал я во дворе, на стогу соломы. Наверху было мое гнездо. Никаких одеял или простыней — одна большая тряпка. Вечером лежишь и смотришь на звезды. А они так близко, что кажется — ты летишь между ними. Вокруг треск, писк — это сверчки, жучки поют свои песни. Засыпаешь под эту музыку, и снится тебе, что ты в дебрях Африки или Южной Америки. Я всегда мечтал: когда

вырасту — убегу путешествовать в эти страны.

К утру становилось прохладней. Я укутывался тряпкой, но слышал, как мама начинала доить нашу корову Майку — струйки молока звенели по пустому ведру. Закончив доить, мама начинала меня будить: «Федя, вставай, уже рыбаки идут на море». Это значит, что надо гнать коров. Мама тут же держит кружку парного молока с пенкой и горбушку хлеба. Одеваться мне не надо — я спал, не раздеваясь. А какая одежда? Шаровары ниже колен — в поясе резинка. И отцовская рубаха, перешитая под меня. Я брал кнут, он у меня был длинный, метров пять, с короткой ручкой. Когда ударял кнутом по земле, слышно было в другом конце улицы. Шел к самому последнему дому и кричал: «Хозяйка, давай корову! Хозяин, отвязывай бычка!» Я всех знал и знал, у кого какая скотина.

Рано утром дорожная пыль холодна — босиком чувствуешь прохладу. Обувь летом я никогда не носил, да ее у меня и не было. Когда пошел в школу, то покупали только для школы. А так с мая по октябрь бегал босиком.

Собрав коров, я гнал их к переулку. С других улиц тоже гнали скотину пастухи. Все вместе встречались, вливались в одно стадо. Гнали на поле, где можно пасти. В нашей деревне было пять улиц, и нас — пять пастухов. Все с сумками, в каждой — еда для обеда. Ее давал тот, кто пастуха нанимал.

Как только пригоняли на пастбище, сразу сходились и давай смотреть, что есть в сумках. Смотрели и поминали хозяйку хорошим или плохим словом. Если были там стаканчик масла, варенье, яйца, хлеб, а иногда что-нибудь из выпечки — хозяйка отличная.

Если пастбище находилось возле моря, то, бывало, мы по очереди ходили купаться. Ну а если случалось пасти возле колхозного сада — там для нас было раздолье. Там и романтика, и риск. Надо выследить, где сторож, а обычно в такое время не один сторож, а несколько. Еще бригадир ездит на лошади вокруг сада. Если заметит, что мы воруем яблоки, то обязательно догонит и врежет несколько раз кнутом.

Однажды пасли мы коров возле сада, со стороны моря. И один из пастухов, Ванька Смол, уговорил идти в сад. Мы все твердили, что со стороны моря нельзя: там сторожа больше всего охраняют от отдыхающих курортников. Иван все-таки уговорил, и трое из нас пошли за черешнями. Только начали рвать, слышим крик. Нас заметил сторож — и к нам. Мы врассыпную в виноградник — виноград-то еще зеленый и его никто не охраняет. Вдруг слышу выстрел и крик. Обежал я вокруг виноградника и у двух не пошедших с нами пастухов спрашиваю,

где Иван и Васька? А они только пожимают плечами. Съели все черешни, которые я принес за пазухой, и отправился я к морю искать приятелей. Смотрю — Васька на берегу, а Ванька стоит по пояс в воде и плачет. Оказывается, сторож ему в задницу вогнал заряд соли, и сейчас он отмачивается — раны сильно жжет.

Кое-как отмочив соль с задницы, Иван поплелся к стаду. Там лег на живот, а мы ему прикладывали разные травы. Весь день он пролежал и простонал.

20:30. Туман идет, как дым из дымовой шашки. Не дают мне волны идти левее. Нас занесло уже далеко на юг, в зону айсбергов. Так скоро у берега Антарктиды окажемся.

Шторм не стихает

13 декабря 1990 года

55°09’72” ю.ш., 122°33’76” з.д.

Бедная моя «Караана», за что она выдерживает такие удары в левый борт? Шторм не стихает, ветер не меняет направления. Как-то надо выбраться из этой передряги, в которую я залез. Здесь холодно и айсберги. Волны идут стеной с северо-запада. Даже если я ухитряюсь держать курс, который бы вывел меня из этой опасной зоны, то все равно дрейф быстрее несет, чем скорость яхты. Стоит один штормовой стаксель. Если ставить два — увеличится парусность. Тогда скорость увеличится, но яхта начнет сильнее врезаться в волны и получать жестокие удары. Маленькая скорость дает то преимущество, что яхта не падает с волны, а спускается.

Интересно, на палубе в кокпите стоит привязанное ведро. Смотрю, там на дне вода, и что-то плавает. Это, оказывается, живой черненький рачок. Попробовал воду — соленая. Значит, брызги волн и забросили это живое существо на яхту.

16:00. Смотал удочку. Ничего не поймал. Глубина большая, пять и более тысяч метров. А на поверхности рыбы нет. Если бы была, то чайки были бы тоже. Темнеет, наступает ночь. Ветер чуть-чуть стих. Дождь прекратился, идет мелкий сырой снег. На палубе я его собрал в снежки, но они пропитаны морской водой и не пригодны для утоления жажды.

Как я благодарен своему товарищу из Австралии за то, что он заказал тент над кокпитом «Карааны». В Сиднее все мне говорили, что он защитит от солнца. Пока не знаю, как от солнца, но от дождя, снега и ветра он хорошо защищает. Сижу под этим навесом и пью горячий чай с сухарями.

Уборка

14 декабря 1990 года

56°40’17” ю.ш., 109°47’70” з.д.

04:30. Шторм немного стих, появляется голубое небо. По океану еще идут барашки, но все-таки меньше накрывает волной.

Что творится в каюте! Я решил сделать хоть какую-то уборку там, где я сплю. Мое ложе из парусов — двух стакселей и триселя. На них лежит куртка синтепоновая полюсная, а сверху — спальник. Вот и вся моя постель. Поднял ее, а там воды!.. Все заплесневело, покрылось грибком. Начал вытирать, а барахло некуда разместить. Если бы было тихо, вынес бы на палубу. Но сейчас нельзя. Куртку разложил в кокпите, так ее еще сильней волной намочило. Что теперь с ней делать? Она, как губка, впитала в себя, по-моему, весь океан. В умывальнике, где хранятся в аптечке лекарства, насквозь мокрые таблетки и бинты. Банка с медом протекла. По небу пошли перистые облака. Надо быстрее все заканчивать — скоро снова задует ветер и волны начнут ставить нас с «Карааной» на уши.

Еще надо приготовить поесть. Быстро заправить печь спиртом, потому что в шторм это сделать трудно. Сначала я наливаю спирт в кружку. Потом через воронку — в печной расходный бак. Заправил печь, зажег и поставил варить на морской воде картошку. Пресную воду экономлю.

06:00. Позавтракал картошкой в мундире. К ней открыл рыбные консервы. Завтрак был отменный, только хлеба не хватало. Запил все чаем с медом. Сейчас пускай идет шторм, я готов его встретить. Когда сыт, то легче ставить и убирать паруса.

Сегодня ночью спал хорошо. Вечером нашел в сумке шерстяные водолазные кальсоны. Затолкал в них ноги — и в спальник. Шерсть хоть и мокрая, но греет. Через несколько минут перестали стучать зубы, и от ног стало тепло. Снилось, что у кого-то брал или кому-то давал бумажные деньги, еще что-то снилось, но все вылетело из головы, потому что просыпаешься не по своей воле. Или что-то стукнет, или яхта резко ляжет на борт. Ты еще не открыл глаза, а уже летишь в кокпит и хватаешься за штурвал. А там, как всегда, вода и такая пустота, что стоишь и думаешь: где люди, чем они занимаются? У них много, наверное, житейских дел. Подумаешь так и скажешь себе, что все это мелочь по сравнению с величием океана и неба. Только здесь до конца чувствуешь всю ничтожность и мелочность тех дел, которыми ты занимался на берегу.

Яхта, переваливаясь с борта на борт, идет как живая. Только снасти поскрипывают от усталости и похлопывают паруса,

напоминая, что есть силы идти дальше. С каждым часом, с каждой милей мы приближаемся к мысу Горн.

15:45. Небо чистое, без туч, только надо мной маленькие красивые белые перышки, тучки белые, как лебединые перья. Яхта идет ровно, ее поднимают и опускают волны, но так мягко, как мать ребенка. Сколько раз я видел заходящее солнце на пути к Северному полюсу, и вот сейчас в океане. И всегда в этот момент меня охватывала тоска. Вот и сейчас — солнце зашло, я растерян, ничего не хочется делать. Все, кажется, не то, ничего не идет в сравнение с заходом солнца. Здесь, когда ты все время рядом с опасностью, приходят мысли о том, увижу ли я его вновь в этом мире.

То же небо, та же пустота

15 декабря 1990 года
55°09’72” ю.ш., 122°33’76” з.д.

Здесь не бывает долгого безветрия. Часа три стоял штиль, не было ветра, но большая зыбь шла по океану. Сейчас 6.00. Вышло солнышко из-за туч, и подул ветерок. Я поставил грот и два стакселя, скорость 5 узлов.

Не выдержал, достал рулон карт мыса Горн и Атлантического океана. В нем записка от добрейшего человека и моего капитана Леонида Константиновича Лысенко. Он пожелал мне благополучного прохода пролива Дрейка, это значит, мыса Горн. Посмотрел на карту. Сейчас я на 105-й долготе. А когда подойду к 77-му градусу долготы, тогда перейду на карты мыса Горн.

10:40. Выпил кофе с сухарями и шоколадкой. Океан затянуло холодным туманом. К ночи надо будет убрать большой стаксель или грот, посмотрю по обстоятельствам.

12:00. Океан пустой. Ни птиц, ни рыбы — ничего. Вытащил блесну, ее бесполезно тащить за кормой. Небо покрылось тучами. Они похожи на тучи Ледовитого океана. Смотрю на небо и вспоминаю дни на пути к полюсу. Такое же небо, такая же пустота.

Гик за бортом

18 декабря 1990 года
55°44’27” ю.ш., 101°05’30” з.д.

Когда с Леонидом Константиновичем Лысенко мы прокладывали курс, то планировали, что мыс Горн я буду

проходить 18–19 декабря. А сейчас я только на сотом меридиане. Мыс Горн на 75-м, то есть до него еще 25 градусов, или 1500 миль. Если по 100 миль в сутки, то 15 дней. Но ветер встречный и идет на ухудшение. Так что сегодня и в последующие дни будут шторма.

08:30. Мой ящик с красками и книгами залит водой. Где она проходит в яхту — трудно найти. Капает отовсюду: где конденсат, где протекает из-под обшивки внутренней каюты. Сушить негде, да и солнца нет. Но надо спасать книги. Очень сильно подмокла моя записная книжка со всеми адресами и визитками.

11:45. Наступает ночь. Поставил два штормовых стакселя на бабочку. Потом начал убирать грот. До половины его смайнал[58], гик лег прямо на центр дуги, которая держит грот. Обычно я его сначала шкотами притягиваю крепко к дуге, а потом сворачиваю. То есть укладываю сам парус и хорошо концами привязываю, чтобы ветер и волны его не трепали и не сорвали. На этот раз поленился пойти в кокпит и затянуть шкоты лебедкой. Стоя на рубке, начал сворачивать парус. Ветром его вырвало из рук и понесло за борт. Яхта резко накренилась на правый борт, на котором я стоял. Гик вылетел из гнезда и полетел за борт на всю длину шкотов. Я повис на нем. Он ударился об ванты и со скрипом полетел на левый борт. Над палубой я отцепился и упал на рубку, схватился за деревянные леера на ней. Грот над головой начал летать с борта на борт. Не чувствуя ушибов, я ползком перевалился в кокпит и шкотами притянул грот к центру. Только потом почуял, что ударился очень сильно левым бедром и локтем. Сначала подумал, что сломал руку. Но нет, она шевелится. Только больно и немного поташнивает. Кое-как собрал парус. Залез в каюту, поставил чай.

Я уже лежал в спальнике, но хлопанье парусов заставило меня покинуть «спальню», подняться наверх и перебросить передний стаксель с правого борта на левый. Ветер заходит против часовой стрелки, да так и должно быть. Барометр опустился до самого низа, показывает 950 мбар. Скорость ветра 25–30 узлов.

«Отче наш, Иже еси на Небесех, да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на Небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но и избави нас от лукаваго»[59]. Прочитал молитву, снова ложусь спать.

В бушующем океане

19 декабря 1990 года

55°02’55” ю.ш., 58°54’64” з.д.

Утро. «Господи, дай мне с душевным спокойствием встретить все, что принесет мне наступающий день. Дай мне всецело предаться воле Твоей Святой. Во всякий час сего дня во всем наставь и поддержи меня. Какие бы я ни получал известия в течение дня, научи меня принять их со спокойной душой и твердым убеждением, что на все Твоя Святая воля.

Во всех моих словах и делах руководи моими мыслями и чувствами. Во всех непредвиденных случаях не дай мне забыть, что все ниспослано Тобой.

Господи, дай мне силу перенести утомление наступающего дня и все события в течение дня. Руководи моей волей и научи меня молиться, верить, надеяться, терпеть, прощать и любить. Аминь!» Каждый день я начинаю с молитвы Оптинских старцев.

05:30. Если бы у меня не было «Навстара», определяющего координаты по спутнику, как бы я мог в этих широтах определять свое местонахождение? Солнца не вижу по несколько недель, а если оно показывается, то только на несколько минут, и то на закате. Было бы очень тяжело его поймать секстантом.

08:30. Заменил передний штормовой стаксель на самый маленький «носовой платок». На внутреннем штаге стоит штормовой. Скорость не уменьшилась. Тихий океан не хочет меня отпускать без боя. Шторм подобен вампиру — высасывает жизнь из уставшего, охладевшего тела. Лежа в спальнике, прислушиваюсь к свирепствующему ветру. В его свисте слышен крик душ, погибших в этих водах. Они взывают ко мне, чтобы я оправдал их надежды и прошел этот путь. Но это не от меня зависит. Все во власти Создателя этого мира.

После замены парусов замерз. Зубы мои все еще стучат, а в желудке приятно разливается тепло от горячего чая. Это божий дар, согревающий и желудок, и душу.

11:50. Ну и денек! Поставил еще один штормовой стаксель — под одним яхту разворачивает к волне бортом и бьет очень сильно. Ветер неровный, не стихает. Иногда так даст шквалом, что под одним рангоутом яхта ложится на борт, а волны через нее перекатываются.

Скорость ветра возросла до 40 узлов. Хорошо, что я изловчился сварить картошку в мундире. Открыл рыбные консервы. Но спокойно поесть не пришлось. Яхта легла на борт. Половину съел, а половина улетела на переборки и под паелы.

Вокруг меня на многие мили простирается бушующий седой океан. Сердце сжимается от этого пейзажа. Думаю, что я сейчас вижу тот мир, который был сразу после сотворения земли Богом,

до того, как появилось что-нибудь живое.

16:00. Скорость хорошая, но я иду не по курсу — сваливаюсь на север. Если бы я только мог выразить здесь, в дневнике, все, что я испытываю и о чем думаю! Уже несколько дней я на волосок от гибели и цепляюсь за жизнь.

На пути к Северному полюсу было теплее

20 декабря 1990 года

53°46’75” ю.ш., 96°26’22” з.д.

04:00. Ветер стихает — 30 узлов. Но зыбь еще остается, и тяжело выйти на курс 70 градусов. Иду 50 градусов. Холодно, в каюте плюс 3. На палубе без рукавиц руки мерзнут. Мне кажется, что на пути к Северному полюсу я не так мерз, как здесь.

Океан пустынен. Нет ни китов, ни даже птиц. Ветер 30 узлов. Поставил два штормовых стакселя. При таком ветре можно ставить больше парусов, но тогда скорость возрастет, а это не всегда хорошо, так как яхта не взбирается на волну, а врезается в нее.

16:30. Здесь не бывает хорошей погоды! Или шторм — и я убираю все паруса, или штиль — и тоже паруса катятся вниз. И все быстро меняется: часа через три после шторма ветра уже нет. Идет большая зыбь, паруса хлопают, приходится их убирать.

Если есть ветер, будет и музыка

21 декабря 1990 года

53°35’45” ю.ш., 94°12’76” з.д.

Ветер южный, нехороший. С таким ветром из Антарктиды идут айсберги. Холодно, в каюте плюс 4. Скорость яхты 4–5 узлов.

Солнце робко пробивается сквозь тучи. Здесь небо очень крепко держат тучи и не пропускают сквозь себя ни луну, ни солнце. Как будто это их владения, а светила здесь лишние.

10:30. Ветер налетает с такой силой, что «Караана» временами ложится парусами на воду. Частые бешеные шквалы стегают нас, словно кнутом.

13:15. Темнеет. Приготовился к ночи. Заменил передний стаксель на «носовой платок». Внутренний стаксель — штормовой.

Оделся тепло. Натянул полюсную куртку — анорак из синтепона. Он мне дорог, я в нем два раза ходил к полюсу. Когда надел его, сразу стало тепло и уютно! Из шерстяных носков я

сшил себе двойную толстую шапку. Она не продувается, голове очень приятно, в уши ветер не надувает. Только ноги не могу согреть. Сапоги резиновые, кроссовки — все мокрое. Но это ничего, главное, чтобы яхта шла ровно. Залезая в спальник, я снимаю носки, ступни запихиваю в шерстяные водолазные кальсоны, и ноги быстрее согреваются.

14:00. На севере чистое небо. Я долго всматриваюсь в эту голубую дыру. Мне кажется, что там что-то летит или плывет. Но все это очень далеко, и сложно определить, что именно я вижу. Какой-то светящийся шар, но не звезда. Хоть и сумерки, но для звезд еще рано. Взял бинокль, но он у меня не морской, плохой. Я его вообще не люблю. Яхту сильно бросает из стороны в сторону, и бинокль тяжело навести на эту светящуюся точку. Сложно описать, но она как будто медленно движется таким же курсом, как и мы. Минут десять я стоял и смотрел на непонятное явление. Потом тучи закрыли небо, и светящийся шар куда-то исчез. Я вспомнил, что примерно такое же явление видел первый раз на Командорских островах, второй раз на Чукотке и третий раз в нашей тайге.

С наступлением ночи ветер немного ослаб, небо прояснилось. Среди просветов в облаках показался неполный диск луны со щербинкой. Но это не мешает ей неярко освещать океанские волны с белыми гребнями, напоминающие арктические торосы.

Включил магнитофон. Могу позволить себе такую роскошь, пока дует ветер, а значит, идет подзарядка аккумуляторов от ветрогенератора. Почему не послушать музыку, пока жарится картошка?

Подсчитал, что если обойти вокруг света без захода на экватор, то кругосветка составит 18 600 миль. Надо добавить еще 7200 миль на этот заход, получится 25 800 миль.

Откладываю на карте курс: нас слишком сильно снесло на север, на широту Магелланова пролива[60]. Этим проливом из Атлантического в Тихий океан прошел в 1520 году Фернан Магеллан[61], португалец, командовавший испанской эскадрой. К югу он увидел гористую землю, на берегах которой по ночам пылали костры. «Землей огней» назвал он этот берег, а на современных картах укоренилось название «Огненная Земля». Но мне не нужен Магелланов пролив. Мы с «Карааной» должны пройти южнее, проливом Дрейка[62]. Этот пролив был открыт в 1578 году английским моряком, руководителем пиратских экспедиций в Вест-Индию Фрэнсисом Дрейком.

Меня и «Караану» поглотила ночь. Нет ничего, кроме ночи. Но на западе чуть просматривается светлая полоса — там зашло солнце.

25 декабря 1990 года
54°03’72” ю.ш., 83°28’14” з.д.

06:40. Бушует шторм, все заливает.

11:20. Над горизонтом открылась светлая полоса неба. Барограф пошел вверх. Денек достался тяжелый. Еще ничего не ел, кроме одного сухаря. Сегодня шторм не такой, какие были раньше. Он идет неровно, порывами. Из-под каждой тучки рвутся такие шквалы, что вода уже не в состоянии подниматься, а просто кипит, как в кастрюле на печке.

Яхта, как по кочкам, скачет. Я попытался убрать штормовые стакселя, поставил один только «носовой платок». Но тогда догоняет волна, бьет по корме и заливает кокпит. А если увеличиваешь парусность, то яхта набирает лишнюю скорость и может перевернуться через нос. Было бы два «носовых платка», тогда можно было бы отрегулировать ход лодки. В будущем на яхте надо обязательно иметь два параллельных штага и один внутренний. При попутном ветре ставить малые паруса на бабочку. А на внутреннем штаге растянуть один небольшой стаксель. Он будет служить стабилизатором, чтобы нос яхты не ходил в ту или иную сторону.

21:30. Ветер стихает, океан немного успокоился. Всходит солнце. Сейчас мне очень тяжело ориентироваться. По часам еще не окончились сутки 25 декабря. Солнце зашло в 16 часов. А вот сейчас, в 21:30 всходит. По идее, должен начаться новый день, а по времени еще не прошел вчерашний. Оттого день кажется таким большим.

Я спал хорошо. Снились сны — снова моя деревня, друзья детства, Азовское море и солнце. От этого, наверное, тепло было спать.

Спал я хорошо, но не отдохнул. Стоял у штурвала почти 12 часов. Все тело устало, а особенно ноги. Когда забрался в спальник, то они гудели так, как будто я пробежал марафонскую дистанцию. Мышцы на ногах ослабли. Уже два месяца я не хожу по земле. На яхте много не походишь, в основном ползаешь и держишься на руках. Крен, качка — все это не дает заняться физзарядкой.

Можно готовить пищу, погода сейчас позволяет. Но я выпил холодной воды с брусничным вареньем и решил лучше лечь и еще поспать.

26 декабря 1990 года

54°03’72” ю.ш., 83°28’14” з.д.

03:10. Очень сильно начало болтать, подошла мертвая зыбь. Так обычно бывает после шторма или перед штормом. Уже на горизонте появляются перистые облака. Солнце пока еще светит и радует меня тем, что через солнечные батареи подзаряжает аккумуляторы.

Пригрелся на солнышке в кокпите и задремал. Но тут же проснулся от страшного сна. Как будто «Караана» наскочила на мель. Я явственно видел эту землю. Она чуть выдавалась из воды, без камней и растений, плоская, песчаная коса. Надолго еще остался в моей памяти этот кусок суши. А потом, как туман рассеялся, вокруг снова простиралась на все четыре стороны водная гладь и купалась в ярких световых лучах солнца.

Такое море я всегда видел в детстве. Оно было самым первым, что увидел я в жизни. Я родился не берегу моря. Маленькое, оно казалось мне океаном. Рыбацкие баркасы были для меня кораблями. Все то, что было на берегу Азовского моря, готовило меня к этому плаванию. И я благодарен рыбакам нашей деревни за то, что они меня учили морскому делу. Сейчас мне это все так пригодилось.

За «мольбертом»

27 декабря 1990 года

54°03’72” ю.ш., 83°28’14” з.д.

02:50. На горизонте впереди меня темные тучи. Я все всматриваюсь в даль — не увижу ли землю. Хотя это все напрасно. Еще очень много миль до Южной Америки, чтобы увидеть смутные очертания ее берегов. Но мне так хочется, чтобы они появились уже сейчас, что я подолгу смотрю вперед.

Паруса стоят хорошо, яхта идет спокойно. Сейчас можно сесть и порисовать. Заканчиваю картину «Лунная ночь». Когда была луна еще серпом на чистом небе, я сделал набросок. И сейчас переношу его на большой лист.

Но прежде чем расположиться за «мольбертом», вышел на палубу, посмотрел вокруг на все то, что меня окружает. Мне нравится вглядываться в эту величественную, да, именно величественную, картину, которая называется «Мир моих приключений». Как старики в деревнях сидят на завалинках и щелкают семечки, так и я сел на контейнер спасательного плота, спиной оперся на левый бакштаг, чтобы он не дал мне упасть за борт, а ногами — в переборку правого борта кокпита. В такой

позе никакая коварная волна не вышибет меня из «Карааны», и в свое удовольствие я грыз вместо семечек арахисовые орехи и выплевывал скорлупки за борт.

Где она, истина?

28 декабря 1990 года
55°09’98” ю.ш., 75°36’51” з.д.

Два месяца длится мое плавание. Вчера вечером перешел на карту «Тихий и Атлантический океан, пролив Дрейка». До ближайшего острова Огненной Земли 150 миль — за сутки можно дойти. Но ветер плохой, не дает мне следовать курсом 85 градусов, сбивает на 70 градусов. Да еще дрейф в сторону суши. Есть от чего волноваться.

Погода проясняется. До этого шел снег с ветром. Точно пурга где-нибудь в центре России. В Северном полушарии это было бы нормально, по сезону — все-таки конец декабря. А в Южном полушарии декабрь — это лето. Но снег и здесь меня нашел.

12:40. Ветер немного заворачивает на норд-вест, а зыбь идет с юго-запада. «Караане» очень тяжело в таком случае идти по курсу. Здесь я нуждаюсь в Боге и Божьей помощи больше, чем кто-либо. Моя жизнь зависит только от Него.

Кто же он, Бог? Этот вопрос никто не разрешил и не познал до конца жизни в своем теле. Смерть — это телесное состояние человека. Но смерть не касается духовной стороны человеческой природы. Как вдохнул Бог свой дух в тело человека, так этот дух и возвратится к Богу.

15:30. Уже ночь. Убрал «носовой платок» и поставил свой новый стаксель, переделанный из триселя. Погода улучшилась. Раньше я себе не позволял в ночь увеличивать паруса. Но сейчас хочется побыстрее пройти этот пролив. Пока такая погода меня устраивает. Нет тумана, а то, что шторм — это ничего. Главное, чтобы не было урагана. Но есть еще одна причина увеличить ход. По моим подсчетам, завтра в ночь подойдем к островам Диего-Рамирес[63]. А хотелось бы их пройти засветло. Безопасней, да и землю увидеть хочется. Уже два месяца не видел ни клочка суши.

Заветная точка

29 декабря 1990 года
55°41’43’’ ю.ш., 72°34’03’’ з.д.

00:30. Включил «Навстар» — здесь надо чаще знать свое место на карте.

За кормой много птиц: буревестники, альбатросы и еще маленькие чаечки. Ветер крепкий, 25 узлов. Скорость «Карааны» 7 узлов.

Мне кажется, что здесь волны мельче, не такие, как в океане. Или это только кажется? Всегда, когда попадаешь в какое-то необычное место, ищешь что-то не такое, как везде. Все три раза, когда я подходил к Северному полюсу, я все время видел, что это вершина Земли. Все так же, как и в другом месте, тот же лед, тот же снег и небо. Но на полюсе чувствуешь, что ты на вершине Земли.

Я слишком долго ждал и мечтал пройти проливом Дрейка. И вот подхожу к той заветной точке, о которой знал с детства, но реально думать и готовиться к встрече с ней начал с 1972 года.

До мыса Горн осталось 300 миль. Я счастлив своей жизнью. Чтобы ни случилось сейчас, все равно я счастлив. Я трижды ступал на точку Северного полюса, в полярную ночь прошел через полюс относительной недоступности в Северном Ледовитом океане, а сейчас нахожусь на пути к мысу Горн. Господи, на все только воля Твоя! Спасибо Тебе за все, что Ты дал мне увидеть и познать!

Я чувствую, как воздух наполняется стонами душ моряков, что лежат на дне этого предательского пролива. Они предупреждают о беде, подстерегающей мореходов возле мыса Горн.

Земли не видно. Небо все в тучах, видимость плохая. Зарядил два фотоаппарата, может, все-таки прояснится.

10:20. Мыс Горн показывает свои зубы. Океан вспенился, скорость попутного ветра 50–55 узлов. Идет дождь, но не поймешь, тучи ли сеют воду или несутся со всех сторон брызги морской воды.

Барограф[64] поднялся, а сейчас начинает падать. Куда уж дальше падать?! Надо идти убирать штормовой стаксель и ставить «носовой платок». Но тогда нас могут догонять волны и заливать кокпит.

Вот что пишут в «Книге рекордов Гиннесса» о проливе Дрейка, через который нам с «Карааной» предстоит пройти. «На

земном шаре самое мощное океанское течение — антарктическое циркулярное (околополярное) течение, или течение «Западный ветер», мощность которого, измеренная в 1969 году в проливе Дрейка, отделяющем Южную Америку от Антарктики, составляет 270 000 000 кубических метров в секунду, что почти в три раза превышает мощность Гольфстрима[65]. Ширина этого течения колеблется от 300 до 2000 километров, а точно установленная скорость движения воды на его поверхности составляет 0,75 км/час».

Что я ждал, то и получил. Выбросил плавякорь — покрышку от легкового автомобиля, но все равно яхта неуправляема. Ветер страшной силы, нельзя описать, 70–80 узлов. Мыс Горн встречает меня, как ему и положено встречать тех редких людей, которые решились прийти в его владения. Тут всегда штормовой ветер, а небо закрыто тучами. Это поистине преддверие ада, куда мы, грешники, непременно попадем.

Побывать в аду при жизни

31 декабря 1990 года
56°29’38” ю.ш., 67°15’26” з.д.

00:20. Большая зыбь. Ветер норд-вест[66] 40 узлов. Скорость яхты 5 узлов. Иду курсом 60–70 градусов. Сейчас мы на траверзе мыса Горн, нас разделяют миль 30–40. Конечно, идти под берегом было бы спокойней, чем в открытом море — горы прикрывали бы от ветра. Но ничего, я доволен своей навигацией. Мы с «Карааной» вышли туда, куда хотели, — к островам Диего-Рамирес. Они на широте 56°30’ ю.ш., а мы на широте 56°36’. Мы оставили их по левому борту. Все получилось, как и хотели. Несмотря на то что два дня шел шторм, стоял плотный туман, обрушивались на нас снежные заряды и шквалы — в общем, все, что может встретиться в аду.

Если останусь жив и меня спросят, что такое ад, я отвечу: пролив Дрейка, мыс Горн. Так что человек может побывать в аду еще при жизни. Но вернуться оттуда не каждому будет дано.

Сегодня Новый год. Думаю об этом, и тоска берет. Вспоминаю дом, родных, друзей. Как они там сейчас готовятся к этому празднику?

Я точно угадал, что сейчас проходим мыс Горн. «Навстар» показал 67°15’ з.д., а мыс Горн находится на долготе 67°16’. Мы даже на одну минуту оставили его по корме. Впереди экватор! Неужели я не буду больше надевать полюсные рукавицы? Их у меня две пары — лежат в каюте мокрые насквозь и гниют вместе с

полюсной курткой.

Вчера залетела волна в кокпит и прокатилась от кормы до носа. Через люк в каюту набралось много воды — замочило, конечно, все, что было в каюте. В страшной спешке я ведром стал вычерпывать воду. Помпа насоса засорилась, так как волна смыла весь мусор под паелы. Яхта кренилась на 30–40 градусов, и вода смывала с переборок все, что было плохо закреплено. Ведром я вышвыривал воду в кокпит, предварительно вынимая из него бумаги — они могли забить самоотливной дейдвуд в кокпите. Весь мусор бросал в раковину умывальника. Вычерпываю воду и Бога прошу, чтобы еще раз не накрыло волной.

И вот в такой спешке упал, и весь мой вес пришелся на большой палец левой руки. Он моментально выскочил из того места, в котором должен сидеть по анатомии. Я смотрел на него и удивлялся: так палец еще никогда не изгибался — в обратную сторону. Боль привела меня к мысли, что я его вывихнул. Надо резко ставить на место, но страшно, что будет еще больней. А что делать — врачей здесь нет, никто не окажет скорой помощи. Надо самому что-то делать, спешить, пока он не распух. Потом еще тяжелее будет вправить его.

Эти мысли пронеслись у меня за секунду. Я резко дернул палец, и с хрустом и моим нечеловеческим криком, заглушившим грохот шторма, палец встал на место. Но бинтовать руку некогда, надо откачать воду. Да и плавякорь зацепился за перо авторулевого «Фламинго», и сейчас его рвет и ломает. Надо быстрей распутывать. Если его сильно замотает веревкой, то ее придется обрезать. А это значит — потерять всю веревку, которая есть на яхте, и с ней плавякорь. Остаться без них опасно. Впереди будет еще много штормов.

Кое-как вычерпал воду. Вылез на палубу посмотреть на авторулевой.

Фал перехлестнулся через перо руля, и уже есть потертости. Чтобы распутать веревку, надо спуститься по авторулевому за корму, а там залезть в воду по пояс. Привязался я страховочным концом к яхте покрепче, перекрестился и полез. Волны идут с кормы, то поднимают, то опускают ее с такой силой, что у меня внутри все обрывается. Океан словно хочет стряхнуть меня с «Карааны» и засосать в свое ненасытное чрево.

Вымок до самого белья, но мне показалось, что в воде было теплее. С неба сыпет снежная крупа, хлещет холодный ветер. Руки примерзают к железному релингу, за который приходится держаться. Минуты две-три возился я с веревкой, пока, наконец, не сбросил эту злосчастную петлю. Выбрался в кокпит, посмотрел на руки, а они все в крови. Я их поцарапал металлическим

тросом, который держит ветрогенератор. Там, где сплетен огон, торчат проволочные шипы. В суматохе, да и не до того было, я об них и порезал пальцы. Только подумал, что с пораненными пальцами мне тяжело будет работать, как тут же яхту накрыла очередная волна. И мысли мои перешли к Богу. «Дай мне выжить!» — молю Господа нашего. А там что будет, то будет. Можно жить и без пальцев.

Плавякорь хорошо помогает — не дает яхте перевернуться через нос. Волны крутые, высотой с мачту, идут стеной. Если «Караана» свалится с такой стены, то уже больше не всплывет.

03:20. Поставил на плиту разогревать банку бараньих языков с гречневой кашей. Все-таки сегодня праздник, надо есть все вкусное. Открыл бутылку вина, включил магнитофон. Высоцкий поет песню о друге, который не вернулся из боя.

Шторм, шторм! Не чувствуется, что океан здесь вообще может успокоиться. Но я надеюсь, что скоро это кончится, и радуюсь тому, что не получилось хуже.

Мир праху их

31 декабря 1990 года

04:15. Еще не вышел в Атлантику, но вода изменилась, стала более светлой, с голубизной. А там, в Тихом океане, была темно-зеленая.

Я спокоен. Хорошо, что вчера вечером увидел острова Диего-Рамирес. Я точно рассчитал и дрейф яхты, и скорость течения, и курс. Сколько у меня было событий возле этих островов, сколько раз мы с «Карааной» были на краю гибели. Волны грозились перевернуть яхту или проломить борт, когда она становилась к волнам лагом, а меня — смыть с палубы.

Мне острова Диего-Рамирес показались могильным камнем морякам, погибшим в этом проливе. Если бы мне довелось побывать на берегу этих островов, я бы на скале высек слова «Мир праху их».

Вода Тихого океана через пролив Дрейка мощным потоком переливается в Атлантический океан. Безостановочно, из-за вечного вращения Земли. Здесь шторма не прекращаются. Они свирепствовали до нашего прихода и так же будут бушевать после нас. Масса воды переносится из одного полушария в другое. Вместе с ней перемещается все, что живет в этих водах. Сейчас и мы с «Карааной» влились в эту жизненную струю. Что мы представляем для вселенной? Да ничего!

31 декабря 1990 года

Я расстаюсь с мысом Горн и не знаю, что сказать: прощай или до свидания? Вот и сбылась мечта моей жизни пройти возле него на яхте в одиночку. Я счастлив, радость переполняет мою грудь, но тоска сжимает душу. Доведется ли в этой жизни еще раз испытать то чувство, которое испытал я, проходя возле мыса Горн? Жизнь коротка, может быть, больше уже и не смогу идти на яхте вокруг света. Много других планов и экспедиций. Но дай бог завершить эту!

Завтра новый, 1991 год! Вместе с ним мы с «Карааной» войдем в новый океан и в иной мир. Впереди Атлантика, что там нас ждет?

Тихий океан был бурным, холодным, в последние дни не хотел нас отпускать. Но мы вырвались из его рук и вот сейчас идем к теплу. Но тепло может быть не всегда хорошим и счастливым. Там, в Тихом, я знал, что судов у меня по курсу нет. Только киты и айсберги угрожали нам на пути. А что в Атлантике? Много ли там судов?

Здесь хорошо, есть с кем поговорить. Но беседы наши односторонние. Птицы мне отвечают взмахом крыла. Я веду беседу с китами. Вчера видел пингвинов. А особенно люблю обсуждать различные проблемы с альбатросами. Я их называю «кабанчиками». Они такие большие, что я другого слова для них не нахожу. С ними приятно поговорить о жизни, о том, что я хочу, что ем, как спал. И все это они понимают, потому что, сколько бы я им ни говорил, и какую бы чушь ни выкрикивал, они только кружат над яхтой и смотрят на меня своими умными или глупыми глазами — этого до сих пор я еще не понял.

11:20. Поставил грот и долго стоял в кокпите, наблюдая за альбатросами. Они почти не машут крыльями — парят в потоке воздуха.

17:15. Скоро рассвет. Вышел менять галс. И вырвалось из души: «Господи, какой прекрасный мир ты создал!» Луна уходит за горизонт на юго-западе. А на юго-востоке готовится к восходу солнце. На небе звезды редкие — только самые яркие остались. Море спокойное, но есть ветерок. «Караана» бежит 4 узла. Все хорошо, но надо откачать воду из-под паел. Ох, как мне это надоело!

22:00. Последний раз в 1990 году записал координаты: 55°58’45’’ ю.ш., 64°04’54’’ з.д. Минувший год навсегда останется в моей памяти как год одиночного похода к Северному полюсу.

Кофе с кексом

1 января 1991 года

55°52’58” ю.ш., 63°11’87” з.д.

00:15. Вот и Новый год. Светит солнце. Океан спокоен, ветер северный. Иду курсом 60 градусов. Скорость яхты 5–6 узлов.

Тоскливо одному встречать Новый год, ворошить в памяти и хорошее, и плохое — все, что сделано за прошедший год. Одно только знаю: не зря он был прожит. Американец Джошуа Слокам совершил одиночное кругосветное плавание на яхте «Спрей» в 1898 году. У нас, в России, только в 1990 году я стартовал на яхте вокруг света. Тут мы отстали от Америки на 92 года.

Поставил разогревать позавчерашнюю гречневую кашу с бараньим языком. Здесь холодно — ничего не портится.

01:40. Вот так находка! У меня, оказывается, есть мука для кекса. Решил устроить себе праздник — испечь кекс и пить кофе не с сухарями, а с кексом. Согрел теплой воды, размешал в кастрюльке муку, добавил граммов 30 рома, чтобы лучше пеклось. Подогрел масло оливковое и все это вылил в сковородку. Пока пирог на малом огне будет печься, решил просушить паруса и одежду. Только все вынес на палубу, как налетел шквал. «Караана» легла на борт, ее бросает, как по кочкам. Сковородка летит с печки, палубу заливает маслом. Кончился мой праздник. Снова прячу одежду и паруса в каюту — пускай еще погниют. А кекс полусырой я все-таки съел и выпил кофе из термоса.

В теплой воде развел марганцовку и попарил свой вывихнутый палец. Он посинел и опух. Но боль прекратилась, чуть-чуть можно им шевелить. Значит, вправлен правильно, сидит на своем месте.

Смотрю по карте район, где нас с «Карааной» сильно прихватил шторм. Осталось в памяти, как я ползком добирался до носа и там ставил или убирал паруса. Как яхта кренилась и, казалось, больше не встанет на ровный киль. «Караану» сбрасывало с гребня волны, и она, бедная, летела вниз метров 20. Мне оставалось только молиться Богу и просить его о помиловании. В такие минуты я обращался к святому Николаю Чудотворцу и святому Пантелеймону, чтобы они за меня просили Бога помочь нам с «Карааной» выжить.

Зубы Атлантики

1 января 1991 года

17:30. Что делается! Такого еще не было! Небо ясное,

барограф пишет ровно. Красиво стоят паруса. Яхта идет резво, скорость 6–7 узлов. Я начал готовить обед: почистил картошку, все заправил и поставил варить. Вдруг слышу гул. Выскакиваю, да уже поздно: океан за какие-то секунды весь вспенился, ветер положил «Караану» на бок, с неба шрапнелью бьет крупный град. Я был в шерстяном берете — ветром сдуло за борт. Жалко, сколько он мне служил, как мне было в нем тепло. Это я уже третий головной убор потерял. Две кепки унесло ветром еще в Тасмановом море.

Убрал паруса. Яхта потеряла ход, ее начало заливать водой. Надо ставить штормовой стаксель, но руки уже не гнутся от холода. Град даже не град, а куски льда. Один такой кусочек ударил в левый глаз. Сразу все помутнело, залилось кровью, стал плохо видеть. Но все же поставил штормовой стаксель на внутренний штаг, и «Караана» получила ход. Начал гадать, что случилось? Если здесь такая погода, то мне будет туго. Особенно ночью, когда сплю. Посмотрел на карту и решил, что это подуло из-под мыса Сан-Хуан острова Эстадос, что в 15 милях к востоку от Огненной Земли. Хотя мы от него в 70 милях, но получили-таки свое. То же самое ждет меня возле Фолклендских островов[67]: от земли надо держаться подальше.

11:40. К каждому океану надо приноровиться, как к необъезженной лошади. Атлантика показывает свои зубы, и чувствуется, что они у нее крепкие. Снова шквал — снова убрал паруса, поменял галс. Здесь не бывает скучно. Тоскливо бывает, а скучно — нет.

16:30. По координатам, меня снесло на юг. Я зашел в море Скотта. Оно между Атлантическим океаном, проливом Дрейка и морем Уэдделла[68]. В нем больше всего айсбергов.

В России не до меня

2 января 1991 года

56°07’96” ю.ш., 60°24’01” з.д.

Впереди у меня банка Бердвуд[69] с глубинами 51-110 метров. На ней должны ловить рыбу. Мой курс проходит как раз по центру этой банки — надо опасаться рыболовецких судов. Ну а сейчас под килем «Карааны» глубина 4305 метров.

Координаты сегодняшнего дня расстроили меня. Нас отнесло на юг, на широту, по которой мы проходили острова Диего-Рамирес.

01:10. Долго всматривался в горизонт — может, попадется на пути какое-нибудь судно. Хочется подать о себе весточку домой.

Представляю, как сейчас допекают и мои благодетели, и завистники моего первого капитана Леонида Лысенко, обучившего меня морскому делу. Федерация парусного спорта, наверное, ликует и желает, чтобы я не вернулся. Тогда у них было бы хорошее наставление тем, кто захочет идти в одиночное плавание. А может быть, я неправильно думаю? Сейчас в России не до меня — там перестройка. Может, уже и Советского Союза нет, все разделились? Может, Спорткомитета и Федерации нет? — а давно надо было бы так сделать.

Ну да ладно, у меня здесь свой мир, свои заботы. Сейчас выпью кофе и лягу в спальник, почитаю что-нибудь. Это лучше, чем думать о перестройке.

Хочется ругаться, а нельзя

6 января 1991 года
51°40’05” ю.ш., 51°57’77” з.д.

Погода плохая: ветер встречный, большая зыбь, небо затянуло тучами. Скорость яхты 3–4 узла. Тоскливо на душе. Так медленно идем мы с «Карааной» к экватору. Сколько уже дней, а мы даже Фолклендские острова не прошли. Холодно, температура в каюте плюс 8.

03:00. Прошли море Скотта, вышли в Атлантический океан. И сразу вкусили его шторма. А то губу раскатали и говорили между собой, что Атлантика — не Тихий океан, что здесь легче и теплее. Но сегодня Атлантика ничем не отличается от Тихого. Убрал все паруса, иду под одним «носовым платком». Главное — уцелеть и сохранить мачту целой.

08:30. Сегодня праздник[70], нельзя ругаться. Но нашипелся я на погоду, волны, ветер. Как не ругаться, когда они все объединились и бьют по морде и меня, и «Караану». Бьют без остановки и очень больно. Не дают нам оторваться от границы айсбергов. Мы огибаем ту линию на карте, где наибольшее распространение айсбергов с декабря по март.

Как обидно! Мы не продвинулись вперед, а отброшены назад на 8 минут.

Слов не хватает!

7 января 1991 года
51°48’46” ю.ш., 48°36’15” з.д.

Ветер не меняется, шторм не прекращается. Ни на милю не

продвинулся на север, сносит на восток. На перемену погоды в ближайшее время не стоит рассчитывать — барограф пишет ровно. В животе пусто. Поел сухарей и сухофруктов. На печке ничего приготовить нельзя. Яхту резко бросает, и кастрюля слетает с конфорки.

06:30. Уже слов нет ругаться. Погода как будто смеется над нами. Вышло солнце, небо чистое, а ветер усиливается — пришлось убрать паруса. Тяжело все это вынести. Пытался вскипятить чайник, так его с печки выбило, он улетел на штурманский стол.

Такого продолжительного шторма я еще не видел. И погода не думает утихать. Однако я смог приготовить рисовую кашу из пакетиков. Хотел бы я взглянуть на тех, кто делает эти пакетики. Они, наверное, сами никогда не пробовали то, что готовят: отвратительные супы что в Советском Союзе, что в Австралии. Ну ничего, главное, что я поел за два дня один раз, и сейчас мне веселее. Хорошо, что я один на яхте. Был бы со мной еще кто-то, ему бы пришлось туго: всю злость срывал бы на нем. А так я один, злись не злись — все равно никто не увидит и не услышит.

Голубиное яйцо

8 января 1991 года
51°46’07” ю.ш., 46°44’03” з.д.

Шторм продолжается. Дождь немного прибил гребни волн. Но ветер не развернулся. Мы стоим почти на одном месте. Сносит немного на юго-восток.

В такие дни я думаю, когда и где согрешил перед Всевышним. Перебираю свои грехи с самого раннего детства, когда еще в школу не ходил, а лазил по деревьям и разорял птичьи гнезда. Помню, как я принес домой голубиное яйцо. Тогда еще была жива бабушка. Она меня очень ругала и говорила, что это грех. Показывала на угол в хате, где висели образа святых, и обещала, что они накажут меня за мой грех. Голубей нельзя убивать, это священная птица. Во время Всемирного потопа Ной долго плавал на своем ковчеге и когда увидел радугу, то выпустил одну горлицу (голубя). Через некоторое время она принесла ветку в клюве. Ной понял, что вода уходит и уже есть суша. Все это мне рассказывала бабушка, а я слушал и спрашивал, что же будет со мной за такой грех.

06:30. Ветер стих, небо в рваных тучах. Осталась большая мертвая зыбь. Паруса не работают, хлопают. Как я отстал от графика! Фолклендские острова мы должны проходить в конце

декабря, а сегодня уже 8 января.

Налетело много птиц: альбатросов, буревестников и еще всяких мелких. Наверное, здесь есть рыба.

Коварный этот океан: за считаные минуты ветер развернулся и с силой начал дуть и поднимать новые волны с юга. А старые идут с севера. Мы с «Карааной» словно попали в хлопушку: волны сходятся и друг об друга с грохотом разбиваются. Я недооценил Атлантику. Когда прошел мыс Горн, вообразил себя бывалым моряком и подумал: раз прошел Тихий океан, мыс Горн, что для меня Атлантический! Вот он мне и выдал… Думаю, что еще много пакостей получу от этого океана.

07:40. Я плохо разбираюсь в циклонах. Над нами еще несколько минут назад было чистое голубое небо, а по горизонту располагались темные тучи. Сейчас они со всех сторон сомкнулись, и все потемнело. Паруса плохо работают, не знаю, какие поставить — то слева, то справа задувает. Долго работать со шкотами невозможно — руки мерзнут. Меня настораживает, что птицы вокруг летают как-то нервно, не так, как всегда.

08:00. Да, мы попали в глаз циклона. Все небо заволокло туманом, пошел мелкий дождь. Так было все эти два дня, только ветер развернулся. Еще светло, но скоро стемнеет. Наверное, уберу грот. Скорость яхты 6–7 узлов. Скорость ветра 35 узлов. Температура в каюте плюс 5.

«Стратегический материал»

9 января 1991 года

49°52’69” ю.ш., 45°30’89” з.д.

Холод все такой же — в каюте плюс 3, с Антарктиды несет ледяной ветер. Но хорошо, что он попутный. От этого поднялось настроение. Я пою песенки. Заменил «носовой платок» на штормовой стаксель. Скорость яхты 6 узлов.

01:00. Выпил из термоса чая — с сухарями. Какие вкусные сухари! Мне их насушили в Сиднее жены моих друзей: Лена Скорникова, Наташа Демидова, Наташа Сорокина, Аня Гурьева, Лариса Линвик. Каждая сушила по-своему, да и хлеб разных сортов. Я как достану новую пачку, так и вспоминаю их. Они все русские, родились в Харбине, да жизнь забросила в Австралию, в Сиднее они и осели. Два месяца я готовил яхту к плаванию, и все это время они мне помогали. Без их помощи трудно пришлось бы. Миша Демидов приготовил и укомплектовал весь инструмент. Юра Скорняков все свое свободное время был со мной. Мы с ним ездили по фирмам и магазинам — закупали продукты для

кругосветки. Да и часто я ночевал у них дома — на яхте ведь нет душа, чтобы помыться. Юра, его жена Лена и сын Сережа забирали меня к себе домой, вкусно кормили. Я мылся в душе, а потом смотрел русские фильмы, записанные на видеокассетах.

Сейчас ем сухари и вспоминаю всех этих добрых людей. За границей они остались более русскими, чем мы в России. Все живут дружно, друг другу помогают. Говорят между собой только на русском, ходят в православную церковь. И встречают тех, кто приехал в гости из Союза, будто своих родных братьев и сестер.

Пью чай, с хрустом грызу австралийские сухари. И вспомнил сухари, которые мы ели в полярной экспедиции «Комсомольской правды», когда готовились к трансарктическому переходу летом 1987 года. У нас каждый день была спортивная тренировка, а вечером — подготовка снаряжения. Мне Дмитрий Игоревич Шпаро велел поехать и получить на складе «стратегический материал». Поехал я и гадаю, что же это за «стратегический материал»? Не смог ничего придумать. Карабин с патронами — от медведей отстреливаться — уже получил. Пиротехнику, ракетницу, фальшфейеры тоже — уже на базе экспедиции хранятся. Может, какое военное задание нам поручают? Так вроде бы не должны, с нами же будут идти парни из Канады.

Получить «стратегический материал» поручили мне и Толику Федякову. Но у него не спросишь, он был такой важный, особенно если ему что-то Шпаро поручал. Он любил выслужиться, да мы и недолюбливали друг друга из-за того, что были конкурентами в той экспедиции. От советской стороны должны идти семь-восемь участников, а когда тренировались, претендентов было десять. Шпаро сказал, что отберет основной состав в последний день. А кто будет плохо тренироваться и работать, тот не пойдет. Но мы-то прекрасно знали, кто точно пойдет, а кто под вопросом.

Точно пойдут те, что уже ходили к полюсу в 1979 году: Юра Хмелевский, Толик Мельников, Василий Шишкарев и сам Шпаро. Без врача в экспедиции не обойтись, значит, точно пойдет Миша Малахов. Саша Беляев — это любимец Шпаро по Институту стали и сплавов. Шпаро его любит, да и Саша у него как интендант все делает. А особенно в фотоделе. Шпаро фотографирует, но ничего не понимает ни в пленках, ни в фотоаппарате. Саша все за него делает. Если Саша не пойдет, значит, Дмитрию не надо брать с собой фотоаппарат, он будет лишним.

Так что под вопросом оставались четверо: Анатолий Федяков, Валера Кондратко, Саша Шатохин и я, художник с Дальнего Востока. Только один из нас пойдет, а троих отсеют. Так что мы не очень-то друг друга уважали, разговаривали мало. Причем все претенденты были москвичи, кроме меня и Миши Малахова — он

из Рязани.

У Федякова я ничего не стал спрашивать, а только подумал: раз ему тоже поручили, значит, ему Шпаро доверяет. Значит, Федяков еще один плюсовый балл заработал. Федяков это понимал и держался со мной высокомерно. Я молча залез в будку рафика, а он сел впереди, и мы поехали. За Москву, в какую-то воинскую часть. Там показали ходатайство от редактора «Комсомольской правды», и нам выписали пропуска на территорию части. Я сидел в машине, а Толик где-то бегал, метался из одного здания в другое. И так продолжалось очень долго. По его виду было понятно, что все идет с трудом: никто не хочет выдавать нам «стратегический материал». Но Федяков не сдавался, он знал, что если ему не выдадут, то Шпаро строго спросит с него. Вот он и прилагал все усилия. Я уже потерял надежду на успех Федякова и в душе радовался. Но, с другой стороны, мне все-таки хотелось посмотреть на этот «стратегический материал».

Подбежал Федяков, весь раскрасневшийся, вспотевший, и говорит: «Быстро к складу, пока на обед не закрыли!» Мы мигом туда. Смотрим — тучный прапорщик носит со склада бумажные мешки на весы и отвешивает нам. Я его тихонько спрашиваю, что находится в мешках? Но он, как человек военный, не выдал тайны, сказал лишь, что «стратегический материал».

Снова я сел в лужу, боюсь признаться, что не знаю, что это такое. Но тут выручил меня шофер. Он без всяких затей спрашивает: «А что это, и с чем его кушают?» И тут я услышал, что это — сухари. Будь ты неладен! Оказывается, они у военных числятся на складах под названием «стратегический материал».

03:30. Включил «Навстар» — что он нам покажет? Ура! Мы прошли 50-ю широту и вышли из зоны наибольшего распространения айсбергов.

Путешественник на деньгах

9 января 1991 года

09:40. Ветер ровный, бакштаг. Солнце идет к закату, небо в тучах. Читаю лоцию восточного побережья Африки: «…в районе между мысом Сен-Франсис и островом Берт на глубине 366 метров обнаружены снаряды и проржавевшие контейнеры с отравляющим веществом иприт. Траулерам в указанном районе надлежит принимать меры предосторожности…»

Что это за люди, которые выдумали оружие и сбросили его в океан?! Я твердо верю, что они расплатятся в аду за свои

сатанинские поступки. Когда я уходил в плавание, меня просили в географическом обществе Австралии все полиэтиленовые пакеты от продуктов на яхте сохранить, не выбрасывать в океан. Так я и делаю — складываю пакеты в пустой мешок. Добрые люди в Австралии борются, как нам кажется, с такой мелочью, а тут контейнеры военного дерьма на дне океана. Да, до низшей ступени опустился человек в своем грехопадении.

10:30. Прошли нулевое склонение[71] и вышли из восточного в западное магнитное склонение. Если провести линию между Северным и Южным магнитными полюсами, то она выведет на Землю Адели в Антарктиде. Первыми людьми, ступившими в 1909 году в этот район, были участники экспедиции Эрнеста Шеклтона[72] — Дэвид, Моусон и Маккей. В то время как партия Шеклтона шла к географическому полюсу, три путешественника приближались к Южному магнитному полюсу.

Почему я упоминаю об экспедиции к магнитному полюсу? Потому что в ней участвовал австралиец Дуглас Моусон. После этого он проведет еще много исследований в Антарктиде. В Австралии его почитают. Один тот факт, что его портрет изображен на стодолларовой купюре, о многом говорит. Я не видел еще, чтобы путешественников изображали на деньгах.

Ошибка

9 января 1991 года

23:45. Встречный ветер несет в лицо морось. Яхта врезается в волну и останавливается. Снова приходится уваливать на ост. За 9 января прошел 120 миль. Это хорошо, я согласен на сто миль в сутки. Мне бы дней за сорок дойти до экватора, было бы здорово. В заявлении, которое я написал в Москву, в «Морсвязьспутник», я указал, что в конце января — начале февраля за экватором, в районе с координатами 1 градус с.ш. и 25 градусов з.д., в течение одного часа будет работать аварийный радиобуй номер 090475. Я просил связистов считать это не аварийным, а информационным сигналом. И просил сообщить об этом в Дальневосточное морское пароходство, генеральному директору «Дальроссо» Шахову. Во всех остальных случаях работу аварийного буя следует рассматривать как сигнал бедствия.

И здесь я допустил ошибку: не надо было указывать точные координаты, а следовало просто написать «за экватором». Тогда можно было бы его пересечь в любом месте. Ведь плавание считается кругосветным, только если в ходе его яхта пересекает экватор.

10 января 1991 года

Начался циклон. Пошел такой ливень, какого я еще в жизни не видел. Значит, уже скоро теплые широты.

04:20. Как бы ветер ни дул, но он уже теплый. Работал с парусами, и руки не замерзали. Температура в каюте плюс 9. За сороковую широту перевалить, там будет тепло. Сидней на 33-м градусе южной широты — там погода отличная. Судя по изменившемуся климату, скоро будут попадаться летучие рыбы.

Ночью, когда наблюдал звездное небо, видел на самом горизонте, к северу, созвездие Ориона. Я соскучился по северному звездному небу, по Большой и Малой Медведице. В Южном полушарии 48 созвездий, в Северном — 31[73]. Девять созвездий видны из обоих полушарий: Рыбы, Кит, Орион, Единорог, Секстант, Дева, Змея, Змееносец и Орел. Звездную науку мне давал наш штурман из полярной экспедиции «Комсомольской правды» Валера Кондратко. Царство ему небесное! Он весной прошлого года погиб в экспедиции на Чукотке.

Мы с Валерой были хорошими друзьями. Весной 1983 года он пришел в экспедицию, а осенью того же года мы все его уже называли «штурман Альбанов». Он был похож на штурмана экспедиции Брусилова[74].

В 1986 году, когда полярной ночью мы шли к полюсу относительной недоступности, Валера отвечал за штурманское дело и определял координаты по звездам с помощью теодолита. Меня назначили ему в помощники. Когда ставили палатку и все забирались в нее, мы с Валерой уходили на ровное место метров за 20–30 от палатки. Темень была страшная. Только отойдешь от ребят, и уже ничего не видно. Лишь в капроновой палатке горит свеча, и жилище наше среди льдов океана видится красным шаром, напоминающим что-то неземное.

Валера любил, когда из палатки до нас доносились голоса ребят. Но он не хотел, чтобы парни слышали, о чем мы говорим. Зная, что я слабо разбираюсь в астрономии, он учил меня, рассказывал о далеких галактиках. Ему нравилось это. Тут уж он становился хозяином неба…

Но раздавался крик из палатки, чтобы мы шли быстрее — каша готова. Не дай Бог задержаться, тогда хоть в палатку не влезай: все как начнут орать и крыть матом за то, что мы задерживаем раздачу каши.

Я в таких случаях всегда молчал, а Валера вступал в спор, кричал, что снять показания звезд — это не то, что кашу сварить.

Шпаро ворчал и обрывал Валеру. Поевши каши, все ложились спать. Валера же сидел с фонариком и делал математические расчеты. Тут я не мог ему помочь, о чем очень сожалел. И засыпал, не видя, до какого времени сидит Валера.

Я часто думаю о нем и верю, что его душа улетела на ту самую звезду, которую он так любил, — на звезду Дубхе из созвездия Большой Медведицы.

07:40. Убрал штормовой стаксель, поставил большой. Ветер позволяет нести большую парусность. Но зыбь мешает, раскачивает яхту с борта на борт. Скорость яхты хорошая, а миль проходим мало: течение встречное забирает.

Морская работа

10 января 1991 года

17:30. Ветер норд-ост[75], слабый. Океан спокоен. Скорость яхты 3 узла. Кто не знаком с плаванием на яхте, может подумать, что на ней нечего делать. Сиди себе, а паруса несут тебя к намеченной цели. Это не так. Вот сегодня я целый день работаю, благо океан спокойный.

Разобрался с парусами — под этими парусами еще не ходил, не знаю, как они стоят. Начал по очереди примерять, поднимая на штаге и прикидывая, какой и когда ставить, при каких ветрах. Закончил с этим делом — начал шить лоток для сбора воды с грота. Мы сделали перед выходом в плавание на гроте два желоба для сбора воды. Но их пришили на полный грот, не подумали, что дождь идет чаще всего со шквалом, когда полным гротом не пойдешь. Я изобрел приспособление, но его надо проверить в действии. Прибрал в каюте. Мокрые вещи сушил на палубе. К сожалению, нет места, где их можно развесить — везде сыро, все начало плесневеть.

В носовом отсеке под паелами скопилось много воды, а помпы там нет. Все вручную надо делать. Сначала ведром, потом губкой. Сейчас пойду сделаю новое крепление штага для штормового стакселя. Старое разболталось, его надо заменить.

Лечение

11 января 1991 года

Жадность может погубить. Еще перед заходом солнца решил, что в темноте уберу большую геную. Солнце скрылось. Появились звезды, а я все медлил. Не хотелось убирать, уж больно хорошо

идет яхта под этим парусом. Скорость 7–8 узлов. И так дотянул до глубокой ночи. Налетел шквал, а я лежал в спальнике и слушал музыку.

Вот тут я и понял, что такое жадность к пройденным милям. Где их наверстал, там их можно потерять. Убирать геную и днем тяжело, а ночью тем более. Я привязался страховочным поясом, а то бы генуя унесла меня, как пылинку. Что для нее мои 69 кг! Пришлось хорошо поработать, чтобы успокоить ее. Потом поставил стаксель на внутренний штаг. Сейчас можно ложиться спать. Ночи стали темные. Вода горит фосфором сильнее, чем в Тихом океане.

14:30. Ничем сегодня не занимаюсь, даже пищу не готовлю. Открыл банку консервированной кукурузы. Чувствую себя неважно, наверное, простыл. Рисовал на штурманском столике спиной к люку, а из него тянуло, как из трубы. Но мне казалось, что тепло, и я не одевался. А сейчас вот расплачиваюсь: целый день лежу в спальнике, читаю или просто думаю о всякой всячине.

Снял повязку с левого большого пальца, который вывихнул у мыса Горн. Начинаю его потихоньку забывать, да и все раны, полученные там, зажили.

21:00. Что я буду делать ночью? Проспал два часа — выспался. Яхта идет ровно, без стука такелажа и хлюпанья парусов. Оттого сон был спокоен. Свою болезнь я начал лечить не таблетками от простуды, а витамином С — съел десять штук наших и пять австралийских. Я всегда так делаю, когда заболеваю. Съедаю много витаминов, и болезнь проходит.

Два часа во сне я находился дома, у родителей. Старец Зосима из «Братьев Карамазовых» говорил: «Ибо нет драгоценнее воспоминаний у человека, как от первого детства. Этими воспоминаниями спасен человек на всю жизнь».

В теперешних моих снах я снова выходил с отцом в море на сейнере. И какой я бывал гордый, когда мы всей командой вечером, на закате солнца, съезжали на шлюпке на берег — мокрые, загорелые, одежда в рыбьей чешуе. Какими завистливыми глазами смотрели на меня деревенские пацаны. Я был одного возраста с ними, но их не брали на путину и не давали выходить в море на шлюпке. А мне разрешали. А если не разрешали, я без спроса уходил.

Еще до поступления в мореходное училище я знал все ветра, их названия. Вязать узлы мог не только морские, но и рыбацкие, особые, которые применяются только на нашем побережье. Морскую жизнь и ремесло рыбака я знал с детства, за что благодарен отцу и рыбацкой нашей деревне. В мореходке я лишь

пополнил свои знания.

Культура тишины

11 января 1991 года

Вспоминаю жизнь на берегу. Какая она суетная и шумная! Там никогда нет такой тишины. Жизнь изменилась под воздействием радио и телевидения. Весь мир смотрит на нас с экрана. Не надо никуда выходить или выезжать, чтобы узнать, что делается на свете. Весь мир постоянно у нас на глазах. Это приводит к тому, что человек часто не находит себя, не умеет понять свой внутренний мир. Красота исчезает из современной культуры.

То, что не делает телевидение, заполняет музыка. Музыку не только слушают, ее превращают в музыкальный фон — для чтения, разговоров и прочих занятий. Постоянная музыка не дает наслаждаться таким прекрасным явлением, как тишина. Люди прошлых веков жили в мире тишины и молчания. Это давало им возможность сосредоточиться на внутренней жизни. А наши современники должны прилагать усилия, чтобы создать атмосферу тишины, необходимую для соприкосновения со своей душой.

Солнце нырнуло в тучи. Небо красное, в разводах перистых облаков. Но этот прекрасный закат я не смог сфотографировать, так как был занят уборкой парусов. А когда все закончил, уже стемнело.

23:00. Много ли человеку надо для хорошего настроения? Полбанки консервированной кукурузы, кружка горячего кофе с шоколадом и сухарями, хорошая погода. Все это у меня есть. Сижу в кокпите на спасательном плоту, ем кукурузу и запиваю кофе. Радуюсь: по показаниям лага, скорость 7 узлов. Так развеселился, что в каюту идти не хотелось. Слава Тебе, Господи, еще один день прошел!

Коечная вахта

12 января 1991 года

18:00. Занялся починкой спального мешка. Я зову его «коечная вахта» — это когда я по четыре часа не выползаю из него. Он мне хорошо прослужил, да и сейчас еще греет. Я с ним прошел через весь Ледовитый океан. В 1988 году мне подарил его канадский участник международной трансарктической

экспедиции Ричард Вебер. Да и в одиночный поход к полюсу в 1990 году я тоже брал этот спальник.

В автономной экспедиции к Северному полюсу в 1989 году под руководством Володи Чукова я этот спальник не брал. И потом сколько раз жалел об этом! Но у Чукова правило: все спят в одном спальнике. Мы очень мучились в нем. Нас было тринадцать человек, все влезали в один мешок, давя друг друга. Если не успел первым лечь, то очень сложно втискиваться. Пришлось терпеть 65 дней до самого полюса.

Сейчас надо отремонтировать замок спальника, он сломался. Починю, и он мне еще послужит в других экспедициях. Конечно, если состоится экспедиция к Южному полюсу.

«Джон» и «Ричард»

12 января 1991 года

21:30. Снова нас накрыл туман. Скорость упала до 4 узлов. Я очень неуютно себя чувствую в тумане: идешь, как слепой. Правда, у меня есть локатор, но он берет слишком много электроэнергии.

23:00. Включил «Навстар». Туман опадает густыми каплями воды. Оставил «Джона» на вахте, а сам забрался в спальник и лег спать. Когда не с кем пообщаться, то и вещи превращаются в живые. Я их по именам называю, с ними разговариваю, их ругаю, у них спрашиваю совета — как и что мне делать.

Электрический авторулевой механизм я называю «Джоном» — по имени такелажного мастера из Сиднея. Ветровой авторулевой механизм «Фламинго» зову «Ричардом» — также по имени мастера, который его устанавливал. К «Джону» отношусь с уважением, он работает хорошо. За 70 суток ни разу меня не подвел, а какие шторма выдерживал! А «Ричард» — лентяй. Плохо держит курс и капризный. Если на вахте стоит «Джон», я спокойно сплю, знаю, что он не уйдет с курса, а на «Ричарда» не надеюсь.

Навигационный прибор «Навстар» я зову «Леней», потому что бывший его хозяин — Леонид Лысенко.

Ночь темна. Из-за тумана не видно ни звезд, ни луны. Только океан фосфоресцирует.

Не надо жадничать!

13 января 1991 года

14:00. Снова пришел туман, но не такой густой, кое-что видать. Ветер норд-ост. Пришлось увалиться с центрального курса 30 градусов на 5 градусов.

Сидел за столом и рисовал. Почувствовал, что стало жарко в свитере. Снял его, остался в одном комбинезоне. Так легко и приятно стало. Много дней я не испытывал такого чувства облегчения. Пока «Джон» хорошо ведет яхту, можно лечь в спальник и читать «Новый Завет».

16:00. Забросил удочку в надежде что-нибудь поймать. Так хочется жареной рыбы. Но это мечта, а пока ем надоевший суп.

20:20. Вышел на палубу, смотрю — вода красная. Я думал, что это от солнца, а когда перевалился через борт, то увидел много рачков. Это планктон, и его много — все кишит. Быстро достал сачок и опустил на двадцатиметровом конце в воду. Скорость яхты была 7–8 узлов. Мне бы подержать сачок в океане минуты две и доставать, но жадность меня погубила. Подумал: «Пусть полный набьется». Но минут через пять его порвало. Остался я без сачка, а жаль.

21:00. У меня сохранился рогожный мешок из-под картошки — сшил из него новый сачок. Испытал — хорошо идет за кормой. Но планктона уже не видать, прошли мы этот район. Буду ждать до следующего раза.

И крик детей, и стоны стариков

15 января 1991 года

05:30. Ветер 40 узлов. Убрал грот, поставил штормовой стаксель. Но он слишком большой. «Караана» набрала такую скорость, что, когда врезается в волну, вода прокатывается от самого носа до кормы и заливает кокпит. Включил на яхте освещение бака. Страшно смотреть: яхта превратилась в подводную лодку. Но страшнее всего было ползти сквозь все эти буруны на нос, чтоб убрать парус. Поставил «носовой платок» на внутренний штаг. Скорость яхты 6 узлов. Парус не может ее удержать скулой к волне, но идем все-таки не лагом. Есть пока время откачать воду из-под паел.

Я мокрый до самых трусов. Переодеться не во что. Все мокрое лежит кучей и гниет. Не могу высушить. Еще не было хорошей погоды. Да и соленую воду практически не высушить, все равно одежда будет сырой.

Там, за мысом Горн, ночь была короткая и светлая. Здесь же в 22:30 уже темно до 7 утра. Налил кружку вина, выпил. Включил магнитофон, чтобы заглушить рев урагана. Ревет так, что

холодеет сердце. В этом реве можно все услышать: и крик детей, и стоны стариков.

«Роковые сороковые»

16 января 1991 года

11:00. Злой рок, кажется, витает над «Карааной». Ветер усиливается, небо заволокло тучами, идет большая зыбь. «Джону» тяжело держать курс. Я успел только вскипятить воду и выпить крепкий кофе — два дня ничего горячего не было в желудке. Когда пил кофе, такое блаженство испытывал! Подумал, что все-таки я еще живой и можно продолжать бороться с ветром и штормом, ставить и убирать паруса, выбрасывать плавякорь, стоять у штурвала по 12 часов.

Разве человеку в такие часы много надо? Вчера с утра до обеда направлял яхту с одной волны на другую, а делать это надо так, чтобы она проходила градусов под 50 к волне. Когда вошел в глаз циклона, где океан утихает на несколько минут, успел поменять паруса, откачать воду, выбрать тяжеленный плавякорь. Успел также заскочить в каюту и взять сухарей, банку ветчины и кока-колы. Это был и завтрак, и обед, и ужин. Переодеться не успел: снова налетел ветер, и уже нельзя было бросить штурвал и уйти из кокпита. Да и во что переодеваться, если все мокрое и заплесневело. Так и лежит горой в каюте, источая запахи, которые могут быть разве что в гробу.

После глаза циклона ветер не сменил направление. Снова задул с норд-оста и высвистывал только одно: «Не отпущу с сороковых широт!»

12:00. Почистил три последние картошки. Все, больше ничего у меня свежего нет, кроме трех головок чеснока. Да и они уже гниют.

Киты зубы не чистят

16 января 1991 года

16:30. Осматривал припасы, многое испортилось. Бочки с пивом окислились и все протекли. Остатки я слил в кастрюлю. Сейчас пью, как в пивном баре. Правда, рыбки нет, но я с сыром. Провизии осталось мало, надо экономить.

Выбросил за корму блесну, может, что-нибудь поймаю. Мечтаю о тунце. Тогда бы я и наелся, и засолил бы рыбы. Такая прелесть — лечь на палубу раздетым и погреться на солнышке,

оно светит сквозь тучи. Лег на матрас, сушившийся на палубе, взял книгу и начал читать. Работа подождет, я имею право отдохнуть, особенно после вчерашней передряги. Я думал, что мы с «Карааной» не выйдем из нее. Уж больно она нас прихватила. Был страшный момент, когда я на баке работал с парусами. Вдруг увидел впереди стадо китов. Крикнул «Джону»: «Сворачивай, лево руля, уваливайся!» Но что с него взять, ведь он же робот, я ему задаю курс, и он старается его выдерживать. Не помню, как одним прыжком я очутился у штурвала, отдал шкоты и повернул налево.

А великаны, не обращая на яхту никакого внимания, плавали, как бревна. Штормовые волны то поднимали, то опускали их. И так близко провел я возле них «Караану», что даже почувствовал запах их выдоха. Он вонял ужасной гнилью. Оно и понятно: киты зубы не чистят.

Шаровая молния

17 января 1991 года

08:20. Эта Атлантика нас с «Карааной» вымотает. Проснулся, выглянул, а океан словно полит маслом. Ни ветерка, только большая зыбь идет из-за горизонта. Паруса не работают. Но здесь погода коварная. Еще не прочитал утреннюю молитву — *«К Тебе, Владыко Человеколюбче, от сна востав прибегаю, и на дела Твоя подвизаюся милосердием Твоим, и молюся Тебе…»,* — как налетел шквал. «Караану» будто кто стегнул хлыстом. Она, как ретивый конь, вздыбилась, все затрещало, заскрипело. Но ветер фордак, и ее не положило на борт, а понесло вперед. По небу видно, что этот шквал на несколько минут и даже секунд — убирать паруса не хочется. Так и вышло: минуты две-три ветер рвал паруса, а потом резко стих.

18:30. Надо одеваться и идти на палубу. Сейчас океан задаст мне трепку. С норд-веста идет темная туча, в ней сверкают молнии. Барограф резко пошел вниз. У меня стоит большая генуя, и если шквал захватит, то раздерет ее, как волк барашка.

Вот уже нарастает гул, он движется на нас. По времени суток еще должно быть светло, но черные тучи накрыли нас, и стало темно, как в погребе.

Геную убрал своевременно. Когда привязывал ее к носовым леерным стойкам, почувствовал — именно не увидел, а почувствовал — откуда-то сверху свет. Поднял голову: батюшки, по ванте бежит шаровая молния — огненный шар размером чуть больше теннисного мяча. Дошла до палубы к ванпутенсам левого борта и пропала. Только я вздохнул, что пронесло, как такой же

огненный шар снова появился у топа мачты и, дрожа, то медленно, то чуть быстрее спускается по той же самой ванте. Иногда остановится, замрет, словно не решается идти вниз. Но вот коснулся палубы и пропал.

Я как сидел на корточках, так и продолжать сидеть минуты три, боялся пошевелиться. Потом перекрестился и бегом в кокпит. Очутился в каюте, сразу стало спокойнее. Как будто переборки каюты могут меня защитить и спасти.

Генеральный план

18 января 1991 года

Прошлой ночью я принял решение о строительстве часовни в бухте Врангеля[76]. Эту мысль я вынашивал несколько лет. Вслух об этом сказать боялся — вдруг не так поймут. Но кому как не мне, верующему человеку, поднять этот вопрос. Что мы, жители поселка Врангель, видим вокруг себя? Только однообразные коробки, называемые домами. Нас окружает великолепная природа, созданная самим Господом Богом. Но мы ею не любуемся и не учимся у нее. Напротив, уничтожаем. Уничтожили речку, протекавшую через поселок. Она несла талые воды с далеких таежных сопок. Мы ее превратили в помойку — стали сбрасывать в нее хлам и мусор всего поселка.

По рассказам старожилов, в эту речку заходила на нерест красная рыба. Но русло пустили по канализационным трубам, и от речки остались одни воспоминания. Сегодня по ней текут нечистоты и выливаются на берег моря. До чего мы опустились! Спускаем нечистоты туда, где купаемся, загораем.

Но больше всего меня волнует и не дает спокойно жить разорение кладбища. На моей душе лежит большой грех. Я видел, как бульдозером прямо по могилам прокладывали дорогу, и не заступился за покойных, не отстоял последнее их прибежище. Один только раз пошел к председателю поселкового совета и рассказал ему о варварах. Мы с ним ходили вместе смотреть на этот вандализм, но и он, вроде бы облеченный властью, развел руками и сказал, что дорогу прокладывают в соответствии с генеральным планом застройки. Кладбище старое, не действующее — там похоронены первые переселенцы, в конце прошлого века прибывшие на Дальний Восток.

Кто придумал этот генеральный план? Уверен, что его автор никогда не был в наших краях, не видел и не знал, что его дорога пройдет по праху умерших людей.

Когда мы в 1989 году ехали от Находки до Ленинграда на

велосипедах, то сердце сжималось: по всей стране закрыты, обескрещены, обезглавлены сотни церквей и колоколен, создававших неповторимый ландшафт России. Почти что в каждом городке или деревне мы видели руины храмов, а большинство этих прекрасных архитектурных сооружений и вовсе стерто с лица земли.

Многие церкви стоят со сбитыми крестами, с просвечивающими насквозь куполами. Вокруг них все заросло травой и кустарниками. Американец Том Фрайзер, ехавший с нами, удивлялся и говорил: «Это может сделать только народ-варвар. Потому мы и боимся Советского Союза. Если он у себя дома со своей культурой и народом так обошелся, то что будет, если вы придете к нам?» Я смиренно слушал вполне заслуженные его упреки и молчал.

Игра в кошки-мышки

20 января 1991 года

09:00. Солнце вышло из океана и заиграло алым цветом. Оно такое яркое, что на воду невозможно смотреть: все блестит, миллионы искр так и сыплются. Ветра нет. Яхта на зыби медленно качается. Пробовал поставить паруса, хлопают, но работать не хотят.

11:30. Ремонтировал магнитофонную пленку, ее сжевало. Пришлось разобрать, кусок метра два отрезать и выбросить. Вдруг слышу писк. Выхожу из каюты, а вокруг «Карааны» резвятся дельфины — прыгают у борта, под фальшкиль заглядывают. А моя «Караана» как принцесса еле-еле идет и не обращает на них внимание. Я быстро в каюту, схватил фотоаппарат и на бак — оттуда лучше их снимать. Половину пленки отщелкал, но дельфины как появились внезапно, так и ушли. Долго я еще видел, как они выпрыгивают из воды. Снова стало тихо и тоскливо.

15.00. От горизонта до горизонта небо чистое, голубое с фиолетовым оттенком. Вот я и дождался тепла. Набрал ведро воды из-за борта и вылил на себя. Еще прохладная, но у нас в бухте Врангеля холоднее, а мы купались целыми днями.

20:30. Целый день штиль. Включил «Навстар», но, думаю, координаты плохие. На горизонте появились тучи. Солнце еще светит, но скоро зайдет за них.

Весь день занимался ремонтом парусов, шил лоток для сбора воды с грота.

Когда в октябре вышел из Сиднея, видел в Тасмановом море

медуз, которые плывут, как парусники. Из воды торчит у медузы что-то наподобие паруса-спинакера и гонит ее по воде. Сейчас вижу точно таких же медуз. Это понятно: «Караана» находится на широте Австралии, только океан другой. Но это для людей океаны различаются по названиям, а для морской живности главное — температура воды.

22:00. В Сиднее ко мне на яхту приходил австралиец, который три года назад совершил кругосветное плавание. Когда прощался со мной, то сказал: «Ты будешь видеть красивые закаты и восходы». Я тогда этому не придал значения, а вот сейчас такой видел закат, что, наверное, можно прожить всю жизнь на берегу, но подобного не увидеть. У меня душа сжалась, я стоял и не мог оторвать глаз от великолепного зрелища. Все, что пишут и рисуют — жалкие картинки по сравнению с тем, что я только что наблюдал. За один такой миг можно идти вокруг света, переносить шторма, холод и одиночество. Я рад, что пошел в плавание именно один. Думаю, что с кем-то было бы уже не то. Мы бы мешали друг другу охами да ахами.

22:30. На небе рождаются звезды, одна за одной. Через некоторое время они заполонят весь небосвод и прочертят над моей головой Млечный путь. Я люблю стоять, облокотясь на дугу тента над входом в каюту, и смотреть по сторонам. Это мое любимое занятие: созерцать мир, в котором живу. Подумал: «Куда тебя занесло, Федор?». Вот уж сколько времени в океане, а не верится, что я совершаю свое плавание, о котором мечтал 19 лет назад.

Первое свое крейсерское плавание я совершил по Японскому морю[77] на яхте «Оля». Капитаном на ней был Виктор Бухальский[78], а Юра Куликов — флагманским капитаном. Мы шли двумя яхтами. Вторую, «Гармонию», возглавлял Виктор Языков. Мы прошли около тысячи миль. Без приключений не обошлось. Еще на севере Приморья нас захватил тайфун, и мы друг друга потеряли. А должны были идти на юг, в Посьет[79]. Вместе с тайфуном мы и неслись к Посьету. Тогда на яхтах не было ни раций, ни навигационных приборов, скорость определяли на глазок. И мы думали, что проходим Владивосток, а уж прошли Посьет и залетели на 80 миль в территориальные воды Северной Кореи.

Как сейчас помню: шторм стих, все устали, легли спать. Я остался на руле. Ветер слабый, а зыбь после тайфуна даже не большая, а огромная. Нашу «Олю» болтает, я сижу, рулю и впал в дрему. Потом увидел берег, на мысу — маяк. Разбудил Юру Куликова. Он поднялся, в бинокль посмотрел маяк и сел за лоцию искать в ней его очертания.

Слышу, Юра что-то чертыхается. Спрашиваю: «Что материшься?» Он отвечает, что в лоции Приморского побережья Советского Союза такого маяка нет.

Мы решили подойти поближе и получше рассмотреть ориентиры. Юра снова лег спать, тем более что у него болел зуб, и он все время лечил его спиртом. Наливал в пробку из-под бутылки и осторожненько опрокидывал на больной зуб. Но спирт все равно попадал бедному Юре вовнутрь, туманил голову. Он от этого совсем ослаб и уснул.

Когда «Оля» подошла близко к маяку, я увидел, что к нам несутся два катера. Подумал, что наконец-то наши пограничники заметили нас, у них мы и узнаем, где находимся. Катера подошли ближе, и я увидел, что флаг-то не наш и на борту иероглифами написано. Сразу мысль: китайцы. А тогда с Китаем у нас была напряженка. Кричу: «Юрий Михайлович, быстро наверх!» Он выбегает с опухшей щекой и опухшими глазами. Я ему пальцем показываю: вот куда мы пришли! Он быстро встал за руль, вызвал всю команду наверх, и мы начали убегать в море, чтобы выйти из 12-мильной зоны. Но ветра, как назло, нет, паруса еле-еле тащат нашу девушку «Олю». А корейцы (катера оказались корейскими) уже подошли к борту и нам бросают буксирный конец. Мы его не берем, сбрасываем. И началась игра в кошки-мышки. Яхта маневреннее, чем их старый деревянный катер. Только корейцы подойдут — мы уходим им под корму. Они снова делают круг, чтобы захватить нас, а яхта разворачивается почти что на месте. И так мы потихоньку уходим в море.

Тут они решили вдвоем: подошли одновременно, один справа, второй слева, и прижимают нас. Но мы все-таки ускользнули прямо из-под носа у того, что наваливался на нас слева. Шхуна не успела отработать назад, сорвала нам леерные стойки и кормовой релинг. «Оля» вырвалась на свободу, а корейцы врезались друг в друга — треск стоял на все море. Пока они разбирались, кто виноват, мы уже далеко ушли в море, может, даже вышли за 12 миль. Смотрим — наши охотники разворачиваются и полным ходом летят на нас. Подлетают сразу с двух бортов, бросили швартовые, и молодые корейские парни попрыгали к нам на борт. Наш матрос Коля Гробов хотел их сбросить в воду — парень он был здоровый, — но Юра его остановил, это уже международный скандал назревал.

Корейцы забрали у нас капитана Виктора Бухальского, взяли яхту на буксир и потащили в порт Наджин[80]. Здесь уж мы ничего сделать не могли. Обрезать буксирный конец нельзя, у корейцев остался бы Виктор.

Притащили нас в порт, и началось разбирательство: кто,

зачем, почему? И больше всего напирали на то, чтобы мы подписали бумагу, что они нас спасли. Но мы-то знали, что если подпишем, то наша страна за спасение заплатит валютой, и тогда дома нам несдобровать. Мы как один уперлись — не подписываем. А они о нас не сообщают в наше консульство.

С мачты мы не снимали красный флаг, хотя они просили спустить его. Я даже ночью спал возле мачты, стерег. И тут нам повезло: в порт зашло советское судно. Увидели красный флаг на мачте — подошли к нам. Мы рассказали о своем плене. Через некоторое время приехал консул, но его к нам не пустили. Он только передал, чтобы мы ничего не брали у корейцев.

Через три дня к нам подошел буксир и потащил «Олю» в открытое море. Не доходя до пограничной линии, корейцы отдали буксир и ушли назад. Мы подняли паруса и только прошли эту линию, как к нам подошел громадный корабль. В рупор прокричали: «Эй, путешественнички, а ну давай сюда вашего капитана!»

Виктор Бухальский полез по трапу на корабль, а мы своим ходом пошли в Посьет. Там нас ждали похлеще, чем в Корее. В Корее охранял один пограничник, а тут два. И начались каждый день допросы. Рассадили нас всех отдельно, чтобы мы не сговорились. Весь упор шел на то, чтобы мы признались, что сбежали за границу. Но мы доказали, что заблудились. И нас отпустили. Вот таким было наше первое плавание по Японскому морю. Сейчас смешно, а тогда было не до смеха.

Акула

21 января 1991 года

08:20. Штиль, ни малейшего дуновения ветерка. Ничего не шелохнется, но «Караана» раскачивается на мертвой зыби. Да и паруса забраны, а без парусов яхта, как ванька-встанька. За вчерашний день прошел 17 миль, а за сегодняшний, чувствую, и пяти не пройду.

Вчера, засыпая, лежал и обдумывал, как бы мне искупаться за бортом, если будет жаркая погода. Решил, не снимая страхового пояса, только веревку удлиню, прыгнуть за борт и минуту поплавать, заодно и яхту со стороны посмотреть. А сегодня желание купаться пропало: наклонился за борт, чтобы набрать воды — боже ты мой! Возле борта стоит акула. Метров пять-шесть рыбина, в половину яхты. Не рыба — натуральное бревно, а возле нее плавает рыба-лоцман[81]. Я осторожно зачерпнул воды и приказал себе о купании забыть. Не думал, что акулы так далеко

в океане могут найти меня. Или их так много и случайно она подошла, а может, уже давно меня сопровождает? Таких друзей мне бы не хотелось иметь у себя под бортом. Но это хорошо, что я увидел: больше не будет желания лезть в воду.

10:00. То, что я должен применять для борьбы с пиратами, я сейчас использовал против акулы. Не могу ничего делать на палубе, в кокпите тоже неуютно себя чувствую. Пытался читать, но книги на ум не идут, когда под бортом стоит это чудовище — вся черная, грязная, глаза навыкате. Я багром пытался ее отпихнуть, но не получилось. Тогда я разозлился. А я суровый, когда злой. Расчехляю свою пушку (10-зарядное автоматическое ружье производства США), заряжаю и с бешеным видом выскакиваю на палубу. Даже ремнем страховочным не пристегнулся. Шарах! Гул пронесся по всему океану. Акула была погружена в воду сантиметров на 50. Я знал, что если есть хоть малый слой воды, то дробь не пройдет. Но все-таки надо было что-то сделать. И я выстрелил. Сноп воды ударил мне в лицо. А акула почувствовала неуютность того места, где находилась, и быстро — куда ее важность делась — ушла.

Когда шла подготовка к плаванию, я и не помышлял брать с собой оружие. Но австралийские спортсмены, все как один, спрашивали меня, беру ли я какой-либо ствол. «Зачем?» — недоумевал я. Они переглядывались, и каждый рассказывал свою маленькую историю о встрече с пиратами. Я отвечал, что пиратам у меня брать нечего. «Как нечего? — возражали они. — Твоя яхта им вполне подойдет на один раз перевезти контрабандой наркотики, а потом они ее затопят».

Я их выслушал, а про себя подумал, что покупать ружье — это такая канитель! Помню, дома однажды решил стать охотником-любителем. Чтобы приобрести оружие, надо год быть кандидатом. Потом выклянчить характеристику с места работы, медицинскую справку, что ты не псих. От соседей тоже нужна справка, что они не против того, чтобы ты держал дома ружье. Соответствующая справка нужна также от жены и детей, плюс бумага от участкового милиционера. Пока собрал все эти документы, уж и охотиться расхотелось.

Все это я рассказал моему сиднейскому другу Азику. Он, ничего не говоря, посадил меня в свой «Форд» и повез в оружейный магазин. А там чего только нет: разных марок пистолеты, карабины, ружья, винтовки, ножи от малюсеньких до тесаков — слонов можно резать. Продавец тут как тут. Мы объяснили ему, что и зачем хотим купить. Он сразу посоветовал автомат «базука». В фильме «Рембо» герой там точно с таким воевал. Я взял, подержал. А продавец говорит: «Это именно то,

что вам в море необходимо для обороны от пиратов». Но мне страшно даже подумать, что такая «машина» будет лежать у меня на яхте. Попросили показать оружие «для показухи».

У продавца спрашиваем, какие документы надо для покупки оружия. Он отвечает, что всего лишь разрешение из полиции, и дает нам адрес ближайшего участка. Мы туда. Там нас выслушали и сказали: «Выбирайте ствол любой марки, а потом приедете к нам и зарегистрируете».

Поехали назад, в магазин. Пока добирались, я осознал, что смогу здесь запросто купить оружие. И нужно брать такое, чтобы в дальнейшем пригодилось. Да и домой с «базукой» не пустят, а если пустят, то автомат отберут сразу, еще и в тюрьму могут посадить за попытку провоза оружия.

Выбрали мы автоматическое 10-зарядное ружье двенадцатого калибра. Весь черный с воздушным охлаждением. Купили две пачки патронов. Продавец еще дал в подарок две пачки картечи. Со всем этим имуществом мы снова заехали в полицейский участок. Там минут за десять мне выписали на английском языке разрешение на хранение оружия и пожелали нам всего хорошего. На покупку ружья и его регистрацию у нас ушло часа три. Я спросил Азика, почему так легко продают оружие и не боятся, что кто-то кого-то убьет. Азик ответил, что если человек захочет укокошить другого, то найдет чем. А легкость приобретения оружия объясняется тем, что в Австралии все делается для удобства честного человека, которого никто не считает потенциальным убийцей.

Буча

23 января 1991 года

08:00. Не везет! Шторм, лежим в дрейфе. Был бы этот шторм попутный, еще полбеды. Но мы дрейфуем в обратном направлении.

Когда не было бюро погоды, каждый моряк определял погоду по приметам. Если солнце село в воду — жди хорошую погоду. А когда садится в тучи, берегись, получишь бучу! Вот мы сейчас и получаем «бучу». Шторм я никогда не любил, с детства он у меня вызывал тревогу. Если начинался шторм, то вся деревня шла на кручу и смотрела, как возвращаются рыбацкие баркасы. Покажется на горизонте лодка — мы гадаем, чья она. Может, отец? Если нет, то смотрим, как другие бегут встречать своего родного человека. Мы же остаемся ждать и молим Бога, чтобы отец поскорее пришел. Если показывается его баркас, мы

радостно бежим прямо в воду, чтобы помочь вытащить его на берег. Хотя толку от нас было мало, мы, конечно, считали, что без нас баркас не вытянут.

Отчетливо помню первые минуты, когда отец спрыгивал с носа в воду. В длинных сапогах, в брезентовой куртке, в зюйдвестке[82], загорелый. Увидев нас, он командовал: «Весла несите наверх!» Весла длинные, тяжелые — я всегда удивлялся, как ими гребут?! Сколько надо силы! Но азовские моряки не слабые люди. Посмотришь на их руки, а у них жилы, как веревки, пальцы все скрючены от воды и тяжелой работы. Я гордился своим отцом. Он никогда не говорил, что ему тяжело, что он устал, что было страшно.

Как только чей-то баркас ткнется носом в песок, все рыбаки, которые на берегу, берут его и волокут к самому яру. А там цепляют тросом и вытаскивают наверх. Они посматривают на небо. Если считают, что шторм скоро пройдет, то до половины яра. А если чувствуют, что эта погода надолго, то на самый верх.

Баркас поднимается все выше и выше от моря. А я влезаю в него и открываю пробку, чтобы стекла вода. От снастей пахнет илом, и точно такой же запах от отца. После всех работ он говорил: «Федька, там харчи остались — не успел съесть. Возьми домой, отдашь их матери». По дороге к дому я потихоньку достаю из сумки хлеб, яйца вареные, лук и ем. Такими вкусными они мне кажутся — никогда не пробовал ничего вкуснее.

Домой приходим, а мама уже ждет и всегда говорит одно и то же: «Слава Богу, что ты, Филя, вернулся!» Филя — так она ласково зовет отца. Отец, ничего не говоря, начинает раздеваться. Вешает свою мокрую одежду у печки, чтобы к утру просохла. А мы высыпаем в корыто из мешка рыбу и смотрим улов. Рыба еще живая, бьется. Если есть серые бычки, мы сразу их откладываем в сторону — на жареху, а остальное — на засолку. Рыба для нас была всем: мы ею питались, продавали на базаре, чтобы покупать одежду, меняли на пшеницу.

Я уже больше 20 лет не живу на Азовском море, но уверен, что нет рыбы вкуснее, чем азовская. Она, наверное, останется самой дорогой для меня, потому что напоминает мне детство. А в детстве все самое лучшее, самое вкусное.

14:30. Пошел ливень. Я рад сейчас любой погоде, лишь бы она сменила направление ветра. Возле мачты привязал пятилитровую канистру для сбора воды. Надо наполнять пресной водой цистерны. Если не буду этого делать, то мне не хватит воды на весь рейс.

Дерзкое предприятие

23 января 1991 года

16:00. До мельчайших подробностей помню отплытие из Сиднея, лица людей, пришедших проводить меня. И мучаюсь тем, что дурно обошелся с ними, не попрощался с каждым персонально. Сделать это было необходимо. Но я тогда был сбит с толку тем, что происходило. Слишком долго я ждал этого момента! Даже в последние минуты не был уверен, что уйду в кругосветное плавание. Мне казалось, что какая-то роковая рука помешает этому. Последние дни в Сиднее я почти никуда не ходил. Когда приглашали на ужин, не всегда соглашался. А если и соглашался, то ненадолго. Я боялся, что во время моего отсутствия с «Карааной» что-то случится. Сидя в гостях за богатым столом, я без аппетита жевал то, что подавали хозяева, и не слышал, о чем они говорили. В моей голове засели мысли, что, пока я здесь нахожусь, яхта может утонуть у причала, или на нее наскочит какой-нибудь катер, или ее украдут.

В Сиднее находилось представительство Министерства морского флота СССР. Я больше всего боялся, что если они сообщат министру в Москву о моем плавании, то он им поручит любыми путями задержать меня, не дать выйти в океан. Тем более что сам министр издал приказ о запрете выхода яхт в открытое море.

Здесь, в Австралии, только мы с Леонидом Лысенко знали все это и никому не говорили. Я старался держаться уверенно и не подавать вида, что у меня нет на это плавание разрешения от советских властей. Даже когда к нам на катере подошли таможенники, чтобы оформить выход, и поставили в паспорт печать (вся эта процедура заняла не более десяти минут), я не мог поверить в свершившееся. Когда Леонид Лысенко обнял меня: «Вот, Федор, ты и дождался этого дня, о котором мечтали многие яхтсмены нашей страны!» — даже тут я не поверил, что моя мечта вот-вот станет действительностью.

Чтобы ускорить этот момент, я прыгнул с яхты на причал к провожающим и сказал: «Через пять минут ухожу. До свидания, счастливо оставаться!» И, не прощаясь ни с кем за руку, не получая ни от кого напутствия, взбежал на «Караану». Поднял сначала стаксель, затем грот, включил двигатель на полную мощность, помахал рукой и отошел от причала. Только слышал крики, чтобы обернулся для фотографии. Я машинально поворачивался, а сам, давая все больше и больше газу двигателю, уходил навстречу своей мечте и тому, что я испытываю сейчас здесь, в центре бушующего океана.

Кто-то скажет, что это чистой воды авантюра. Да! А что плохого в этом? Авантюра — это дерзкое предприятие. У нас

никогда не любили дерзких поступков. А я перешагнул через запреты, и пускай меня судят, как хотят. Я сделал то, что в России никому и никогда не удавалось.

Таинственный незнакомец

23 января 1991 года

19:40. Океан еще не успокоился, но небо уже прояснилось, и видимость улучшилась. Увеличил парусность. И тут заметил, что на норд-осте что-то плывет возле самого горизонта. Спустился в каюту, взял бинокль и начал всматриваться в океанскую даль, где, как мне показалось, что-то есть. В таких случаях всегда бывает тревожно. Помню, когда шел к Северному полюсу в одиночку и увидел следы английской экспедиции Роберта Файнеса, мне стало не по себе. Я испугался, что могу встретить людей.

Разные мысли приходят в голову. Остров Тринидади[83] лежит на координатах 20°28’ ю.ш. и 29°08’ з.д. До него далеко. Этот остров в прошлые века служил убежищем пиратов, хозяйничавших в тропических морях. Я решил изменить курс и подойти поближе, пока не стемнело.

22:10. Наконец-то в бинокль рассмотрел, что это деревянная двухмачтовая яхта старой постройки длиной примерно метров 13–14. Обе мачты сломаны, но это меня не удивляет. Прошедшей ночью я не раз терял надежду, что «Караана» удержит свою мачту до рассвета. Стало быть, другие оказались менее удачливы.

Зыбь большая — близко подходить опасно. Весь такелаж полузатонувшей яхты за бортом, и можно намотать его на руль «Карааны». И пришвартоваться к ней нельзя — можно проломить собственный борт, так как волны крутые и швыряют парусник из стороны в сторону. На палубе никого. Яхта приняла много воды — сидит низко, волны перекатываются через нее с борта на борт.

Уже сумерки. Минут через двадцать совсем стемнеет. Надо ждать до утра. Лечь в дрейф без парусов нельзя — слишком сильно будет болтать. Надо оставить грот и штормовой стаксель выбрать на ветер. В таком положении дрейф «Карааны» 2–3 узла. Близко от аварийной яхты оставаться опасно, в темноте можно столкнуться с ней.

В голову лезут всякие мысли: «Может, там люди и им нужна помощь?» А если надуть резиновую лодку и подплыть к утопленнице? Нет, этот вариант сразу отпадает. Бросить свою яхту ни в коем случае нельзя. Ее тогда и не догнать будет. Мне вспомнился рассказ одного яхтсмена, который решил сфотографировать свой парусник со стороны. В океане был

штиль, он на резиновой лодке отплыл и начал съемку. Отщелкал пленку, начал грести к яхте. А она все удаляется и удаляется от него. Хотя на яхте и не было парусов, сам корпус создает парусность: дрейф яхты быстрее, чем он гребет на резиновой лодке. С трудом догнал он свою яхту.

Проходя мимо аварийной яхты, я громко крикнул. Никто не отозвался.

«Цыганское солнце»

24 января 1991 года

02:40. Идет дождь, ветер развернулся на зюйд-вест. Тяжело лежать в дрейфе. Да и жалко ветра, он же сейчас почти что попутный. Ночь темная, где сейчас полузатопленная яхта?

08:00. Сейчас мне не до брошенного парусника. С пяти утра я на палубе. Ветер не развернулся, но сила его не убавилась.

12:00. Немного поспал. При сильном и попутном ветре много работы с парусами, их тяжело настроить. Океан продолжает штормить, высокие волны еще не улеглись. Но «Караана» легче пошла, так как встречная зыбь сгладилась.

Утром, на восходе солнца, было очень сложно. Ветер зашел на зюйд-вест, а старая волна еще шла с норд-оста и создала сильную болтанку. Паруса несут яхту вперед, а зыбь останавливает ее. Все трещит, того и гляди, бедная «Караана» рассыплется.

С рассветом я не увидел ничего вокруг. Полузатопленная яхта исчезла. Да мы и ушли от того места далеко. Еще ночью я решил, что бесполезно терять время — все равно не смогу подойти к ней. А кружиться на одном месте нет смысла.

16:00. На палубе нашел рыбу и съел ее, не чистя и не жаря. Так хочется чего-нибудь свежего.

18:00. На здешней долготе солнце садится в 21:40. Месяц со щербинкой смотрит в иллюминатор левого борта и освещает каюту. У нас дома, на Азовском море, такой месяц называли «цыганским солнцем».

Через нашу деревню часто проходили цыганские таборы, я это хорошо помню. Они не заходили в село, а останавливались на краю, недалеко от наших огородов. Как только кто увидит табор, по всей деревне проносится шум: «Цыгане, цыгане!» Все их боялись: они воровали кур, собак, лошадей. Но нам, пацанам, было интересно посмотреть на их табор — целыми днями мы крутились возле них, ели вместе с ними у костра.

Я любил этих бродяг за то, что у них хорошие лошади, не то

что у нас в колхозе — худые, старые, грязные. А у них все лоснящиеся, ухоженные, с красивой сбруей.

Помню, в одном таком таборе цыган меня полюбил и давал на своем коне ездить по степи и даже заезжать в деревню. Дома меня за это ругали. Мама говорила, что цыгане воруют детей. Но я не боялся, я бы все равно убежал хоть откуда. Не зря я носил морской ремень с якорем и всегда говорил, что я моряк, а моряки никогда и ничего не боятся.

Цыганские дети всегда были грязными и любили танцевать. И все просили, чтобы я с ними тоже танцевал. Но я не мог и не хотел. Зато я им предлагал бороться — это у меня выходило хорошо. Я на своей улице всех одолевал, даже Жорку Кислых, хотя он был на два года старше меня. У меня был собственный прием: сразу хватать противника за ногу и поднимать высоко от земли. Соперник падал, я бросался на него сверху. Победа!

Цыганята не знали приемов. Они сразу, как только оказывались внизу, начинали кусаться. Я этого не любил и считал, что они играют не по правилам.

Так вот, с цыганами, с которыми я катался на лошади, я решил уйти кочевать по свету. Они много рассказывали про свои путешествия. Сколько они видели речек, сел, и даже проходили через леса! А я в то время не видел леса. У нас только степь да лесопарки с редкими акациями. Но там, правда, водились лисицы, и мы с пацанами любили ходить в наши «леса» искать лисьи норы.

Когда табор отправился в другую деревню, Александровку, что в 11 километрах от нашей, я пошел с ним. Залез с цыганятами в кибитку и, сидя сзади, наблюдал, как удаляется наше село. К вечеру табор расположился на окраине Александровки. Развели костры, сели ужинать. Ели то, что цыганки выпросили у крестьян.

До сих пор стоит у меня в ушах такой жалостный и растерянный мамин голос, долетевший из темноты до костра: «Федя, что же ты наделал, зачем нас бросил?» Оборачиваюсь, а за мной стоит плачущая мама. Мне стало ее так жалко! Я вскочил, обнял ее, стал уговаривать, чтобы она не плакала, что я вернусь домой.

Цыгане все это видели, начали смеяться и говорить, что не отпустят меня. Мама растерялась, а я сказал, что хочу быть моряком, а не цыганом. А лошадь мне и дома купят — правда, мама? Мама, кивая головой, обняла меня, и мы вместе пошли домой. До деревни далеко — шли полночи. И я все время слышал, как мама всхлипывала и вытирала слезы.

«Молитесь за обижающих вас…»

26 января 1991 года

09:30. Скорость ветра 25 узлов. Скорость яхты 6–7 узлов. Всю ночь шел дождь с грозой. Молнии освещали наш путь и все старались угодить в топ мачты. От грома стоял такой грохот, как будто мы прорывались через линию фронта воюющих стран.

Скоро три месяца как я в пути, а до середины маршрута еще далеко. Иду к островам святых апостолов Петра и Павла, чтобы там включить аварийный радиобуй. Тогда все узнают, где я нахожусь, и что я пересек экватор. Я так хочу поступить, чтобы злые языки, когда вернусь, если, конечно, это Богу будет угодно, не говорили, что мы с «Карааной» не пересекали экватор. В этом случае не засчитывается кругосветное плавание по большому кругу.

Я уже научен горьким опытом с Северным полюсом. Когда в одиночку пришел на географический Северный полюс 9 мая и определил свои координаты по спутниковому прибору «Магеллан», то считал, что этого вполне достаточно. Там, во льдах, вдали от цивилизации, забываешь, что в мире существуют зависть, злоба, недоверие, корысть.

После возвращения с полюса, как только ступил на землю, меня спросили, а точно ли я вышел в точку Северного полюса, где доказательства? Что тут ответить? Я думал, что это просто шутка. Дело в том, что летчики, которые прилетали за мной, не могут точно определиться по координатам географической вершины Земли — у них нет таких приборов. Штурман на самолете ведет по счислению свой курс и идет в район Северного полюса. А там уж я его наводил своим радиоприводом «Комар».

Так вот, мои недоброжелатели и использовали то, что у меня не было свидетелей, и начали раздувать в прессе, что я не вышел в точку Северного полюса. Ну да бог с ними! Как в Библии сказано, «…любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас, молитесь за обижающих вас и гонящих вас»[84].

21:30. Какой красный закат! Даже не знаю, как лучше сказать — красный или страшный. Все небо цвета краплака[85]. Тучи — будто раскаленные угли, а ближе к горизонту все окрасилось в светло-зеленый цвет.

Крестины

27 января 1991 года

28°30’86” ю.ш., 32°50’40” з.д.

00:00. В полночь потянул ветерок с севера. Поставил паруса,

настроил «Джона» на курс 90 градусов. Ночь теплая, на палубе работал в одних плавках. В каюте градусник показывает плюс 23.

09:00. Ночью часто просыпался. На рассвете, когда в шесть часов включил «Навстар» и решил еще немного вздремнуть, мне приснился сон, что я потерял свой нож. Вернулся искать его, спрашиваю всех прохожих. А они говорят, что его нашла врачиха и унесла домой. Я не знаю ни врачиху, ни дом, в котором она живет. Иду и спрашиваю у людей. Встретил трех женщин. Одна согласилась меня провести и показать дом, где живет врачиха. И так мы идем какими-то деревенскими улицами, а навстречу мне мой отец крестный. Он уже умер, а во сне живой. Он говорит мне: «Что же ты, сынок, не приходишь в гости ко мне. Я тебя жду, а ты не идешь». Я боюсь отстать от женщины, которая меня ведет, и быстро говорю ему, чтобы ждал меня в понедельник. Я обязательно приду вечером. Тут и проснулся. Лежал и вспоминал, как я в детстве ходил к нему в гости, как он мне покупал подарки.

Его звали Георгий Сиващенко, он был крестным отцом и мне, и моему младшему брату Павлику[86]. В нашей деревне церкви не было, ее еще в 30-е годы снесли. А действующая церковь была в соседней деревне Степановке. Там нас и крестили. Как меня крестили, я, конечно, не помню, а вот про Павлика помню хорошо.

Рано утром на лошадях приехал Георгий — мы еще называли его дядя Жора. Его лошади были запряжены в бричку, а в ней много свежего сена, чтобы мягко было сидеть. Да и лошадей кормить было чем, все-таки едем на целый день. Мама приготовила большую сумку с продуктами: вареные яйца, жареные бычки, большая бутылка с молоком, пирожки с капустой, с картошкой и даже с творогом — наши самые любимые. Но их мама пекла очень редко. Корова одна, а семья большая, не хватало молока, чтобы сделать творог.

Еще была в этой сумке четверть с самогоном и банка с виноградным вином. У нас всегда было вино. Почти что весь огород был в кустах виноградника.

Павлик был маленький-маленький, у него еще и имени не было. Имя должен был дать в церкви священник. Мы ехали и все думали, какое имя будет для нашего братика. Ехали всей семьей, кроме отца. Он был на путине. Да старшая сестра Шура осталась присмотреть за домом и скотиной. Все же остальные уселись в бричку и отправились в храм божий, чтобы окрестить нашего еще без имени маленького братика.

Приехали в Степановку, а возле церкви народа много, стоят лошади, машины. Все пришли-приехали по своим делам: кто Богу помолиться, кто крестить, кто помянуть умерших. Нас ждала

мамина сестра тетя Катя. Она приехала из деревни Дунаевки, это недалеко от нас. Тетя Катя должна была быть крестной матерью, была она крестной и у меня.

Мы в церкви сгрудились недалеко от священника, чтобы услышать, какое имя даст он нашему брату. Батюшка спросил маму, какого числа она родила. Мама ответила, и священник, полистав книгу, сказал, что это день святых апостолов Петра и Павла — можете сами выбрать имя. Мама посоветовалась с нами, и мы все дружно решили, что назовем малыша Павликом. Нам не нравилось имя Петр, потому что напоминало нам колхозного сторожа Петра Лебединского, который нас гонял, когда мы воровали арбузы и подсолнухи. Если, бывало, поймает, то бил своим толстым кнутом. Так что имя Петр нам не нравилось.

После церкви за селом мы отмечали это событие. Остановились у края дороги и разложили все, что было в маминой сумке. Тетя Катя тоже достала свою сумку, и все принялись за трапезу. А дядя Жора принялся за самогон и вино. Мужик он был крепкий, в плечах аршин, но упился так, что мы все вместе с трудом уложили его в бричку.

Вот как жизнь складывается! Сейчас я веду свою яхту к островам святого Петра и Павла. Дай Бог увидеть эти острова!

16:00. Все это время читал книгу «Дон Кихот Ламанчский» Сервантеса. Уже второй раз проглатываю ее за это плавание. Не считая, что и в школе заглядывал в нее. Но больше нечего читать, вот и бегаю по страницам «Дон Кихота».

Когда шла подготовка к плаванию, у меня не было времени подобрать библиотеку, голова была занята другим. Да и где в Австралии мне было набрать книг на русском языке? Когда летел в Сидней, я из суеверия не брал ничего, чтобы не сглазить кругосветку. Мне казалось, что перед самым стартом некая неведомая сила может остановить меня у причала. Сколько раз я собирался обогнуть по воде нашу планету, и все не получалось. То нужно было сдать экзамен на яхтенного капитана, то денег ни копейки не было, а то и просто не пускали, не давали выход в море.

Решил проверить все продукты, посмотреть, не испортились ли. Многие банки проржавели от морской воды, а сейчас еще и от тепла. Продуктов не очень много, к тому же я не укладываюсь в график. Вполне возможно, что впереди меня ждет голод. По идее, мы сейчас должны уже подходить к экватору и числа 5-10 огибать острова Петра и Павла. А я еще только на 30-м градусе южной широты. Так что надо экономить на всем.

17:00. Ветер чуть усилился, скорость яхты 5 узлов. Идет мелкий дождик. Занимаюсь стиркой одежды. Стираю в морской

воде, а потом вешаю на тент, и дождь все опресняет.

Только что помыл голову. Сделал это так: высунул голову из-под тента и сидел, осматривая океан. А тем временем дождь голову мыл. Дождем и ветром меня так вымыло, что, кажется, никогда я так не мылся. Помню, в детстве, когда шел дождь с грозой, мама нас отправляла на улицу. Она говорила, что чем больше мы будем бегать под грозовым дождем, тем лучше волосы будут расти.

Порка

29 января 1991 года
27°04’40” ю.ш., 30°50’60” з.д.

Пошел четвертый месяц плавания. Если все будет хорошо, завтра пересеку Южный тропик. Ночь была неспокойной. Спать хотелось смертельно, но до пяти утра пришлось стоять у руля. Где-то в полночь налетел шквал такой силы, что даже маленькие лоскутки паруса стали большими.

Я уже засыпал, когда почувствовал, как яхта кренится на правый борт больше, чем я допускаю. Не одеваясь выскакиваю на палубу. А там стена дождевой и морской воды. Напор ветра такой, что тяжело дышать. «Караана» почти легла парусами на воду.

Засыпал я со страховочным поясом, в последний момент успел пристегнуться к страховочному концу. Пробежал на бак к мачте отдать стаксель-фал внутреннего штага. Когда сбрасывал с утки фал, ударила молния такой силы, что я присел. Отдал фал-стаксель, начало бить по вантам с грохотом. В таком случае необходимо быстро его успокоить, чтобы он не разлетелся на куски. Шкоты бросает ветром, они бьют по спине, как бичом. Пока спускал стаксель, меня словно кнутами исполосовали. Но я сказал себе: «Это за то, что хотел поспать».

Как только полностью убрал один стаксель, яхта выровнялась и скорость уменьшилась. Я еще не видел, чтобы моя яхта развивала такую скорость. Она как будто получила реактивный заряд. В моей голове пронеслось, что на такой скорости может отлететь перо руля. Ветер через несколько минут упал. Шквал прошел, а шторм так и остался. Скорость ветра была где-то за 60 узлов. После такой встряски уже расхотелось спать, да и «Джону» тяжело удерживать курс. Я его сменил и до рассвета отстоял вахту. Утром настроил «Джона» на управление «Карааной» и уснул крепко и спокойно. Никогда не было так хорошо спать, как сегодня на рассвете.

30 января 1991 года
25°20’ ю.ш., 29°15’ з.д.

09:00. Поставил большой стаксель. Его еще ночью можно было ставить, но я не смог — наверху запутался фал, а в темноте опасно подниматься на мачту.

День должен быть жарким. На палубе роса, но по небу разбросаны перистые облака. И ночью, когда из-за туч показывалась луна, я видел вокруг нее яркий ореол — гало. Это предвестник плохой погоды.

11:00. Я думал, что зайдем в теплые воды, там все высушу, и не будет плесени. Но здесь, в тепле, плесень растет прямо на глазах. За один день покрывает все переборки — не успеваю убирать. Вот сейчас взял стакан чистого спирта, смешал со стаканом пресной воды и протер зеленые пятна плесени. Посмотрю, что будет завтра. А пока продолжу читать Библию.

Когда планировал это плавание, я знал, зачем и для чего должен его совершить. Спортивных рекордов я не ставлю. Первенство ни у кого не забираю, так как этот маршрут не новый, яхтсмены по нему проходили быстрее меня. Кто-то может сказать, что я первый из Советского Союза. Но это только для самоуспокоения. Все лавры принадлежат тому, кто первым в мире в одиночку и без захода в порты обошел вокруг света.

Мои путешествия — это стремление познать чуть-чуть больше того, что узнал я на берегу. Познать не только природу земного шара, но и свою душу. И потом попытаться отобразить это в своих картинах. Многие считают, что я занимаюсь рекламой нашей страны, — это тоже есть. Но служит для первого, о чем я говорил. Никто ведь не станет организовывать экспедиции и не выделит денег для чьего-то самопознания. Вот мне и приходится идти на компромисс.

Однако корреспонденты всегда спрашивают: «Зачем это надо нашей стране?» и «Как тебя жена отпускает?» Глубже они не могут заглянуть. Что в таких случаях делать? Спорить с ними? Нельзя и незачем. И я говорю первое, что придет в голову, может, даже глупость. Человечество так создано, оно хочет, чтобы все были нужны всем и на благо всех. И не дай бог кто-то оторвется. Он становится в глазах общества эгоистом, на него сыплется град порицаний.

Многие забыли, что человечество две тысячи лет стремится к повышению своих духовных познаний. Но на протяжении всего этого времени ему мешает материализм. Люди хотят совершенствовать свои бытовые условия, поменьше работать, а

получать много. Люди забыли, что должны стремиться к человеческому идеалу.

Если кто-то захочет узнать мой мир, пусть смотрит мои картины. Они ему расскажут о многом. Ведь я отдал многие ночи штормам, я мерз на пути к полюсу для того, чтобы именно так провести ту или иную линию на бумаге или холсте. Я не был равнодушен, создавая их. Так и вы будьте внимательны к ним. Не каждому суждено идти к полюсу или плыть вокруг света, но каждый может увидеть то, о чем хотел сказать побывавший там художник.

По проторенной дорожке

1 февраля 1991 года
22°35’ ю.ш., 30°00’ з.д.

Я иду маршрутом уже хоженым. В 1988 году австралиец Джон Сандерс затратил на него 179 суток. В том же году его соотечественница Кэй Котти прошла этот маршрут за 188 дней. Я рассчитываю пройти за 190 дней. Но если дней на десять опоздаю, то это все равно хорошо.

14:30. Жарко, температура плюс 30. Каждый час обливаюсь водой. Черпаю ведром за бортом и выливаю на себя. Но эта прохлада ненадолго. Солнце в туманной дымке печет несильно, но духота стоит неимоверная, исхожу потом.

По небу в несколько слоев идут тучи. Самые высокие — перисто-слоистые. А низко, чуть ли не цепляясь за топ-мачты, плывут слоистые облака. И по горизонту — кучевые. В альбоме я сделал несколько набросков этих облаков. Долго смотрю на небо в надежде увидеть там что-нибудь необычное. И вспомнил лето 1981 года, остров Медный, куда мы пришли на яхте «Чукотка». На этом скалистом острове никто не живет. Только горстка военных сторожит нашу границу. Встретили они нас приветливо. К ним мало кто заходит, и каждый новый человек для них в радость.

Как только мы сошли на берег, тут же по приказу прапорщика солдаты начали топить баню. Солдатская банька небольшая, но жаркая. Парились по очереди. Хлестались вениками из неизвестной для меня травы, но запах, как сейчас помню, с горчинкой. На острове нет ни единого деревца, и даже кустиков. Только голые скалы и болотистая тундра. После бани нас позвал к себе командир заставы на пельмени из мяса куропаток. На острове нет никаких зверей. Только куропатки и лежбище котиков. Птиц так много, что солдаты ловят их руками.

Как ни далеко находится этот остров от цивилизации, но и там человек хочет создать себе уют в своем жилом доме. В комнате сразу чувствуешь себя, как дома, и забываешь, что это место находится на краю света. Стол уже накрыт. Конечно, нет ни салатов, ни фруктов. Мы сразу навалились на пельмени, тем более что никогда в жизни не ели мяса куропаток.

Прежде чем идти в гости, мы с яхты захватили пару бутылок водки. В хорошей компании разговор пошел о всякой ерунде. В те годы так в открытую не говорили о политике, как сейчас. Наш капитан Леонид Константинович Лысенко рассказал о том, что мы изучаем и повторяем на яхте маршрут второй камчатской

экспедиции Витуса Беринга[87]. Слово за слово, и тут командир погранзаставы рассказал, что уже несколько раз на остров прилетала летающая тарелка, и они несколько раз «в ружье» бегали в горы к тем местам, где она садилась. Хотели ее поймать. По рации передали своему командованию о посещении острова летающей тарелкой, но услышали грубый ответ, что вы бы лучше занимались строевой подготовкой и чаще читали политинформацию солдатам, чем ловили мифическую тарелку. Короче, никто не поверил в то, что видели пограничники. Да и мы с недоверием слушали рассказ офицера. Тут же начался спор, после водочки и пельменей такой же горячий, как сама баня.

Уже за полночь мы покинули гостеприимных пограничников и отправились спать на яхту. Она стояла на растяжках недалеко от берега.

Лысенко велел мне оставаться на берегу, пока они не поставят грот и стаксель. Ночь была светлая, в полный диск над нами висела луна. Я сидел на берегу и ждал команды, когда мне отдавать конец от полузарытого в песок бревна. Как только я отдам конец, яхта сразу пойдет на выход из бухты. Мне, не теряя ни секунды, надо будет прыгнуть в надувную лодку, не выпуская из рук веревку. И парни подтянут меня к борту «Чукотки».

Все это я проиграл в голове. И вдруг на меня нашел какой-то животный страх. Я боялся — сам не знаю чего. Сидел на берегу и успокаивал себя тем, что на море светло, тихо, со мной ничего не случится. Я доберусь до яхты.

Наконец услышал свист — сигнал с нашего парусника. Без заминки и суеты я сделал все, как было сказано. Парни быстро подтащили меня к «Чукотке». Вахта заступила на свои места. И вдруг Коля Остапенко закричал: «Комета, комета!»

Мы обернулись. За кормой нас бесшумно догонял большой огненный шар. Скорость огромная, идет низко над водой. В считаные секунды поравнялся с нами по правому борту и сбавил скорость. Идет вровень с «Чукоткой». Но только яхта по воде, а шар по воздуху. Определить расстояние до него было сложно. Определить размеры шара мы тоже не могли. Не с чем было сравнить, потому что за шаром были только небо и океан.

Я нагнулся в люк каюты и крикнул капитану: «Идите быстро на палубу, смотрите комету». Леонид Константинович лежал в спальном мешке. Пока он вылез из него, а потом на палубу, комета шла некоторое время рядом с нами, а потом резко на девяносто градусов ушла вправо с такой скоростью, что только пятнышко светящееся было видно в течение нескольких секунд.

После этого мы сидели, долго гадали и вспоминали рассказ командира заставы о летающих тарелках над островом.

4 февраля 1991 года

15°55’ ю.ш., 25°00’ з.д.

10:00. Идет черная грозовая туча. Столько дней не было дождя! Все, что испарялось с поверхности океана, где-то собиралось и сейчас обрушится на нашу голову. Туча идет так низко, что, кажется, зацепится за мачту «Карааны». Молнии, как стрелы, одна за другой летят в воду. Дай Бог, чтобы они не избрали нас своей целью.

Сегодняшняя ночь прошла спокойно. Просыпался только для того, чтобы откачать воду. Снились хорошие сны. То я летал над землей, над нашими кручами на Азовском море. И так высоко, что аж дыхание захватывало. Внизу видел всю нашу деревню. Странно, я никогда не видел ее с высоты птичьего полета. А во сне поднялся и разглядел все до мельчайших подробностей, в том числе наш дом и акацию у дома.

Дедушка говорил, что когда после семнадцатого года они переехали сюда, то акация уже росла, и была такой же здоровенной. Ни одного дерева не было рядом выше нашей акации. На ней же больше всего цвета — «кашки». Мы, пацаны, любили есть ее, она была сладкой. Но ее осторожно надо было рвать — там множество острых колючек. И над каждым деревом кружились рои пчел. А какой мед с акации! Белый, с великолепным ароматом. Сколько меда я перепробовал в разных городах и странах, но не было вкуснее нашего домашнего меда — с нашей акации. Я помню его и сейчас.

Однажды я не усмотрел пчелу и вместе с «кашкой» проглотил. Она ужалила меня в горло. Сколько было крика! А случилось это так. На всех деревьях уже мало осталось цвета — мы его оборвали, да и сам он опал. Осталась «кашка» только на вершине нашей акации, но туда не каждый пацан мог долезть. Только я да Мишка Кислых. Если захотим, то сбросим вниз несколько гроздей этого цвета, чтобы друзья наши тоже ели. Они стоят под деревом и клянчат. Мы тут, конечно, герои. Хотим — дадим, не хотим — обойдутся.

Так вот, на вершине акации я двумя руками рвал «кашку» и запихивал в рот. А она сладкая, настоялась на солнце! И не заметил, как съел пчелу. С криком, не чувствуя, что колючки впиваются в руки и ноги, я кубарем скатился вниз и бегом к колодцу. Припал к ведру, как корова, и пил до тех пор, пока вода не заполнила меня всего. Даже через нос пошла. Оторвался от ведра, оглянулся, а вокруг напуганные пацаны стоят. Они не знали, что со мной произошло, а только видели, как я в секунду

скатился с дерева и выпил почти полведра воды.

Когда я рассказал, все начали смеяться. А Шурка Рыбальченко — он был богомольным — сказал: «Тебя, Капитан (это была моя детская кличка), Бог наказал за то, что не сбрасывал нам “кашку”».

Оно и верно. Вот Мишка сбрасывал им эту самую «кашку», и Бог его миловал.

Долго еще болело у меня в груди. И долго еще я смотрел на дерево и удивлялся, как смог так быстро спуститься с такой высоты. С нее видать даже «могилу» — курган в двух километрах от деревни.

«Археологи»

4 февраля 1991 года

Мы жили на земле, на которой раньше обитали скифы. После них по всей степи остались высокие курганы — их захоронения. Мы любили ходить на эти могилы. Там жило множество сусликов. Вокруг курганов все поля вспаханы, а холмы никто не трогал. Боялись, что трактор может провалиться. На курганах росла многолетняя трава, на ней мы пасли коров. И пока они ходили, жевали траву, мы играли в ножичек.

Как-то раз во время игры увидели возле свежей норы суслика. Вместе с землей он выбросил из норы небольшую бронзовую ложечку. Она досталась мне, как капитану. И тогда мы решили стать археологами, раскопать и посмотреть, что же там, в могильниках, есть. Наши, деревенские, боялись этой самой ближней могилы. Ночью никто не осмеливался подходить к ней — про нее рассказывали всякие страшные истории. Мы тоже боялись, значит, раскопки надо вести только днем. Чтобы никто не догадался, чем мы занимаемся, решили каждый день пасти коров на кургане. И каждый день, тайком от всех, раскапывали могилу древних скифов. Любопытство побеждало страх. На этом кургане мы были первыми «археологами», а вернее — могильными ворами. Но мы, дети, тогда этого не осознавали.

Наконец наткнулись на истлевшее дерево — на гроб. Возле него нашли ржавые, но хорошо сохранившиеся кузнечные инструменты: кувалду, молотки, щипцы, конские подковы. Изучая все это, мы разочарованно поглядывали друг на друга. Мы-то надеялись найти клад и уже планировали, на что потратим драгоценности. Было единогласно решено купить морскую шхуну, а то и судно, какое было в нашем рыболовецком колхозе. И отправиться в дальние страны, обязательно в Индию и Африку.

Все мы бредили путешествиями и приключениями. Меня заранее назначили капитаном. Боцманом у меня, как самый сильный и смелый, был Мишка Кислых. Остальных мы брали матросами.

Где вы сейчас, мои матросы? Толька Комиссаров погиб в армии, Шурка Рыбальченко умер. Об остальных я не знаю ничего — как живут, чем занимаются?

Как же мы были разочарованы, что наткнулись не на золото и серебро, а на обыкновенные, никому не нужные железяки! Таких у нашего колхозного кузнеца, Васьки Байбая, полно в кузне и во дворе дома валяется.

Что нам оставалось делать? Решили точно разузнать про эту могилу у колхозного сторожа, деда Ларьки. Он старый, наверное, больше всех знает про нее. У нас в деревне, что бы ни случилось, все идут к древнему сторожу за советом.

Я, Мишка и Колька пошли на бахчу к деду Ларьке, а остальные остались пасти коров. Яму прикрыли, замаскировали ветками и травой.

На бахче дед спал в своем соломенном курене. Не вылезая из своего укрытия, он сказал нам, чтобы мы выбрали самые спелые дыни и арбузы. Он был добрым, этот древний дед, и никогда не гонял нас, когда мы воровали дыни и арбузы. Он знал, что мы все равно стащим.

Каково же было изумление деда, когда он узнал, что мы пришли не за арбузами и дынями. С кряхтением и стоном он вылез из куреня. Ворча на свои старые годы, сам достал из-под соломы полосатый тяжелый кавун. Только дотронулся до него ножом, он с хрустом разломился на две части: спелый-спелый, засахарившийся, все семечки черные. Каждому дал по скибке арбуза и стал расспрашивать, чьи мы будем, кто наши родители.

Когда я сказал, что я сын Филиппа Конюхова по кличке Кочеток — а в нашей деревне больше называли друг друга по кличкам, — он сразу вспомнил моего отца. Тот был еще пацаном, когда дед Ларька уже стерег бахчу и поймал его, когда тот воровал арбузы. Начал выспрашивать фамилию, отец быстро нашелся и назвался Непытаем. И потом его еще долго дразнили этим именем.

Такие же примерно случаи вспомнил дед про Колькиных и Мишкиных родителей.

Мы начали понемногу переключать дедову память с наших родителей на то, что он знает об этой могиле. Он сказал, что однажды, еще при царе, прошел здесь цыганский табор. В нем умер кузнец, и его похоронили на этом самом кургане. Мы поняли, что нашли могилу кузнеца и его вещи.

4 февраля 1991 года

У деда глаза горели при воспоминании о кургане. Оказывается, в молодости и он хотел раскопать его. Работал по ночам с приятелями — втроем. Утром уходили домой, а вечером приходили снова. Но каждый раз яма, которую выкапывали за ночь, была засыпана. Так и не смогли они узнать тайну кургана.

Но нам дед подсказал, что копать надо не сверху, а сбоку — тоннелем. Скифы хоронили своих царей не в ямах, а насыпали шлемами землю на тело, и получался высокий курган.

Мы решили засыпать все, что выкопали, и начали по совету деда Ларьки копать тоннель. Так было интересней и легче. Не надо было землю поднимать наверх. Мы ее просто выгребали, как суслики из норы.

Через несколько дней мы наткнулись на то, что искали: лопата ударилась о металл. Мы нашли большое золотое блюдо, золотые кольца, небольшой золотой кувшин. Все эти вещи припрятали в колхозном винограднике. Еще покопали немного, но больше ничего не нашли. Да и желание пропало рыться глубже. Все только и говорили о том, как и куда денем золото.

Решили, что надо посоветоваться с кем-то из взрослых, чтобы он все это продал, а нам бы дал деньги на покупку шхуны. Всех из нашей деревни перебрали, но никто не подходил на роль продавца: этот пьяница — нельзя доверять, тот болтун — всем расскажет, тот трус, и так далее. И тут вспомнили, что недавно в деревне объявился мужик лет сорока — после тюрьмы приехал к нашей вдове тете Клаве и жил с ней. Он был такой бойкий, знал много песен про тюрьму и воров. Мы часто слушали его, когда по вечерам он сидел на лавочке возле ворот и играл на гитаре. Нам нравилось слушать песни про Магадан. Тогда не редкость была, что кто-то сидел в тюрьме, такие были и на нашей улице. Но никто не пел песен и не разговаривал по-дружески с пацанами, как этот дядя Гриша.

Вот мы и решили все рассказать и показать ему. Но дядя Гриша не только не помог купить шхуну, его и самого след простыл, как только мы принесли ему «посуду». Он только спросил: «Все принесли?» Мы ответили, что все. «Хорошо, ребята, — сказал он, — только никому не говорите и ждите. Я все это продам и куплю вам хороший корабль, на котором вы доплывете не только до Африки, но и до Америки».

С тех пор дяди Гриши и след простыл. Тетя Клава так и осталась вдовой. А мы ждали, ждали, но так и не добрались ни до Африки, ни до Америки.

В детстве я часто думал об Африке. Но не знал, что существуют острова, самые удаленные в мире, возле которых я буду проплывать. Остров Буве, раньше известный под названием Ливерпульского, был открыт в южной Атлантике Буве де Лозье[88] 1 января 1739 года. Впервые на него высадился капитан Джордж Норрис 16 декабря 1825 года. Эта необитаемая часть суши, принадлежащая Норвегии, находится в 1700 км от ближайшей земли — необитаемого побережья земли Королевы мод в восточной Антарктике. Мой курс пройдет севернее его. А вот возле острова Тристан-да-Кунья я пройду рядышком. Он считается самым удаленным обитаемым островом. Открыт в южной части Атлантического океана португальским адмиралом Тристаном да Кунья в марте 1506 года. Остров занимает площадь 98 квадратных километров, треть из них заселена. Первым постоянным обитателем острова стал Томас Кюри, высадившийся на него в 1810 году. Остров был аннексирован Великобританией 14 августа 1816 года.

После эвакуации, вызванной активной деятельностью вулкана в 1961 году, в ноябре 1963 года на остров возвратились 198 жителей. Самый близлежащий из обитаемых островов — остров святой Елены, расположенный в 2120 километрах к северо-востоку. Самый близкий континент, Африка, находится в 2735 километрах.

Восемь выстрелов

5 февраля 1991 года

11:20. Только разложил все рисовальные принадлежности у мачты, как слева по борту увидел темную тучу с длинным хвостом — он соединял тучу с океаном. Туча шла прямо на нас. Я понял, что это смерч. От него яхте уйти очень сложно, да и неизвестно, куда он повернет. Туча передвигается ровно, а смерч ходит зигзагами то влево, то вправо, но приближается быстро.

Убрал паруса. В голове проносилось все, что я знал о смерчах. В детстве нам говорили: если увидите смерч, то в него надо бросить нож — там черти бесятся. И мы с пацанами бегали за смерчем, бросали ножи, а потом смотрели, нет ли на них чертовой крови.

На парусных судах смерчи расстреливали из пушек. Вот и я спрыгнул в каюту, выхватил ружье из чехла и быстро начал впихивать в магазин патроны. Успел вложить восемь штук с картечью. А вокруг яхты уже вода вспенилась, стало темно от тучи. Поднялся шум со свистом, как будто воду засасывает насос.

Но сам смерч небольшой.

Я в кокпите встал, спиной уперся в правый бакштаг и начал ждать, как охотник ждет хищного зверя. Смерч, будто живое существо, почувствовал, что его ждут. И то ускорится, то снова приостановится, но продолжает зигзагами приближаться к яхте. «Караана» начала нервно болтаться с борта на борт и разворачиваться к нему носом. Мне неудобно стало стрелять из кокпита. Я побежал на нос, даже не пристегнувшись страховочным ремнем, и сделал восемь выстрелов в горловину смерча. Расстояние между нами было метров пятьдесят, не больше. И тут на глазах его как будто кто перерезал ножом. Нижняя часть упала в воду, а верхняя поднялась к тучам. Конечно это мои выстрелы перешибли его поток. И сразу пошел крупный дождь. Но лил недолго, а туча продолжила свой путь, но смерча уже не было.

Смерч меня испытывал еще в детстве. У нас, на Азовском море, смерчи часто проносились по сухой, ровной степи. Я как увижу столб пыли, закусив удила (так мама говорила) подбегал к вертящемуся столбу пыли и бросал ножик. И вот однажды не рассчитал его путь и попал в него. А вихрь был очень сильный — нес с собой пыль, мелкие камешки, ветки деревьев, разный хлам, что попадался на его дороге. Попал и я в его жерло. Меня крутануло, а больше я ничего не помнил. Все это видел мой старший брат Виктор. Криком, что «Федька улетел на небо», он поднял переполох и у нас в доме, и у соседей.

Ни на какое небо я не улетел. Когда вихрь ушел, я лежал без сознания, с забитым пылью ртом и носом. Как потом мне рассказывали, все думали, что я умер, и плакали. Но обошлось все хорошо. По словам бабушки, «благодаря Господу и тому, что внучок носит хрестик (букву «к» она не выговаривала), черти не взяли его с собой». Соседи моим родителям говорили: «Ваш Федька своей смертью не умрет, если бросается чертям в лапы». А пацаны все спрашивали, не видел ли я этих самых чертей внутри смерча.

«Масленица»

7 февраля 1991 года
09°07’ ю.ш., 25°35’ з.д.

08:00. У меня радость: включил радиостанцию, несколько раз сделал вызов на канале 21–81, и сразу же кто-то отозвался на английском языке. Тут я пустил в ход весь свой скудный запас английских слов. Сообщил, кто я и куда иду, попросил, чтобы

информацию обо мне передали в Сидней. В тот момент я не знал свои точные координаты, да и цифр по-английски не знал. Как плохо, что не знаю английского! Но все же надеюсь, что сообщение обо мне будет передано в Австралию. И тогда люди узнают, что я жив. Больше всего переживаю, что мои родные не знают, где я и жив ли вообще.

12:00. В тропических широтах погода очень изменчивая. Смотришь — небо чистое, океан спокоен. А через час, а то и меньше из ниоткуда появляются тучи. И проносится над тобой то шквал ветра, то дождь с грозой.

С утра казалось, что день будет спокойный и солнечный. Но появились дождевые тучи, и сейчас раскаты грома сотрясают океан до самого дна. Непрестанно сверкает молния, солнце закрыла темная туча, стало темно и уныло.

О громе и молнии мне рассказывали эскимосы, когда я бывал на Чукотке. В старые времена жили брат и сестра. Были они сиротами, и их никто не принимал в свою ярангу. Однажды сестра нашла кремень, а брат — высохшую оленью шкуру. И крикнули друг другу: «Кем им быть?» Сестра высекла искры из своего кремня и стала молнией. А брат барабанил по сухой шкуре и стал громом. И тогда впервые сверкнула молния, и загремел гром над стойбищем людей, которые обижали их.

14:00. Занимался «масленицей». Это праздник в конце февраля, а у меня сегодня: смазываю все, что ржавеет. У экватора ржавчина очень быстро съедает металл. Продукты портятся моментально, все покрывается плесенью. Только успевай протирать, смазывать, чистить, а то и выбрасывать за борт то, что вконец изоржавело. Но главное, чтобы моя душа не заплесневела, а все остальное поправимо.

Гладь океана уводит мои мысли далеко-далеко. Вспомнились годы детства и юности. В пятнадцать лет я задумал и осуществил свое одиночное плавание на весельной лодке через Азовское море. В те годы оно казалось мне огромным. И пересекал я его в маленькой лодке с протекающими бортами.

Именно тогда я задумал путешествие через океаны. Только мне казалось, что мечты сбудутся быстрее. А вышло не так, — на это ушло 25 лет подготовки, тренировок, учебы. И, самое главное, пробивания разрешения на выход в океан.

С парусами много хлопот

8 февраля 1991 года
07°35’ ю.ш., 25°40’ з.д.

09:00. Поставил геную. В тропиках ветер по силе отличается от того, что дует в сороковых и пятидесятых широтах. Холодный ветер сильнее тянет, и при такой же скорости парусность меньше. За мысом Горн при 20 узлах ветра я нес штормовые паруса, а здесь иду под полными.

12:30. Заменил геную на большой стаксель. Скорость не упала, держится 7–8 узлов. Чувствуется, что скоро и стаксель убирать придется — ветер крепчает. Проклинаю конструкторов, придумавших штаг-пирс и закрутку. Пока поставишь парус — весь в мыле. Изведешься и физически, и морально. То ликтрос зажимает, то закрутка не крутится. Одному очень сложно с ней работать, особенно в свежий ветер. Закрутка хороша для семейных плаваний, когда человеку лень идти на нос работать. Потянул веревочку — и стаксель стоит. Потянул другую — стаксель убран. Все это для тихой погоды, когда нет волны.

Адмирал Канарис[89]

8 февраля 1991 года

16:30. Вспоминаю, как после окончания мореходки нас всех — восемь человек из одного выпуска — направили в Калининград, на спасательное судно «Стойкий». Все «старики» уходили на другие суда, на которых спокойней. А на спасателе нет ни выходных, ни штормовых. Когда все стоят в порту из-за шторма, нас, наоборот, выгоняли в море. То у какого-то судна возникли какие-то проблемы, то кого-то надо провести узким фарватером. И так все время.

Наш однокашник Боря Яковлев был хорошим парнем, но имел комплекс: слишком ухаживал за волосами. Покупал различные шампуни, мазал всякими маслами. Всегда волосы у него были чисто вымыты, причесаны. А мы, чтобы рассердить Бориса, гладили его по голове, приговаривая: «Не волнуйся, все будет хорошо». А Борис кричал, чтобы не смели дотрагиваться до его прически. И это всех нас забавляло.

Однажды мы договорились, что кто увидит Бориса, должен его спросить: «Боря, что с тобой, у тебя что-то лицо стало больше?»

Утром заходит Борис в столовую, а повар спрашивает: «Что у тебя с лицом?» Боря пожимает плечами и отвечает, что все у него нормально. После столовой в курилке его опять о том же спрашивают. В машинном отделении вопрос повторился. Друг наш начал смотреться в зеркало и притих. Он-то видит, что лицо его каким было, таким и осталось, но все говорят иное. Вышел он

на палубу, а с соседних судов опять тот же вопрос. И так целый день.

Вечером мы кто на танцы, кто в кино. Пока Борис работал в машинном отделении, я заскочил в его каюту, взял шапку и крепко, нитка в нитку, ушил ее. Перед уходом в город каждый моется, бреется, гладит свои брюки-клеш. То же делает и Борис. Причесался, и тут наступил пик того, что за день ему внушили. Надевает он свою шапку, а она не лезет на голову. Тут он и сам поверил, что голова у него увеличилась. Растерялся Боря, побледнел. А мы — в хохот. Сейчас вспоминаю и думаю, какие мы были жестокие.

Или вот еще мой грех перед другим товарищем — Володей. В мореходке мы в одной роте были. Он маленького роста, но такой прилежный и любил командовать.

Как-то раз в каптерке у старшины я увидел адмиральские погоны и украл их. А ночью пришил к Володиной фланелевой форменке. Мы, все 72 человека, спали в одной казарме. Утром, после команды «подъем», должны были за 40 секунд одеться и встать в строй. С койки прыгаешь в ботинки, с ними пролезаешь через широченные матросские штаны и уже по ходу натягиваешь форменку. Тут уж некогда смотреть, что у тебя на погонах.

Так что в то утро Володя встал в строй с погонами адмирала. Главстаршина Коля подходит к нему, глаза вылупил от удивления и кричит: «Что это за адмирал Канарис?!» Хвать Володю за погоны, хочет оторвать, но не тут-то было — я их пришил двойной ниткой десятого номера. Вся рота ржет, за животы держится. Наконец погоны сорваны, все утихли. Узнали, что это моя проделка, дали мне три наряда вне очереди. А Володю до конца учебы звали «адмиралом Канарисом».

Сын Нептуна

12 февраля 1991 года
01°58’ с.ш., 23°50’ з.д.

Ночью прошли экватор, теперь по старинному обычаю имею право называться «сыном Нептуна». Сколько я этого ждал, а вышло не так, как мечтал. Думал, что будет тихо, солнечно, днем. Но идут шквалы один за другим. Шторм, скорость ветра 30 узлов.

Не дает мне погода увидеть острова святых апостолов Петра и Павла, они остались слева, и ветер не дает идти в их сторону. И мыс Горн из-за шторма я не увидел.

14:40. Не так я думал встречать Нептуна на экваторе. Я даже немного вина оставил, но сейчас не до выпивки. Хорошо сварить

хотя бы суп. Я устал, сейчас бы поесть и лечь спать. Но отдыхать нельзя, ветер не утихает. Большая волна сбивает с курса.

Хандра

13 февраля 1991 года
01°07’ с.ш., 22°23’ з.д.

Настроение плохое, никогда так не чувствовал себя. Шторм немного стих. Скорость ветра упала с 50 до 30 узлов. Но большая зыбь держится. Сменил галс, лег на курс снова к экватору.

Что-то на меня напала хандра. Ничего не хочется делать. Нет никакой радости от того, что прошел экватор. Дней через 80–90 буду в Австралии. Но это я так планирую, а как Бог распорядится, неизвестно.

Ищу причины своей хандры. Наверное, просто устал. Не только физически, но и морально. Слишком этот год тяжелый, почти без отдыха. Его у меня уже несколько лет не было. В 1988 году — поход через Ледовитый океан. В 89-м — автономный поход к Северному полюсу. Летом того же года — велопробег через всю страну. Подготовка и одиночный поход к Северному полюсу. Он завершился в мае 1990 года. И сразу одиночное плавание вокруг света. Такие экспедиции не только меня, но и супермена измотали бы.

00:30. Что-то творится неладное. Стоят паруса, а яхта не идет, словно ее кто-то держит. Ночь темная, только вода светится. Я добавил парусности. Скорость ветра 25–30 узлов. Яхта на месте, показывает 1 узел. Не могу понять, что случилось, что за район. Кто держит «Караану»? Здесь течение такое сильное, что паруса еле-еле его усиливают.

10:30. Как я устал! Меня эта ночь доконала. Ветер дует порывами от 20 до 40 узлов. Большая хаотическая зыбь бьет с разных сторон. Небо затянуто тучами, нет даже намека на то, что погода улучшится.

14:30. Стоит один зарифленный грот. Слов нет, чтобы выразить возмущение погодой, которая меня сейчас треплет. Лежу и слушаю музыку. Звучит песня «Не сыпь мне соль на раны». Эта песня сопровождала нас по всему пути летом 1989 года, когда мы с американцами ехали из Находки до Ленинграда. Тогда она звучала в каждом городе, в ресторанах, на наших магнитофонах. Прошло уже полтора года, а слушая эту песню, я вспоминаю весь наш маршрут, те места, где нам было тяжело. Как нас кусали комары, как мы преодолевали перевалы. Но сейчас вспоминаю велопутешествие с таким восхищением! Думаю, если бы

представился случай, я ушел бы в точно такой же маршрут.

16:30. Ветер — невидимый океанский монах — высасывает все физические и умственные силы. Не хочется ни читать, ни слушать музыку. Болтанка не позволяет заняться каким-нибудь делом. Лежу на палубе между столом и правой койкой в каком-то забытьи и думаю о том, как я вернусь в Австралию. Почему-то у меня такое чувство, что я к ночи подойду к Сиднейскому заливу и ночью буду заходить в бухту. Я знаю все огни и фарватер залива и самой бухты. К тому же у меня есть карта с обозначениями всех опасных мест. Пройду остров, на котором стоит крепость и построен форт — защита от русских кораблей. В конце прошлого века англичане боялись, что русские корабли зайдут в Сидней и захватят его, быстро построили крепость на острове. Он стоит как раз на входе в бухту. Пройду мимо него — он останется с правого борта. А с левого на полуострове будет видно красивое оригинальное здание опера-хаус. Потом измученная моя яхта пройдет под изумрудным мостом и долго будет следовать к бетонному мосту. А там сразу же за ним яхт-клуб «Бриг Марина». Это частная стоянка. Ее владелец — австралиец Филипп. Подойду и встану на рейде. Конечно, там места мало, и все якорные стоянки заняты. В Австралии каждый третий житель имеет яхту или катер. Но я найду место и брошу свой якорь. Встану до утра, а утром, думаю, Филипп найдет мне стоянку. Спущу свою лодку и отправлюсь на берег. Если будет поздно, то я не стану будить Филиппа в его доме прямо на берегу яхт-клуба. Но позвоню моему другу Азику из телефона-автомата на причале. Ему в любое время можно звонить. Я знаю, что, услышав мой голос, он тут же приедет. Как было бы хорошо, если бы это поскорее произошло. Но до этого еще очень далеко, еще много будет штормов и разных невзгод.

18:30. Я ощущаю тоску одиночества и тысячи пустынных миль вокруг. Включил радиостанцию, прошел по всем каналам — везде тишина.

19:30. Кажется, я влип в этот шторм надолго. На закате небо чуть прояснилось, и я тешил себя надеждой, что солнце утонет в чистом океане. Но нет, тучи затянули солнце. Значит, шторм не стихнет, снова ночь будет сложной. Хочется обругать все: ветер, солнце, океан. Меня еще никогда так не трепало волнами.

08:00. Волна накрыла «Караану» с кормы. Удар был очень сильный, печка вылетела из своего гнезда. Весь кокпит залило водой. Эта конструкция яхты не продумана для таких волн, сам кокпит очень большой и всего два сливных отверстия. Вода не успевает выливаться.

11:00. Шторм не прекращается, шквалы идут один за другим

с ливнями и грозами. Молнии без остановки мечут свои стрелы, и они гаснут, утопая в океане. Хочу быстрее выйти из тропиков, там будут шторма с ураганами, но не будет шквалов и гроз. Одно знаю, что самое лучшее — не ходить в плавание.

20:00. Волнующий момент — солнце улыбнулось горизонту. Куда оно сядет? Если в тучи — ночью будет сплошная буча. Я думаю, какие паруса ставить, а какие убирать.

Солнце, непонятно как, ушло освещать другое небо. Тучи над горизонтом закрыли его, а перед самой водой появилась чистая полоска. Солнце сейчас еще греет бразильцев, Южную Африку. А негров в Африке и всех их крокодилов, жирафов и бегемотов заставило спать.

Горе-рыбак

23 февраля 1991 года
16°30’ ю.ш., 13°50’ з.д.

07:30. Полный штиль. Когда нет ветра, «Джон» не может держать «Караану» на курсе и она вертится как вошь на гребешке. Я на ночь вытравил за борт большой крючок на капроновом фале — на тунца. Яхта несколько раз прошла по кругу и намотала на перо руля и винт этот фал. Пытался его вытащить, но он не поддается. Придется нырять за борт и обрезать его. Маска для подводного плавания у меня есть. Главное, чтобы не было поблизости акул.

09:10. Работа сделана. Колени еще трясутся, но не от холода — здесь вода теплая, — а от напряжения. Пока обрезал фал, все поглядывал по сторонам, не выплывет ли из глубины акула. Старался не думать, что подо мной 3,5 тысячи метров глубины. Если думать об этом, то разум не выдержит. Прежде чем спуститься за борт, я добавил к своему страховочному поясу длинный капроновый линь. Рассчитал так, чтобы мне хватило поднырнуть под самое днище яхты.

Сейчас все сделано, «Караана» освобождена от пут. Но я пока не ставлю паруса — решил выпить кофе, отвлечься, отдохнуть. Потом поставлю паруса — и на мыс Доброй Надежды. Домой!

17:00. Занялся уборкой каюты. Меня доконала плесень. Протирал ее спиртом и думал, что было бы, если бы меня сейчас видели наши мужики. Они бы меня убили. У меня спирта много, я брал с запасом, чтобы готовить пищу. Но готовлю мало, да и много ли мне надо, чтобы жизнь теплилась. Утром — кофе с сухарями, в обед — немного каши, а вечером просто могу попить воды теплой с сахаром — вот и весь мой рацион.

Лето кончается

26 февраля 1991 года

15:00. Прошел Южный тропик (23 градус ю.ш.). Теперь с каждым днем будет все прохладней и прохладней. Я уже соскучился по холоду. Хотя не особенно и жгло меня тропическое солнце. В центре океана оно не очень жаркое. Да и частые дожди и ветра приносили прохладу. Кончается лето южного полушария, и наступает осень. Нам с «Карааной» осталось пройти самый сложный океан — Индийский.

Дельфины прогнали хандру

27 февраля 1991 года

Скучаю по Оскару. Когда ставлю или убираю паруса, все представляю, что рядом он, мой сын, и я его учу, как цеплять карабины, как держать курс. И вообще все, что я испытываю или вижу, хочу, чтобы и Оскар это увидел и познал. Я все мечтал, что будет у меня сын, и мы с ним не будем расставаться. Что все будем делать вместе, что наши увлечения совпадут. Но жизнь идет: сын уже большой, скоро пойдет своей дорогой. А я с ним так мало был и мало о чем говорил и еще меньше что-нибудь делал. Придется ждать внуков, может быть, они будут ближе ко мне.

14:15. Стою у печки, готовлю на обед суп из вермишели. В открытый люк каюты виден океан. Смотрю — на волнах что-то догоняет нас. Вышел на палубу, а вокруг «Карааны» дельфины водят хоровод — штук сто, а может, и больше. У меня сразу прошла хандра. Что-то в последние дни стал понемногу сдавать: не хочется ничего делать. Раньше доставляло удовольствие просто смотреть на океан и на небо. В тучах я узнавал знакомые города или улицы, а то и людей, разговаривал с ними. Всегда ждал, когда будет заходить солнце. А сейчас все наскучило. Лежу в своей постели, даже читать не могу. А эти дельфины принесли мне жизнь. Они такие резвые и жизнерадостные, что мне стало стыдно перед ними за свою хандру.

Долго стоял в кокпите и любовался, как они возле самого борта выпрыгивают и стараются заглянуть в яхту. Они двух видов: одни серые, пепельного цвета, а другие черные. Черные чуть больше серых и чаще выпрыгивают из воды. Посмотрел на их скорость и решил добавить парусов «Караане». Поставил грот, хотя в такую погоду раньше не ставил его. А сейчас рискнул: уж больно хочется идти быстрее.

Жизнь может оборваться так легко

28 февраля 1991 года
26°30’ ю.ш., 09°38’ з.д.

00:35. По погоде чувствуется, что наступил последний день лета в южном полушарии. Небо чистое, луна ярко освещает океан. Ветер умеренный, скорость яхты хорошая. Вышел на палубу и долго стоял, любовался океаном. Поймал себя на мысли, что привык к этому миру. И не страшно даже от того, что под «Карааной» неизмеримая бездна, и мы так далеко от людей. Господи! Как далеко Ты нам позволил зайти. Слава Тебе во веки веков!

19:00. Пишу эти строки и благодарю Бога, что остался жив. Как легко может оборваться жизнь! Несколько минут назад я цеплялся руками за скользкий и такой высокий борт моей «Карааны». И никто не мог мне помочь выбраться на него.

Когда менял стаксель на штормовой кливер, сначала настроил яхту на курс и пополз к носовому штагу, чтобы выполнить эту операцию. Стаксель сменил быстро и только приподнялся, чтобы дотянуться до утки на мачте для закрепления фала, как волна резко ударила в борт. Меня качнуло назад, я не успел схватиться за ванты, а леерные ограждения подставили подножку. Я очутился за бортом. Даже не успел крикнуть и испугаться, как резкий рывок страховочного пояса сдавил мне грудь, а волна от форштевня яхты накрыла с головой. Скорость «Карааны» была где-то узлов 5–6, а авторулевой, как назло, ровно держал ее на курсе.

О чем я думал, когда тащился на страховочном конце вдоль борта? Помню только, что все время старался дотянуться рукой до фальшборта, чтобы выбраться на палубу. И еще помню, что подумал: если не смогу выбраться, то моя дочка Таня будет плакать. А этого я больше всего не хочу. Бог и на этот раз был милостив ко мне, грешному. Он помог мне уцепиться за борт, потом за ванты и выбраться на палубу.

На корыте — в Африку

1 марта 1991 года

Как я о ней грезил в детстве! Сколько было снов или придуманных рассказов о ее лесах, пустынях, встречах со львами, гориллами, крокодилами… Черный континент казался мне полным романтики и приключений. Сколько книг в нашей школьной и сельской библиотеке было о нем прочитано. И вот

сейчас моя яхта проходит у берегов Африки, а мне хочется поскорее миновать ее. Не то чтобы я ее разлюбил. Я просто знаю, что возле нее меня будет трепать шторм. От берегов Африки идет теплый воздух, а с океана, в основном из Антарктиды, — холодный. И тут они встречаются. Что при этом происходит, описывать бесполезно — это надо видеть.

И еще я вспомнил, как в детстве плавал на корыте и всем говорил, что плыву в Африку.

Возле колхозной мельницы была большая яма с водой, скорее даже маленькое озеро глубиной в метр или чуть больше. На нем даже были островки. По краям рос камыш. Я в этом камыше прятал свой корабль, которому дал название «Варяг». Когда на нем выходил в плавание, пел песню «Врагу не сдается наш гордый “Варяг”, пощады никто не желает». Этим «Варягом» было корыто, в котором мешали корм для коров. Я это корыто украл, приволок в камыши и спрятал. Сделал мачту, на ней повесил флаг. Вместо весел была длинная палка — я отталкивался ею от дна моего моря. И все время пропадал на этом болоте. Плавал на острова и представлял, что там живут дикари. Думал, как я остался бы с ними жить, стал бы их вождем.

Мой корабль никто не мог захватить. Я его на ночь оставлял в самом центре, на небольшом островке. Туда пацаны боялись ходить — дно было вязкое, плавали лягушки. Говорили даже, что есть змеи. Я их не видел, да и не боялся. Сам себя храбрил тем, что в Африке и с удавами придется повстречаться.

Но однажды я потерпел поражение. Мой район плавания был в сторону фермы. В сторону жилых домов я не решался заплывать. Там чужие пацаны бросали в меня камни и дразнили. У меня было оружие — рогатка, но мой обстрел не причинял им особого вреда. Зато они бомбили меня большими булыганами.

Вода подходила к самому огороду Васьки Сываценко. Его гуси все время жили на берегу, там их и кормили. В камышах они откладывали яйца. Я умудрялся пробираться сквозь камыши и воровать их. В один прекрасный день, ставший для меня несчастным, я решил напасть на стаю гусей, представляя, что это вражеские корабли. Врезался на своем корыте в самую середину стаи из трех десятков птиц. Я предвкушал победу, представлял, как они с криком бросятся наутек. Но силы оказались неравны. Как только я ворвался в стаю, гуси стали бить меня крыльями, щипать. Их было так много, что, если бы не их хозяин, Васька Сываценко, они бы меня до смерти забили. Мне тогда было лет семь.

Хозяин разогнал гусей, отобрал у меня корабль и отвел меня домой, а моей маме сказал, чтобы она меня не пускала на болото,

что больше он меня спасать не станет. Так я расстался со своим морем. Больше всего мне было жаль мой корабль «Варяг». Особенно когда я проходил мимо Васькиного дома и видел, как из моего корабля едят эти твари. Мне больше всего было обидно, что его превратили в кормушку для гусей.

08:00. Ветер норд-ост, скорость 30 узлов. Скорость яхты 6 узлов. Стоят два стакселя, грот еще нельзя ставить — идет большая зыбь. Небо все затянуто тучами.

09:30. Наблюдал интересную картину: две разбойницы-чайки гоняли буревестника и клевали его в голову. В клюве у него была небольшая рыбка. Они издевались над ним до тех пор, пока он не выпустил свою добычу. Тогда одна из чаек подхватила ее и стала убегать от своей подруги. Подруга помчалась ее догонять. Сначала вместе отнимали, а потом поссорились. Вот так и мы, люди, что-то создаем, а потом идем друг на друга войной.

Кровь на штурвале

5 марта 1991 года

33°50’ ю.ш., 01°25’ з.д.

Действительно, понедельник — день тяжелый. Досталось мне за прошедшие сутки. Я так устал и ослаб, что мне кажется, на пути к полюсу было легче. Хотя там тащил рюкзак 40 кг и нарты такого же веса.

Здесь усталость другая: почти что сутки стоял у штурвала. И надо было каждую волну увидеть в темноте и подумать, как ее лучше пройти. Скорость ветра свыше 60 узлов. Ветроуказатель рассчитан на 60, а что свыше, то это, я считаю, от лукавого, то есть от сатаны. Да на глаз и не определишь, 70 или 90 узлов. Вот где пригодился мой стаксель, который я сам сшил для урагана. В нем не более двух метров квадратных, а «Караана» под таким лоскутком развивает скорость до 8 узлов.

Уже к утру почувствовал, что колесо штурвала липкое. Посветил фонарем, а это мои корявые мозоли полопались и измазали штурвал кровью. Ночь была ужасной. Хлестала гроза с огненными разрядами вместо молний. Грохот стоял, как на войне. А с рассветом опять появилась радуга. Я крепко выругал ее, потому что она была и с вечера. Ночь после нее стояла такая штормовая и дождливая, что я перестал верить в радугу.

А тут еще и кит появился прямо по курсу. Я все боялся, как бы волны этого кита на яхту не забросили.

Нулевой меридиан

6 марта 1991 года

34°31’ ю.ш., 01°40’ з.д.

15:30. Прошли нулевой меридиан, зашли в Восточное полушарие. Негостеприимно встречает оно меня, хотя для меня и родное, и кажется, что и дом близок.

Дорога на каторгу

7 марта 1991 года

35°42’ ю.ш., 01°40’ в.д.

11:00. В этот день в 1986 году мы завершили лыжную экспедицию, которая в полярную ночь соединила две полярные дрейфующие станции — СП-26 и СП-27. Нас было 11 человек, мы прошли полюс относительной недоступности. Перед финишем был сильный мороз и ужасный встречный ветер. Последние километры казались дорогой на каторгу, а вся наша амуниция — рюкзаки, лыжи и прочее — были тяжелее кандалов.

Но и сейчас морские мили не легче мне даются. Через нас с «Карааной» прошел тропический ураган. То, что творилось в течение двух дней, не поддается описанию. Ураганный стаксель разорвало в клочья. Раз «Караану» так бросило с волны, что она по воздуху летела и с силой трахнулась о воду. Затрещал корпус, в каюте все сорвало и разбило. Тент над входным люком сорвало и унесло в океан. Дугу из нержавеющей трубки, на которой крепится грот, согнуло и вырвало из крыши рубки. Как я уцелел, не могу представить. Благодарю Бога, что остался жив.

Брусничный листок

8 марта 1991 года

36°09’ ю.ш., 03°10’ в.д.

07:30. В последние дни я делал мало записей в дневнике — не до того было. Да и сильно устаю. Как только появляется свободная минута, ложусь спать или просто отдыхать.

После урагана на яхте много работы. Он указал на слабые места лодки. Вчера сверлил отверстия в рундуках и закреплял их капроновыми концами, устранял весь погром.

Сегодня Международный женский день. С утра за здоровье жены и дочки выпил кружку кофе. И снова работаю.

Попробовал варенье из брусники и нашел в нем брусничный листочек. Он показался мне таким родным. Вспомнились дни, когда в 1985 году мы собрались с находкинскими альпинистами

подняться на пик Коммунизма[90]. Добывали денег на оплату вертолета, который забросил бы нас на ледник Бивачный. Где взять такие деньги? Решили насобирать листьев брусники и сдать в аптеку. Целыми днями ползали на коленях, резали ножницами. У нас была мысль: если подстрижем самую большую сопку недалеко от Находки, то тогда увидим пик Коммунизма. Так что для меня листок брусники много о чем говорит.

10:30. Дождь. Ветер ослаб, но большая толчея. Плохо, что теперь нет тента над входным люком — дождь залетает в каюту и попадает прямо на штурманский стол.

17:30. Темнеет. Целый день работал, как заведенный, но много дел осталось и на завтра. Осматривал мачту и обнаружил на правой носовой ванте пять порванных каболок (стальных нитей). Ураган не прошел бесследно. С такой вантой в первый же шторм потеряю мачту. Долго думал, как быть. Решил с правого борта снять страховочный трос и использовать его вместо ванты. А ходить только по левому борту, что, конечно, неудобно и дополнительная опасность. Но что делать?

Теперь все время буду бояться за мачту, не смогу выжимать ветер.

Неприятность за неприятностью

9 марта 1991 года
37°00’ ю.ш., 04°30’ в.д.

09:40. Неприятность за неприятностью! Осмотрел остальные ванты и нашел, что и на левой носовой также порваны нити. И что самое обидное — это тяжело исправить. Правую носовую ванту уже укрепил, но не знаю, как она будет держаться в шторм.

Залезал на мачту только до первой краспицы — дальше не решался. Сильно бросает, тяжело удержаться на мачте. Трап на нее сделан очень хлипко, на четыре алюминиевые заклепки.

Хотя мы прошли нулевой градус и сейчас находимся в Восточном полушарии, я не стал часы переводить назад, я их ставлю по солнцу — мне легче жить по местному времени, а не по Гринвичу.

Не могу залезть на мачту

10 марта 1991 года
37°25’ ю.ш., 06°10’ в.д.

05:30. Погода стихла. Сижу и думаю, сейчас лезть на мачту

или немного выждать. Топ мачты раскачивается очень сильно. Вот что значит мелочь: не убрал веревку, а сейчас маленький тонкий фал не дает ставить грот, из-за него надо рисковать жизнью.

06:30. Попытался взобраться на мачту. Долез только до половины, больше не смог. Амплитуда раскачивания мачты такая большая, что удержаться на ней очень сложно. Занемели руки и ноги, и я понял, что подниматься выше опасно. Не хватит сил удержаться — одна резкая волна сбросит в воду. Но и выжидать хорошей погоды тоже нельзя.

17:00. Солнце зашло в темные тучи и окрасило их в малиновый цвет. Я уже и не жду хорошей погоды. Пока светло, поставил штормовые паруса. За день много чего сделал. Главное, все убрал после урагана. А то повсюду валялись и сухари, и бумаги, и магнитофонные пленки. Ветер сейчас 10 узлов. Скорость яхты 3 узла. Глубина под килем — пять тысяч. Ветер 133 метра, западный.

Об одиночестве

11 марта 1991 года

38°25’ ю.ш., 09°00’ в.д.

04:30. Как быстро идет время, а вот мили стоят на месте. Только что выключил двигатель, он работал с двух часов. Сейчас ветра нет, штиль. Все паруса убрал, руль закрепил. Думаю, штиль будет недолго — погода здесь часто меняется.

05:10. Все вокруг как будто вымерло, может, уже и цивилизации нет, а я как Ной в своем Ковчеге. Хотя нет…

Одиночество среди океана не является препятствием к духовной жизни человека. Дух Святой дышит, где хочет, поэтому не важно, где человеку случается быть физически. Духовная жизнь внутри нас. Это плавание изменило мою внутреннюю веру в Бога. Она стала чище, теперь она менее рациональна, исходит более от сердца, чем от ума.

Здесь, в одиночестве, Вера и Бог — неотъемлемая часть жизни. Увы, по моей духовной немощи я не могу сказать, что Вера и Бог стали содержанием всей моей жизни. Но они являются реальной, существенной ее частью.

В трудные минуты, когда мне кажется, что все мои физические силы истощены, когда дух мой находится в предельном напряжении, я чувствую помощь Бога и нахожу в себе новые силы. В такие трудные минуты приходит помощь, находящаяся не в физических законах земного шара. Сверхъестественная помощь в трудный момент приходит.

До этого плавания, хотя я и считал себя верующим, я не читал молитвы. То ли из-за лени, то ли из-за духовной немощи. Здесь, в океане, и дня не проходит без молитвы, без размышлений о Боге.

08:30. Дождь льет как из ведра, погода просто зловещая.

Приборы тоже устают

17 марта 1991 года

41°45’ ю.ш., 27°37’ в.д.

05:00. Радуюсь восходу солнца, его свет пронизывает океан, и оттого вода блестит, как будто кто-то на нее высыпал золотые чешуйки.

Сегодня воскресенье, но в океане нет выходных дней.

08:30. Устали все приборы. Отказал лаг — не показывает скорость. Когда утром осматриваю «Караану», становится жалко ее: вся побитая, потертая. Как она устала от штормов! Увидел на носу какие-то не то водоросли, не то пиявки, начал сбивать их багром, но это не так-то просто, они очень сильно присосались к борту.

Спать одетым — лучше

19 марта 1991 года

42°15’ ю.ш., 30°15 в.д.

06:00. Медленно, очень медленно идем к Австралии. Ночь прошла как нельзя хуже: ветер шел порывами, моросил дождь. Прежде чем выйти из каюты, чтобы вернуть яхту на курс, приходилось одеваться. Вот я и решил, что лучше спать одетым. Так что спал, если это можно назвать сном, в штормовой робе.

17:00. С утра до вечера занимался укреплением мачты. Сделал две дополнительные ванты. Теперь за правый борт спокоен. С левого борта одна ванта слабая, уже начала рваться. Надо бы и ее укрепить, но уже нечем.

К ночи ветер стих. Боюсь, что через два часа будет штиль. Индийский океан или штормит, или стихает до штиля. Все-таки самый лучший океан — это Тихий!

Острова Крозе[91]

27 марта 1991 года

42°37’ ю.ш., 56°25’ в.д.

01:30. После шторма — полный штиль, но мертвая зыбь бросает яхту с борта на борт. Убрал паруса — они все равно не работают. Небо затянуло сплошными тучами, моросит дождь.

07:30. Туман, ничего не видно. Оставил на мачте только грот — все равно скорости нет. Барограф опустился на отметку, при которой бывали жестокие шторма, а сейчас безветрие.

Район островов Крозе, принадлежащих Франции, обозначен на карте как место, периодически закрываемое туманом. Я от островов в 180 милях, однако здесь опасная судоходная зона — в тумане можно столкнуться с кораблями.

08:30. Надо мной издевается лукавый: ветер крутит, океан весь в толчее. Убрал паруса, закрепил штурвал шкотами, все выключил. Лег спать, но вначале просмотрел лоцию. Вот что говорится в ней об акватории островов Крозе: «Восточные ветра иногда достигают здесь большой силы. Если при восточном ветре атмосферное давление начинает падать, а ветер постепенно изменяется от северо-востока к северо-западу и западу, то можно ожидать жестокого западного шторма с градом и дождем».

Вот теперь картина ясна: ветер с востока, значит, надо готовиться к шторму.

Случилось то, чего я так боялся. Порвался и упал носовой штаг. Это очень серьезная авария. Трудно описать, что я сейчас испытываю. Неужели мне не суждено вернуться к людям? Если мачта упадет, то конец моему плаванию, а значит, и жизни. Здесь сложно спастись: туманы, шторма, да и моя радиостанция не работает — сломалась антенна.

Влипли!

29 марта 1991 года

42°19’ ю.ш., 56°00’ в.д.

12:00. Влипли! Шторм не стихает. Ветер превышает 60 узлов, превращая волны в горы. Идет дождь со снежной крупой. Индийский океан очень снежный. Если так будет и дальше, то нам с «Карааной» трудно уцелеть.

Опять шторм

2 апреля 1991 года

42°09’ ю.ш., 59°03’ в.д.

10:30. Ветер с норд-веста 20 узлов. Скорость яхты 6 узлов.

Разбираю штаг-пирс. Злюсь на конструктора за то, что он так плохо сконструировал штаг.

15:00. Уже ночь. Погода плохая, из-под каждой тучки идут шквалы. А большая зыбь после шторма так и не стихала.

Пока шел шторм, я ничего не готовил. Ел только изюм с сухарями и запивал их холодной водой. Если, дай Бог, доживем до завтра, то с рассветом начну снова укреплять мачту талями и фалами. Пока ветер не стихнет, невозможно подняться на мачту и посмотреть, как там порвался штаг.

Пока что живы!

4 апреля 1991 года

41°11’ ю.ш., 62°22’ в.д.

Вчера и во все последние дни сложно было уцелеть. Я думаю, что только Господь Бог дал мне немного пожить и снова увидеть солнце.

Холодно стоять у штурвала, надевал рукавицы — руки мерзли. Положил пластырь на левое колено, там появился чирей и уже довольно большой. Увидел Южный Крест, давно его не было. Шторм не дает идти домой.

00:30. Ветер немного стих, появилась луна. Поставил два штормовых стакселя и трисель. Как быстро идет время, а мили — на месте. По первоначальным планам, сейчас я должен подходить к мысу Любин (Австралия). По скорректированным расчетам, должен был быть на 90-м градусе восточной долготы, а нахожусь только на 60-м. В Южном полушарии уже осень, это чувствуется и по ветру, и по холоду.

12:00. Десять часов работал над укреплением мачты, ставил штаг. Хорошо, что я занимался альпинизмом. В такую болтанку, когда мачта раскачивается и держится на честном слове, на ней тяжело удержаться. Но здесь лучшей погоды не дождешься, ее просто не бывает.

Там, где порвалось, я зажал зажимом, потом расплавил свинец в консервной банке и все залил. Получилось очень хорошо: выдержит любой шторм. Самое главное было — забраться на мачту и на самой ее вершине поставить штаг на место. Но я подумал, что подняться на самый верх не смогу. Решил скобой зацепить за рым спинакер-фала, хотя, конечно, это не та прочность.

Начал готовиться к подъему. Яхту поставил по волне, чтобы нагрузка была на ахтерштаг и бакштаги. Надел страховочный пояс, два карабина, чтобы по очереди перехватываться. Скобы на

мачте шатаются — заклепки их не держат, уже две ступеньки отвалились. Самое главное было, чтобы яхта не развернулась против волны в то время, когда я на мачте.

Пока лез, думал о том, что если начнет мачта падать, надо успеть отстегнуть карабины и оттолкнуться от нее. Потому что если упасть в воду вместе с мачтой, она сразу пойдет ко дну. А если свободно упасть в воду, то есть шанс спастись. Яхта сразу бы остановилась, а я служил бы плавучим якорем, смог бы подплыть и забраться на нее. Это я продумал на крайний случай, но все получилось лучше. Поднялся на самый верх, пристегнулся двумя карабинами — руками тяжело держаться за мачту да еще крепить штаг.

Прежде чем лезть, я спинакер-фалом поднял штаг к топу мачты. Когда сам вскарабкался, то понял, что штаг сантиметров 30–40 не дошел до самого верха. Самое сложное было — подтащить штаг к рыму. Фал вырвало из рук, он тяжелый. Я взял с собой большую скобу, но она не подошла. Палец скобы толще, чем отверстие в рыме. Хорошо, что у меня в кармане была скоба среднего размера. Ее я и поставил. Если еще раз порвется, то, значит, не выдержала скоба. Она все-таки маленькая для такой нагрузки. Когда спустился, то даже поцеловал мачту в благодарность за то, что «Караана» не увалилась с курса.

14:00. Уже темно, ветер усиливается. Я рад, что закончил всю работу, что сделал штаг. И, кажется, должно быть хорошее настроение, но, наоборот, сегодня что-то тянет к людям, к тому миру, в котором нет одиночества и опасности. Особенно накатывает тоска, когда наступает ночь. Я один, вокруг только вода и небо.

Галлюцинации

6 апреля 1991 года

40°47’ ю.ш., 66°06’ в.д.

Барограф поднялся, ветер не прекращает дуть. Не люблю такую погоду, когда солнце и ветер. Если шторм — должны быть тучи, дождь. Это мне понятно. Но сейчас не могу понять, откуда берется ветер.

Вчера стоял у штурвала до галлюцинаций. Мне казалось, что иду по Москве и забрел на улицу, где живет мой товарищ Саша Поленчук. И все решал, зайти к нему в гости или нет. А белые гребни на волнах казались мне торосами, и я все выбирал торос, чтобы под его укрытием поставить палатку, лечь и отдохнуть.

Надоел мне океан — меня уже никто никогда не заставит

идти через него.

Сегодня Пасха

7 апреля 1991 года
40°37’ ю.ш., 68°19’ в.д.

Христос воскрес — воистину воскрес!

02:30. Уже рассвет. Ночью усилился ветер, я убрал грот и стаксель, оставил один «носовой платок». Небо все затянуто тучами, барограф медленно идет вниз. Скорость ветра 35 узлов, скорость яхты 5–6 узлов. Как тяжело даются мили, прямо из зубов дьявола мы их с «Карааной» вырываем.

05:30. Выходим на траверз острова Кергелен[92]. Кричу альбатросам и буревестникам, чтобы они передали привет этому французскому владению.

06:00. Открыл подарок от семьи Суворовых. В нем сухари из кулича и записка: съесть только на Пасху. И другой кулич — от семьи Гурьевых. Но он не сухой, а пропитан ромом — сохранился за эти полгода хорошо, только сверху немного заплесневел. Плесень я срезал и кулич с удовольствием съел.

Мои воспоминания о Пасхе всегда солнечные. Утром мама с бабушкой возвращались из церкви с всенощной службы и святили куличи. Нам, детям, раздавали крашеные яйца, а отец между двумя деревьями делал качели. Вся улица приходила качаться на них. Целый день было весело.

Какой там график…

9 апреля 1991 года
40°25’ ю.ш., 71°17’ в.д.

02:00. Прошли Кергелен. Впереди еще два острова — Сен-Поль и Амстердам. Если их благополучно пройдем, то впереди только Австралия.

09:00. Осматривал продукты и нашел в одном рундуке, в который ни разу не заглядывал, двадцать банок ветчины!

Конечно, в намеченные сроки я не завершу плавания. Но с этим ничего не поделаешь. Главное, чтобы Бог дал благополучно его закончить. А то, что не по графику, так даже поезда, и те опаздывают. А тут сделать оборот вокруг Земли в одиночку, да еще под парусом — и по графику. Конечно так не может быть.

В Индийском океане все наоборот

16 апреля 1991 года

39°34’ ю.ш., 74°28’ в.д.

Среди ночи ветер зашел на фордак. «Ричард» не держал яхту на курсе. Пришлось самому нести вахту.

08:00. Устал, болят ноги, хочется спать. Начался дождь. Паршивый этот Индийский океан — не поймешь, когда какая будет погода. По нашим приметам, если утром роса, значит, должен быть хороший день. А здесь океан выдает все наоборот.

12:30. Восемнадцать часов простоял у руля. Так ослаб, что в жар бросает. Лег в дрейф. Как жаль: ветер попутный, только и идти бы домой, но сил уже нет, надо немного отдохнуть.

Акула быстрее

17 апреля 1991 года

Идет большая волна с запада, а ветер дует с востока. Стоит толчея, нет хода, паруса хлопают. Понял, почему ветрорулевой не держит яхту на курсе. Мастер, который устанавливал «Ричарда», неправильно его поставил. Исправить ошибку можно, но надо снимать полностью всю систему. А она тяжелая, неудобно будет тащить ее в кокпит. Когда будет хорошая погода, попытаюсь это сделать и не уронить «Ричарда» в океан.

05.30. Минут десять рядом плыла большая серая акула, потом обогнала и ушла по направлению к Австралии. Она, конечно, быстрее будет там, чем мы с «Карааной». Если бы люди не ударились в изобретение техники, а лучше бы изучали себя, животных, рыб, зверей и птиц, я бы сейчас передал все для моих друзей в Австралию, и акула бы им сообщила. Или попросил бы любого альбатроса, он мигом слетал бы туда и обратно. Но человечество уперлось в железо и атом и больше не хочет ничего изучать и познавать. Мне могут возразить, что, к примеру, во времена Ивана Грозного разве кто-нибудь знал, что люди смогут видеть друг друга на расстоянии? Я говорю о телевизоре. Да, в те времена люди, пожалуй, скорее поверили бы, что человек сможет общаться с птицами и животными, чем с такой техникой.

Убегать из этого района

18 апреля 1991 года

39°18’ ю.ш., 86°27’ в.д.

01:00. Какой необычный восход! Темные тучи окрасились в оранжевый цвет, небо стало зеленым. Но на западе остались

черные тучи с полосами дождя. Северная сторона неба засветилась двумя радугами.

Ночь была неспокойной, налетали шквалы. Поставил два штормовых стакселя. Включил «Навстар», хочу узнать, куда нас унесло за ночь. Как тут не расстраиваться: нас унесло на одну милю назад и на целых 16 миль на север.

03:30. Светит солнце, но ветер не стихает и не меняет направление. Боюсь, что здесь все время так дует. Надо убегать из этого района.

11:30. Хотел бы я посмотреть на конструктора ветрорулевого механизма «Фламинго» и заставить его в такую болтанку снимать его собственное изобретение. Я проклял весь род конструктора, хотя, как православному, мне не подобает кого-либо проклинать. Но уж больно тяжелый ветрорулевой. Отдавил себе пальцы, разбил колено, надсадил живот. Но все-таки втащил «Фламинго» в кокпит. Там разобрал и, если не подводит мое чувство механика, сумею собрать. Все ж по образованию я — судовой механик.

Иконы

19 апреля 1991 года
38°50’ ю.ш., 87°41’ в.д.

03:00. Со всех сторон зажигаются радуги, но толку от них никакого. Дождь как шел, так и идет, ветер тоже не меняется. Остается загадкой, отчего в такую погоду расцветают радуги.

В каюте «Карааны», на центральной переборке, висят иконы святителя Николая Чудотворца, святого Пантелеймона Целителя и святого Георгия Победителя. Перед тем как выходить на палубу, я всегда смотрю на них.

Икону святителя Николая дал мне священник из Красного Яра, когда благословлял в церкви перед одиночным походом на Северный плюс. «Если будет тяжело, — сказал он, — то проси Николая, и он поможет». Точно так же я получил икону с изображением святого Пантелеймона, только уже не в России, а в Австралии. Но тоже от священника Православной церкви, отца Михаила. Он рассказал про святого Пантелеймона, что безбожники схватили его и за веру в Христа решили утопить. Привязали камень на шею и бросили на середине реки. Сами на лодках выплыли на берег. Смотрят, а Пантелеймон идет по воде и в руках держит камень, что они привязали ему на шею.

11:30. Темнеет. Ветер немного стих. Но по-прежнему крутая волна.

С потолка на спальник капает вода. И ничего не сделаешь: вода попала за обшивку и теперь оттуда просачивается в каюту.

Плохо, что нет ветрогенератора. И музыку не послушаешь. Для магнитофона надо питание, а у меня его нет. При выходе в плавание я купил батарейки. Но они все уже сели. Правильно старики говорили: за что недоплатишь, то и не доносишь. Вот и я купил дешевые батарейки — сэкономил доллары, но батарейки тут же и сели.

И я без ран не остался

20 апреля 1991 года
38°28’ ю.ш., 89°26’ в.д.

01:30. Ночь прошла хорошо: «Караана» шла без моей помощи с закрепленным рулем.

04:30. То, что я сейчас сделал, даже не верится, что я на это способен. Чуть ветер стих, я поставил авторулевой на кормовой трапеции.

Провел всякие блочки, приспособления, чтобы такую махину с кокпита вдоль борта по воде протащить на трапецию, а там поднял и точно попал в четыре гнезда для болтов. И закрепил. Все получилось, как и было задумано.

Ну, конечно, немного поцарапал «Караану». Но без этого нельзя было. Я думаю, что она не обиделась на меня. Тем более что и я без ран не остался. Пробил тыльную сторону левой ладони — аж кровь брызнула.

Сейчас все поставил как положено. Не знаю, будет авторулевой управлять яхтой или нет? Проверю, когда подует ветер. А сейчас побалую себя, сварю гречневую кашу с тушенкой.

Этот сладкий вкус

21 апреля 1991 года
38°22’ ю.ш., 90°46’ в.д.

01:00. Ночь прошла, но как! Приходилось каждые 10–15 минут выскакивать на палубу и ставить «Караану» на правильную дорогу. Пребывая на грани сна, я вспоминал о восхитительных днях жизни среди людей. Сильно соскучился за родными. Даже не верится, что встречу их когда-то вновь. Если увидимся, то скажу, чтобы больше не отпускали меня так надолго.

02:00. Многие думают об Индийском океане как о теплом, солнечном. А мне приходится сейчас надевать все, что есть теплого в моем гардеробе. Стоит холод собачий. Ветер пронизывающий, руки и ноги мерзнут.

04:00. Небо затянуло белыми облаками. Между ними просветы синевы. Облака напомнили мне лед Арктики, а небо — открытую воду между льдинами. Вот уже скоро год, как я покинул Арктику. 9 мая я стоял на Северном полюсе. Уже соскучился по его чистоте и прозрачности воздуха. Даже сейчас чувствую этот сладкий вкус.

Великаны

23 апреля 1991 года
38°22’ ю.ш., 93°54’ в.д.

07:40. Услышал шум, выскочил на палубу. У меня челюсть отвисла: яхта со всех сторон окружена китами, их штук 10–15. Запустил двигатель, чтобы шум винта предупредил этих чудищ морских, что «Караана» не кит, и им следует держаться подальше. С похолодевшим от страха сердцем я смотрел, как гигантские черные туши то всплывают, то погружаются в воду. Временами мне чудилось, что сейчас я вместе с яхтой поднимусь в воздух на спине одного из китов, после чего ударом хвоста он превратит «Караану» в щепки, а меня прихлопнет, как муху. Киты ушли вправо, к Антарктиде. И снова пустынный серый океан. Но лучше так, чем в обществе этих великанов.

Сто градусов долготы

27 апреля 1991 года

39°06’ ю.ш., 100°14’ в.д.

Ночь была тяжелой, но и утро не принесло облегчения: ставил зарифленный грот — намучился. Раз пять его то поднимал, то майнал — никак он не хотел правильно становиться.

03:40. Волнующий момент. Включил «Навстар». По моим подсчетам, мы должны пройти сотую долготу. И тогда останется 50 градусов до Сиднея. Хотя Сидней на 151-м градусе долготы, но я считаю, что и 150-й градус — это уже дома.

Наши погибшие друзья

28 апреля 1991 года

38°49’ ю.ш., 102°06’ в д.

01:00. С восходом солнца горизонт очистился во всех направлениях. Долгая и бурная ночь закончилась. Спал всего полтора часа, не снимая штормовой робы. Стоял у штурвала до самого рассвета. И все время из головы не выходили мысли о погибшем друге Саше Рыбакове. Он умер 28 апреля, ровно два года назад, но как будто это было вчера. Я помню его голос, смех, скрип его лыж. Мы почти все время шли друг за другом, по очереди прокладывая лыжню. А когда его не стало, меня некому было заменить на лыжне.

28 апреля прошлого года я провалился в полынью. Некому было подать мне руку или протянуть лыжную палку, как это бывает, когда идешь с командой. Я был один на многие тысячи километров. И никто не услышал бы мой крик о помощи. И я не кричал, я знал, что надо выбираться, надеясь только на собственные силы. Обламывая ногти, я вцепился пальцами в лед и, оставляя на нем кровавые следы, мокрый до нитки, выполз на льдину под пронизывающий холод арктической поземки. Еще раз Господь сохранил мне жизнь.

Как хотелось бы еще раз оказаться в той компании, в которой в феврале 1990 года мы собрались в уютном японском ресторанчике в центре Токио: Кимико Уэмура — вдова Наоми Уэмуры, известный японский альпинист Оними и яхтсмен-одиночник Юко Тода. Нам было что рассказать друг другу. Хотя мы и прибегали к услугам переводчика, весь вечер не прекращалась увлекательная беседа. Оними рассказывал о забавных случаях с ним или с членами его команды, когда они в 1988 году штурмовали Эверест[93]. Он был весь в заботах о предстоящей экспедиции на ребро Макалу[94]. Ровно через месяц он должен был улететь в Гималаи.

Тодо Юка уже три раза участвовал в гонках яхт вокруг света и все три раза занимал призовые места. Этот милейший человек был близким другом Наоми Уэмуры. Для предстоящей одиночной гонки в июле 1990 года Тодо Юка строил яхту, на которой предполагал выиграть гонку. Весь вечер он уговаривал меня поехать посмотреть его посудину.

Мои рассказы, конечно, были связаны с полюсом. Все знали, что 2 марта я стартую в одиночку к вершине планеты. Кимико Уэмура передала мне цветную фотографию, на которой ее муж стоит возле саней, окруженный эскимосами и лайками. Она просила, чтобы я с этой фотографией дошел до полюса, и тогда ее муж еще раз побывает там.

Как бы хотела госпожа Уэмура, чтобы ее муж сидел рядом с нами! Но вечной могилой ему стала гора Мак-Кинли на Аляске. Он лежит там в какой-нибудь расщелине, закованный льдом и припорошенный снегом. Найдут ли когда-нибудь его тело? Ведь отыскали же замерзшего в Антарктиде английского капитана Роберта Скотта[95], пытавшегося первым достичь Южного полюса! Через восемь месяцев его тело нашли и захоронили там же, в Антарктиде. Сейчас конечно же его могила потеряна снова. Льды Антарктиды движутся, сползают к океану. Может быть, через тысячи лет они сбросят ледяной саркофаг Роберта Скотта в воду, и волны принесут его к берегам родной Англии.

Май течет рекой нарядной

30 апреля 1991 года

Завтра 1 мая — День солидарности трудящихся, который еще называют Праздником весны. Давно уже я его не видел, да и самой весны тоже.

В 1988 году мы были уже за полюсом, и наши лыжи смотрели в сторону Канады. Помню, Вася Шишкарев — он был рабочим завода ЗИЛ и считал себя пролетарием — взял флаг, который поднимали на полюсе, нацепил на запасную лыжную палку и привязал к карману своего рюкзака. И так шел целый день. Этим он показывал свою солидарность с пролетариями всего мира. Дмитрий Шпаро, начальник наш, только лицо скривил — такая у него манера выражать недовольство. Мол, что ты, Василий, и тут выпендриваешься?!

В 1989 году в экспедиции «Арктика» утром, перед выходом на маршрут, Саша Выхристюк напомнил нам, что сегодня праздник. И все без чьей-либо команды быстро встали друг за другом и запели негромко:

«Май течет рекой нарядной
По широкой мостовой…»[96]

В арктической тишине песня звучала так явственно. И все неторопливо тронулись в путь — мы тогда были на подходе к Северному полюсу.

В моей одиночной экспедиции я не пел песен и флаг не нес. Мне в тот день вспомнилось, что где-то весна и уже поют скворцы в садах. А еще вспомнил, как 1 мая, после демонстрации, мы всем классом шли на море и начинали купальный сезон. У нас была такая традиция, и все десять лет, пока учились, мы ее не нарушали. Я же 1 мая сбрасывал свою обувку. У меня такой был закон: с 1 мая по 1 октября ходить босиком. А еще с этого дня я перебирался спать на улицу, под навес. Ночи были еще холодные, но я терпел. Никакие мамины уговоры перейти ночевать в дом на меня не действовали. Под утро стучал зубами, но не сдавался. Мы с моим товарищем по классу Колей Ревой соревновались, кто дольше сможет спать на улице. И, бывало, до заморозков никто не уступал.

О мышах и о парторге

2 мая 1991 года
39°10’ ю.ш., 108°27’ в.д.

В конце 70-х я работал художником-оформителем на заводе в Находке. Художников нас было двое — я и Иван. Зачем художники на заводе? Чтобы писать плакаты и лозунги: «Пятилетку — досрочно», «Завтра будем работать лучше, чем сегодня», «Наш труд — Родине», «Мой завод — моя гордость».

Мы, конечно, понимали, что наши лозунги рабочим до фени — все это нужно парторгу. В каждом обществе есть свои трутни, вот они и стараются, чтобы все стены завода были завешаны нашим художеством. Как все замалевали, так ему от горкома грамота. Это значит, что в скором будущем из заводской парторганизации его переведут в горком партии инструктором. А это уже большой человек.

На заводе была у нас мастерская, в ней завелось много мышей. Они, правда, жили не только в нашей мастерской, а по всему заводу. А в столовой — там только крысы, мышам там делать нечего. Чтобы наши краски и наш обед были в целости и сохранности (мы в столовую не ходили, а брали из дома кое-какую еду), Иван где-то достал парочку хомячков. Как только

хомячки стали жить в подполье мастерской, мышей будто корова языком слизала.

Но пришла пора отпусков. Я, как всегда, ушел в плавание на яхте на Чукотку, а Иван уехал в Белоруссию к родителям. Мастерскую закрыли на ключ, но для хомячков оставили еду — и зерна, и хлеба. Отпуска у нас были удлиненные, потому что мы целый год ходили в народную дружину — ловили хулиганов. Или, чтобы было больше дней причислено к отпуску, дежурили в пожарке на случай пожара. И таким образом получалось дней на 10–15 больше обычного.

После отпусков вернулись, открыли двери мастерской, а там ужас: не два хомячка, а целая стая. Пока мы отдыхали, они размножались. Их стало уже десятка два. И той пищи, что мы им оставили, конечно, не хватило. Хомячки погрызли все тюбики с красками, все кисти, холсты и даже нашу рабочую одежду. И ботинки все сгрызли, оставили только подошву и медные гвозди. Оказалось, резину они не едят. И началась наша жизнь среди этих милых с виду животных. Они стали приносить нам столько хлопот и вреда, что мыши по сравнению с ними — ничто.

Но и тут Иван проявил смекалку: поселил в мастерской кошку Мурку. Она всех хомячков извела и даже на нас стала бросаться. Уходя на ночь домой, мы ее закрывали, и она одичала совсем. Однажды к нам зашел Геннадий, мастер бетономешалки. Она бросилась на него, и Генка, недолго думая, убил ее.

И снова со всего завода поползли к нам мыши. Я посмотрел на все это — на мышей, на парторга, на проклятый завод — и ушел работать матросом-добытчиком на рыболовный траулер.

Пулемет

3 мая 1991 года
39°17’ ю.ш., 110°12’ в.д.

03:00. Небо затянуло тучами. День унылый, снова начал лить дождь. Сижу, чищу свою пушку-ружье. От морской воды и воздуха оно все покрылось ржавчиной. У меня даже в детстве оружие в таком состоянии не было — я регулярно протирал его тряпкой с керосином. А оружие у меня было, сколько я себя помню. И пистолеты, и винтовки-трехлинейки, и даже пулемет с лентами. Попал ко мне этот пулемет, когда на хуторе Петровка, в трех километрах от нашей деревни, жил дед Сава, почтальон. Все знали, что у Савы на чердаке дома стоит пулемет. Но никто не придавал этому значения, все считали, если хозяин держит вещь, значит, для чего-то нужна.

Но появился новый участковый милиционер — нашего старого разбил паралич, он уже не мог наводить порядок на своем участке, а рыбаки часто дрались. Новый участковый, Иннокентий, суетливый был мужик — все ему надо было что-то выискивать, заглядывать везде, по службе и просто без всякой причины. Поговаривали, что он и к женам рыбаков похаживал, когда те на путине. У них и дознался милиционер про дедов пулемет. И как только дед Сава приедет на своей лошади к нам за почтой, Иннокентий тут как тут. Требует, чтобы дед привез свое незаконное оружие и сдал ему под расписку.

Дед все время прикидывался глухим, не понимающим, что хочет от него этот человек в милицейской форме. Тогда участковый ему пригрозил, что сам приедет и заберет не только пулемет, но и «еще кое-что». А этим «кое-что» был самогонный аппарат, на котором дед гнал самогонку и продавал ее нашим рыбакам. На зарплату почтальона он прожить не мог, на нее можно было только купить для лошади овса, не больше.

Так что дед испугался не столько за пулемет, сколько за своего кормильца. Пулемет пригодится ли — еще неизвестно. А вот аппарат заработок давал, хоть и небольшой. Понял дед, что от назойливого милиционера ему не отвертеться, и сбросил пулемет в заброшенный колодец. Хуторские пацаны это видели и рассказали мне. Я тут же собрал команду, взяли веревку, крюки и айда к тому колодцу.

В степи воды мало, чтобы добраться до нее, приходится копать глубокие колодцы. И этот колодец, как все остальные, был глубоченный. Окружили мы эту дыру в земле, стоим и ахаем — никто не решается спуститься. Друг друга подзадориваем и подталкиваем. Тут все начали наседать на меня: раз ты, Федька, наш капитан, значит, тебе и лезть. Мне льстило, что я капитан, но, как и всех, пугала колодезная глубина. Однако подумал, что пацаны могут разболтать в школе, что я струсил.

Обмотался веревкой, как паук паутиной, наказал пацанам, чтобы они потихоньку меня спускали, и полез в колодец. Стенки его уже обвалились и покрылись плесенью, запах гнили шел изнутри. Добрался я до затхлой жижи, пристроился на небольшом выступе и начал шарить палкой с крюком. Долго искал, наконец нащупал и подцепил. Так и есть: новенький, еще незаржавевший пулемет! Дед молодец! Прежде чем сбросить в колодец, хорошенько смазал пулемет солидолом.

Пацаны вытащили и меня, и пулемет. Тайком, огородами притащили к нам домой и спрятали в крольчатнике. У нас кролики жили в яме, сверху укрытой толем. В яму к кроликам залазили только мы со старшим братом Виктором. Но я не

опасался, что он выдаст родителям нашу тайну. Главное, чтобы сестра Нина и младший брат Павлик не узнали — те сразу расскажут.

Но недолго мы прятали пулемет — мы его обменяли на старый трофейный немецкий велосипед. Да и ни к чему он нам был. Из него не постреляешь так запросто, как из винтовки или пистолета. Для этого надо было тащить его на берег моря, а пулемет большой и тяжелый.

В послевоенное время у нас, пацанов, не было недостатка в оружии. Его можно было найти где угодно, если постараться. Почти что у каждого мало-мальски уважаемого хлопца был или маузер, или автомат ППШ.

А однажды мы с Виктором нашли на старом аэродроме авиационную бомбу. Она валялась в кустах репейника. Ее, видимо, забыли, когда эвакуировали аэродром.

Бомбу мы притащили домой. Она большая была — вполовину нашего роста и тяжелая. Волокли ее по полю, по пахоте, а уже возле деревни погрузили на тележку, на которой отец возил молоть на мельницу зерно. Сверху накрыли травой, будто везем корм для кроликов. Дома спрятали в винограднике, и там бы она лежала долго, если бы не наш сосед дядя Степа. Он был инвалид — левой руки не было. Старики поговаривали, что это он сам себе сделал, чтобы не брали на войну.

По своей инвалидности он сторожил колхозную контору. А что ее сторожить, кому она нужна? Там же не было ничего, один только двухтумбовый стол, закрытый красным сукном. Да графин с водой, да деревянные лавки вдоль стены, чтобы было где рыбакам сидеть, пока председатель колхоза их поучает, как надо ловить рыбу.

Фамилия председателя была Гаврилов, а имя-отчество Гаврил Гаврилович. Все его за глаза, конечно, звали Гав-гав. А при нем только по имени-отчеству — как-никак председатель! Гаврил Гаврилович ни на кого голос не повышал. Не то чтобы он рыбаков уважал, но знал: накричи он на Ильку Шевелева за то, что пьяный пришел на собрание, так дядя Ильюша выругается, сплюнет и уйдет домой. Или пойдет в «будь ты проклят» — в магазин, где косая Дуська вином в разлив торгует. Председатель ничем не мог наказать рыбака. Выгнать из колхоза? Так кто ж будет работать? Молодежь в райцентр или в город бежит — куда угодно, лишь бы не остаться в колхозе. Потому что наша деревня по районным меркам числилась как неперспективная. Из-за этого и новые баркасы не приходили. Рыбаки сами ремонтировали свои гнилые посудины, чтобы хоть как-то путину отработать. Были бы в колхозе новые сети, так можно было бы ими поощрять лучших. А

сетей тоже уже не распределяют который год. Склад, где раньше хранился инвентарь, пустой.

Меня несколько раз в контору на эти собрания брал отец. Я видел важность нашего председателя, когда он начинал говорить о том, что стране нужна рыба! Без нее мы не построим коммунизм. И тогда мне казалось, что никто не ловит рыбу, только все едят. А строительство коммунизма зависит от наших рыбаков, которые вот тут сидят и слушают грамотную речь председателя со значком «Ударник социалистического труда» на левом лацкане костюма.

Председатель после громких слов наливал из резного графина колодезную воду в чистый тоненький стакан и залпом выпивал. Пить ему не хотелось, да он и смотрел на воду с презрением. По его носу было заметно, что его душа и глотка привыкли к более крепким напиткам. Но этим самым он подчеркивал важность своего положения. Чем больше он говорил, тем больше входил во вкус.

Рыбакам было скучно: кто курил, выпуская через рот и нос едкий махорочный дым, кто сморкался и кашлял, скрипел яловыми сапогами, кое-кто дремал, некоторые попросту спали. А дядя Костик, отец моего друга Шурки Рыбальченко, тот раз за разом вставал и шел в сени, к бачку с водой, к которому на веревке была привязана алюминиевая кружка. Чувствовалось, что он с хорошего похмелья. Из графина воду пил только председатель. И еще он так изредка карандашиком, остро заточенным, постукивал по графинчику, и раздавался мелодичный звон. От этого звона кое-кто просыпался.

Так вот, наш сосед дядя Степа и сторожил эту контору с графинчиком. Хотя и инвалид, но мужик он был сильный. В этом я убедился, когда он скрутил рога козлу. Хозяином козла был Васька Джи. Как его фамилия, я не знаю — его стар и млад звал Васька Джи, хотя ему было лет шестьдесят. Бывало, когда я пас коров, подходил к его дому и кричал: «Эй, Васька Джи, давай своего драного козла!» У него никакой скотины не было, только козел. Зачем он его держал, непонятно.

Козел этот был вредный и бодал всех подряд. Я, когда был с кнутом, его не боялся. Только он нагнет голову бодаться, я его кнутом между рогов и по спине. Он сразу становился как шелковый и шел в стадо. Но однажды я раскрутил свой длинный кнут, но сам же в нем запутался и упал. Козел уперся в мою грудь рогами, прижал к пыльной дороге. На мой крик прибежал дядя Степа. Он в это время возвращался со своего поста. Он никогда не говорил, что идет сторожить, а всегда говорил, что идет на пост. Дядя Степа единственной рукой быстро положил козла на

лопатки. Потом я всем рассказывал о его силе. И все жалел, что его не взяли на войну. Он бы не одному фашисту шею свернул.

Правда, он проявлял силу не только на козлиных рогах. Еще он сражался с нашей домашней птицей. Если случится курице или голубю зайти в его огород или двор, тут же поймает и скрутит голову. Однажды он убил нашу голубку из породы дутышей. Красивая была голубка — с надутым зобом и хвостом трубой, вся белая, только по спине полоска черная. Разозлились мы с братом, решили под его дом подложить бомбу. По воскресеньям он с женой, тетей Дуней, ходил в молитвенный дом — они были баптистами. Во время их отсутствия мы и подтащили под самое окно авиационную бомбу.

Что тут было, когда они пришли и увидели! Дядя Степа мечется по двору, ругается, забыл даже, что только что общался с Богом. А тетя Дуня закатила такую истерику, что вся улица сбежалась, и все спрашивали друг друга, кто умер. Мы с Виктором от угла нашего дома наблюдали все это и радовались. Телефона тогда в нашей деревне не было даже на почте, телефон был только в селе Атамай, в семи километрах от нас. Вот дядя Степа и попросил Ивана Баклажкова, местного пастуха, проскакать верхом на лошади до райцентра и сообщить о страшном снаряде. Конечно, пришлось Ивану дать пол-литра — просто так, за здорово живешь, Иван не поехал бы.

Вечером примчалась военная машина. Солдаты оцепили дом и очень аккуратно, как маленького ребенка, погрузили бомбу в машину, на мешки с песком. Мы смотрели и удивлялись, с какой осторожностью они обращаются с нашей бомбой. Мы ж ее и пинали, и тащили по буграм и колдобинам. А они видишь как! Одним словом — саперы!

Вывезли за деревню, и уже на закате мы услышали, да и ощутили взрыв. Стекла в доме зазвенели, и даже несколько черепиц с крыш выпало. Все побежали смотреть на место, где солдаты взорвали бомбу. Батюшки! Воронка больше, чем наш и соседский двор! Если бы она взорвалась у дяди Степы под окном, то не только не было бы его дома, но и нашего тоже. Да и дом тети Мани, что через дорогу, тоже снесло бы.

Мыс Лювин показывает когти

4 мая 1991 года

35°51’ ю.ш., 112°40’ в.д.

До мыса Лувин осталось 150 миль. Ветер усиливается. Как мне не хватает сейчас совета моего капитана Леонида

Константиновича Лысенко. Каким курсом идти: на Бассов пролив[97] или вокруг Тасмании? Огибать Тасманию безопасней, но путь очень удлиняется.

Бассов пролив на широте 39 градусов. Заход с запада в этот пролив сносный, можно рискнуть. Сам пролив тянется на 200 миль, то есть при хорошей погоде двое суток пути, но каких суток! Без сна! Да еще выход из пролива — сутки. Выдержу ли? Там много рифов, островков, интенсивное судоходство — там нельзя допустить ошибку, ее просто не исправишь. Да и ветер между Австралией и Тасманией дует, как в трубе. Течение западное, а ветер восточный. Не считая прилива-отлива, а это тоже большие хлопоты. Сейчас только этим голова и занята, хотя до пролива еще ой как далеко — дней 20, а может, и больше. Но решать надо сейчас. Если решу идти вокруг Тасмании, то буду резко уваливаться вправо. Если Бассовым проливом, то буду выдерживать курс на 39–40 градусов. Кто подскажет? Кто посоветует?

21:30. Я бы предпочел еще раз пройти мыс Горн, чем этот Индийский океан. Как он меня с «Карааной» выматывает. Ветер вновь сменил направление: дул с норд-веста, а зашел на зюйд-вест. Волны огромные идут с норд-веста, а новые волны — с зюйд-веста[98], и стоит такая толчея, что не только может мачта упасть, но фальшкиль отвалиться.

Темно, ничего не видно. Ветер бьет порывами. Смотрю на барометр: если он остановится и перестанет падать, поставлю два штормовых стакселя, а трисель уберу, так как он перелетает с борта на борт. Ветер холодный, как из погреба. Дождь идет без остановки.

Стоял у руля и планировал, что, как и где строить. Я давно решил поставить в бухте Врангеля часовенку морякам, погибшим у мыса Горн. Думаю, ее надо будет строить из бетона и морских валунов. А в Красноярске, на берегу речки Лана (я уже там место присмотрел), из дерева тоже часовенку — погибшим на пути к Северному полюсу. Сколько планов и желаний! Надо стараться вернуться домой!

Обида

5 мая 1991 года
40°10’ ю.ш., 114°15’ в.д.

01:00. Колотун адский — за штурвал голыми руками не взяться. Брызги жгут, только не жаром, а холодом. Ни одного мыса не проходили мы с «Карааной» без шторма. Мыс Юго-

Западный Новой Зеландии — там нам досталось порядочно. Мыс Горн — само собой. Мыс Доброй Надежды тоже обошелся дорого — все порвали, да и вообще непонятно, как живы остались. И вот теперь мыс Лювин показывает когти.

Если кто меня спросит, где я больше всего мерз, и будет ждать ответа, что на Северном полюсе, то я скажу, что это не так. Больше всего я мерзну сейчас, в кругосветном путешествии, в Южном полушарии. За прошедшую ночь так замерз, что к утру спустился в каюту — ни рук, ни ног не чувствовал. Испортил полкоробки спичек, пока растапливал печку — пальцы не слушались, не держали спички.

Судьбе было угодно, чтобы в 1990 году на 5 мая был назначен финиш моего одиночного похода к Северному полюсу. Но я не пришел в назначенный день — на полюс ступил только 9 мая. За это на меня многие обиделись. Корреспонденты радио, телевидения, да и друзья прилетели на встречу к 5 мая. А я был еще за 80 километров от полюса. Им пришлось ждать до 9 мая, а там еще пурга поднялась и задержала всех на Северном полюсе до 12 мая. Все от безделья и оттого, что у каждого была командировка только до назначенного срока, озверели. Когда я встретился с ними, они смотрели на меня волком и с обидой говорили, что я отобрал их драгоценное время.

Никто не спросил, как мне давались последние километры. Сколько пришлось преодолеть трещин и открытой воды. Сколько раз стоял перед тем, что называется смертью. Даже Оскар, и тот первый вопрос задал: «Папка, почему ты так долго шел?» У меня тогда текли слезы. Все, наверное, думали, что это от радости. Я же плакал от обиды. Люди, почему вы такие жестокие, злые, завистливые? Кто даст ответ на эти вопросы?

Мое одиночное кругосветное плавание должно было завершиться 5 мая, то есть сегодня. А мы только на широте мыса Лювин. Если Бог мне позволит вернуться в Сидней, я уверен, будет тот же вопрос: почему так долго шел. Если бы вы знали, как трудно прийти вовремя, когда твой путь усеян терновыми колючками и когда он такой длинный. Длинней пути нет на Земле, потому что она круглая, а мы с «Карааной» замыкаем круг. Если замкнем, то скажем: «Все, дальше уже некуда!» Как бы мне хотелось это сказать.

03:00. Я весь в крови, как наш деревенский мясник Антон Романович. Открывал консервы, а волна резко бросила яхту на борт, и я порезался между большим и указательным пальцами.

Антон Романовч в деревне ходил к тем, кто его приглашал, и резал свиней. Вообще-то он работал, как все, рыбаком. А перед Новым годом почти вся деревня резала кто кабанчика, кто бычка,

чтобы праздник отметить с мясом. В это время для Анатолия Романовича было много работы. Даже когда был очень пьян, резал он хорошо — без визга и рева. Все считали, что он непревзойденный мастер своего дела. Он и сам знал это и старался не ударить в грязь лицом.

Наш отец признавал только его, и всегда Антон Романович справлялся со своей работой играючи — он сам так о себе говорил. Но однажды он оплошал. Конечно, не столько он виноват, сколько количество выпитой бражки да самогонки. Отказаться от самогона он не мог, да и хозяева обиделись бы.

Резать нашего кабанчика Антон Романович пришел под изрядной мухой. Он уже некрепко держался на ногах, и отец предложил отложить эту работу до следующего дня. Но Антон Романович с обидой сказал: «Филя, ты же знаешь, я моряк! Притом с крейсера “Марат”». В молодости Антон Романович служил на легендарном крейсере, который немецкая авиация в начале войны потопила прямо у причала Кронштадта. Об этой бомбежке и гибели корабля он часто и подробно рассказывал. Я дядю Антона уважал за то, что он настоящий моряк. У него на всю грудь была татуировка этого самого «Марата». Я мечтал, что, когда вырасту, обязательно сделаю такую же.

Мы всей семьей потащили нашего кабанчика Ваську из сарая на двор, где Антон Романович должен был его «усмирить». У него нож для этого дела был длинный и острый, завернутый в кусок бархата бордового цвета и засунут за голенище сапога.

Самогонка и бражка не таких валила с ног, даже если он моряк с «Марата». Антон Романович размахнулся — и мимо. Нож не попал в сердце. Васька как заверещит, как рванет, и ну убегать по огородам и виноградникам. Мы всполошились. Отец ругал нас за то, что плохо держали. И Антона Романовича за то, что у него уже рука не крепкая. А Антон Романович так спокойно, без суеты, попросил: «Филя, принеси ружье, я ему покажу, кто он такой». Отец бегом в дом, впопыхах схватил ружье и патронташ с патронами, принес Антону Романовичу. Тот на ходу зарядил ружье, и побежал, шатаясь, по винограднику догонять недорезанного Ваську.

Слышим, началась пальба, будто там не один кабан, а целое стадо. Отец догадался, в чем дело: в патронташе только патроны с дробью — на утку да на зайца. Такими зарядами нелегко завалить кабана. Я хотел взять картечь и сбегать отдать дяде Антону, но отец на меня как цыкнул: «Не видишь, человек пьяный. Он и тебя вместо кабана пристрелит!»

Стрельба стихла. Смотрим, идет Антон Романович с дымящимся ружьем. Подходит и говорит: «Ты не волнуйся, Филя,

все в порядке». Когда мы увидели нашего кабана, какой тут к черту порядок! Он весь побитый дробью — все сало свинцом нашпиговано.

Коротенький сон

6 мая 1991 года

40°28’ ю.ш., 115°35’ в.д.

С вечера начала погода портиться. Ветер заходит на встречный. Пришлось убрать все паруса и оставить только «носовой платок». Но в полночь ветер стих до полного штиля. Яхта перестала слушаться руля. Я закрепил его шкотами и лег спать. Хоть и мало спал, да и сон коротенький снился, но каждый такой сон наводит на воспоминания и раздумья. А снилось мне, будто пришел я в школу, где учился до восьмого класса. А в дверях — мои друзья из Сиднея, семья Гурьевых. Они приглашают зайти, а я стою и удивляюсь, как они оказались в нашей школе.

Эту школу построили, как только установилась Советская власть. Школа была добротная, из красного, прочного, еще царского кирпича. Я не видел, чтобы ее когда-либо ремонтировали, а стены стояли крепко. Все восемь лет, пока я учился, каждый год, а то и два раза в год менялись директора. Их ставили и снимали по причине и без причины, или они уходили сами. Школа стояла в самом центре деревни. Вокруг нее пустырь, заросший травой. На этом пустыре проводил занятия по физкультуре Виталий Маркович. Он был инвалид войны, контужен. Для него посильной работы в колхозе не нашлось, так его поставили физруком. Мы все любили этот предмет и самого Виталия Марковича. Занятия состояли из того, что, когда прозвенит звонок, он бросал нам мяч, и мы его гоняли, пока не закончится урок.

Ученая ворона

6 мая 1991 года

Ее я нашел птенцом, выкормил и приручил. Она жила у нас вместе с курами, в курятнике. Утром, только я беру свой портфель, ворона прыг мне на плечо, и мы с ней идем учиться. А если я не возьму ее с собой, так она прилетит и стучит клювом в окно нашего класса. Все знали, что это моя птичка. Учителя не ругали меня за то, что она у меня под партой сидит и ждет, когда закончатся эти мучительно долгие часы. Школьные уроки не

слишком меня отягощали. Если вдруг нам с вороной надоест сидеть, мы попросту можем уйти, не дождавшись конца уроков. А какие уроки? Если немецкий язык, так учительница, Нина Михайловна, сама не любила сидеть в классе. Она все водила нас на экскурсии: то на ферму, то в рыбцех, где солят, вялят, коптят рыбу. Или в колхозный сад, а то и просто по степи шататься. Перед очередным уроком гадаем, куда же нас немка сегодня поведет?

Учительница русского языка любила придумывать разные игры в слова. Бывало, дает нам задание — кто больше слов придумает на ту или иную букву. Тут я часто отличался и получал хорошие отметки. К примеру, на букву «г» — я тяну руку и выкрикиваю: «Гришка, гад, гони гребенку, гниды голову грызут». Вот тебе и хорошая оценка — можно несколько дней не бояться, что тебя спросят.

04:00. У меня сегодня двойной праздник. Мы прошли траверз мыса Ловин — это первое. А второе — два года назад, 6 мая, мы пришли на полюс. Правда, нас смогли вывезти только 9 мая — все эти дни мы искали посадочную полосу. Да погода была нелетная, стоял туман, было много воды.

05:20. Съел последнюю банку рыбных консервов. Все, больше у меня рыбы нет.

06:30. В школе учитель говорил, что если поедем или пойдем из одной точки, то все равно придем в ту же точку, из которой вышли. Потому что Земля круглая. Вот и мы с «Карааной» вышли из Сиднея, никуда не заходили, потому что нас нигде не ждали, и опять подходим к Сиднею. Значит, прав был учитель.

В сторону мыса Ловин, хотя до него 350 миль, кричу: «Привет!». Теперь слева у меня Австралия, и мы идем вдоль ее южного побережья. Нам предстоит от западной ее части пройти до восточной, и плавание завершится. Но это будет примерно через месяц.

Буревестник-хвастун

7 мая 1991 года

40°54’ ю.ш., 117°57’ в.д.

Давно я так не смеялся. Сегодня утром появился буревестник и начал кружить над нами. Ну кружит и пусть кружит, подумал я. Так нет, он подлетает к самому кокпиту, где я стою у руля, и с таким надменным видом смотрит на нас с «Карааной»: «Вот как я красиво парю в воздухе! А вы плететесь еле-еле», — это точно, он так подумал. По его морде, а вернее, клюву было заметно. Но тут

он оплошал. Расправил крылья, а они у него действительно красивые, и, паря, подлетел близко к наветренному борту яхты. Повернул свой красный нос и смотрит на нас. Мол, полюбуйся, какой я красивый. Паруса «Карааны» закрыли поток ветра, на котором он так легко и изящно держался, и хвастун в один миг шлеп вниз, да животом об воду. В испуге быстро взлетел и скрылся из виду. Хорошо ему досталось! Но, наверное, не от боли он улетел, а от стыда, что так опозорился. Я долго смеялся, аж живот заболел.

Загадка

7 мая 1991 года

09:00. Ветер не стихает — большую волну поднял. Включил радиостанцию. Давно она у меня не работала. Сидел и как попугай гундел в микрофон: «Олтейшин, олтейшин, олтейшин! Зис ис селин ет “Караана”». Что означает: «Всем, всем, всем! Внимание, внимание, внимание! Здесь парусный бот “Караана”». Но мои слова на неграмотном английском никто не слышит, и никому я не нужен. До берегов Австралии 350 миль, а то и больше. Не видать никаких судов, рыбаков здесь нет. Австралийцы словно рыбу не ловят. Да и вообще, посмотрел я на них: праздно живут. Никаких планов, никакой пятилетки за три года. Ничего не строят, я имею в виду строительство коммунизма, и перестраивать ничего не хотят. У нас же, в России, все, что строим, затем перестраиваем. А чаще свергаем власть и ставим новую. Вот это жизнь!

У них, у австралийцев, нет плавбаз, плавзаводов, как у нас. Мы ловим рыбу миллионами тонн, у нас множество рыбацких колхозов, совхозов, организаций и министерств. А рыбы нет. Где рыба? Большая загадка. Ну, допустим, хорошая рыба идет в Москву, в министерство. А где же плохая? Ее тоже нет. Да я и не поверю, что министры так много едят. Кто разгадает эту загадку?

А в Австралии рыбы везде навалом. Можно купить по низкой цене, и какую хочешь: и свежую, и мороженую, и вяленую. Очень у них интересно бывает на базаре, особенно утром. Много народа, а рыбы еще больше.

Волны-убийцы

7 мая 1991 года

22:00. «Вязать мои веники!» — вот и все, что я успел сказать,

когда на яхту неожиданно обрушилась волна. Я убирал стаксель на носовом штаге и только привязал и уложил его на палубу, как эта высоченная волна нависла над яхтой. Мне только и оставалось, что схватиться за штаг, чтобы не смыло за борт, и промолвить «вязать мои веники». Я ведь теперь читаю Евангелие и стараюсь не ругаться, а это выражение не брань, но душу облегчает.

Волна накрыла меня и прижала к палубе, нос яхты на целый метр ушел в воду, и ее развернуло на 90 градусов. Весь мокрый — полные штаны воды — добрался я к кокпиту, а оттуда в каюту. И только начал переодеваться в другую одежду — не в сухую, сухой у меня нет, да я и забыл, что такое сухое белье, — как снова удар, на этот раз с кормы. Непонятно, откуда взялись эти гигантские волны. Я их назвал волнами-убийцами. Они прокатились, и снова океан лишь слегка покачивает яхту.

День Победы

9 мая 1991 года
39°37’ ю.ш., 120°56’ в.д.

Сегодня мой отец наденет ордена и пойдет в центр деревни, где стоит памятник погибшим односельчанам. Из нашей деревни очень многие погибли на войне — почти половина населения.

Сегодня еще один для меня праздник: ровно год, как я достиг Северного полюса. 9 мая я пришел в точку полюса, на это ушло 70 дней беспрестанной борьбы со всем, что устраивала Антарктида.

08:00. Все смотрю и выискиваю судно. У меня такое чувство, что должен скоро появиться какой-нибудь корабль. Все-таки слева Австралия, цивилизация. Я сейчас мало читаю Библию, больше лоцию Австралии. Все решаю, как идти. Если через Бассов пролив — много опасностей. Огибать остров Тасманию — там тоже не меньше. Пока буду держать прямо на остров Кинг. Ближе подойду — там будет видно.

Так и случаются аварии

10 мая 1991 года
39°31’ ю.ш., 121°07’ в.д.

22:30. С самого Атлантического океана не видел пароходов. И вот сейчас, на восходе солнца, справа по борту в одной миле прошло торговое судно курсом на Бассов пролив. Я вызвал на аварийном 16-м канале рации. Прошелся по всем другим

каналам, зажег фальшфейер белый — наш, советский. Он недолго горит. Потом австралийский — тот горит в два раза дольше. Но эта махина медленно, без всякой реакции на нас с «Карааной», прошла — ее бортовые и кормовые огни скрылись за горизонтом.

Я представил, что там делается в штурманской рубке. Руль стоит на автопилоте. Вахтенный матрос, облокотясь на подоконник иллюминатора, спит. А вид такой, будто вперед смотрит. Штурман за штурманским столом дремлет. Рация отключена, чтобы не шумела. А если у штурмана сон или, вернее, дремота прерывается, то он не смотрит в иллюминатор на море и горизонт, а подходит к локатору. Воткнет лицо в экран и смотрит, как лучик чертит по кругу — нет ли там земли или парохода? А убедившись, что все спокойно, снова продолжает дремать. И ждать, когда кончатся эти томительные часы предутренней вахты.

Яхту локатор не берет, тем более, когда в океане большие волны, как теперь. А то, что я светил фальшфейерами, их тоже в локатор не увидишь. Чтобы увидеть яхту, надо выйти на крыло мостика и посмотреть. Но разве штурман выйдет из тепла на утренний холод! Сам ходил в море и все это видел. Я всегда поражался, когда заходил в штурманскую рубку: там накурено, жарко, душно, но не вздумай открыть двери, чтобы проветрить — сразу все кричат: «Закрой! Дует!»

Пришло на память, как мы у Гавайских островов ловили рыбу простипому. Шла перегрузка из нашего траулера на рефрижератор. В океане якоря не бросают, а просто пришвартовываются борт к борту и судовыми стрелами перегружают мороженую рыбу. Смотрим — идет танкер прямо на нас, не сворачивает. Все бросили работу — и мы, и на рефрижераторе. Отдали быстро швартовы и в разные стороны убегать, как цыплята от коршуна. А танкер курс не изменил, прошел прямо по тому месту, где мы несколько минут назад были. И с нашего траулера, и с рефрижератора стреляли ракетами, давали сигналы гудком. Но никто на танкере не отозвался и не вышел посмотреть. Так и случаются аварии.

В кругосветку ходят даже семьями?

16 мая 1991 года
40°07’ ю.ш., 130°06’ в.д.

04:00. Где же суда торгового флота? Уже прошел половину побережья Южной Австралии, а их не видно. Обыватели думают, что везде есть люди, и если что случится, то тут же придут на помощь. Это мне часто говорили и в связи с походом на Северный

полюс. Мол, что туда ходить, если самолеты висят над головой и сбрасывают завтрак и ужин. А мой друг Миша Поборончук всем и всюду трубил, что в кругосветку ходят даже семьями, и что, мол, это очень легко и безопасно. Я не знаю, где ходят семьями. Здесь я что-то не видел. Тот ураган, который мы с «Карааной» прошли в Южном океане, не выдержало бы и большое судно. Его бы, как спичку, разломало. Оттого они и не ходят этими путями. А многие полагают, будто сейчас настолько прочные конструкции судов, что обеспечивают полную безопасность при любой буре в мировом океане. Такое мнение можно высказывать, только сидя в уютном кресле перед телевизором.

Где же корабли?

18 мая 1991 года

22:00. Светает. Ветер слабый. Поставил большую легкую геную. Я считаю, что во времена парусного флота кораблей было больше, чем сейчас. С 5 мая иду вдоль Австралии, а их нет. Вокруг света обошел, а встретил только пять-шесть пароходов. У меня возникает вопрос: зачем я брал оружие от пиратов? Что пиратам делать в такой глуши, там, где нет для них добычи? Если бы они здесь плавали, то наверняка с голоду вымерли бы и забыли бы свое ремесло, как брать корабль на абордаж.

Восхитительный восход

19 мая 1991 года

41°32’ ю.ш., 135°10’ в.д.

22:00. Сегодняшний восход солнца невозможно описать. Просто нет таких слов. Небо чистое-чистое, без единой тучки. И солнце прямо из океана вышло, его лучи так засверкали по гладкой воде, что смотреть невозможно.

Метод Стефансона

21 мая 1991 года

41°55’ ю.ш., 133°30’ в.д.

01:00. Читаю, а вернее, в который уже раз перечитываю «Гостеприимную Арктику» Вильялмура Стефансона[99] и нахожу в его книге много интересного и поучительного. Этот полярный исследователь начала XX века провел в Арктике с десяток

полярных зим и еще больше летних сезонов, причем в течение пяти лет находился в Арктике постоянно. Он на практике доказал, что, используя опыт эскимосов, и европеец вполне может там выжить за счет охоты и рыбалки.

Он считал, что путешественник должен рассчитывать в основном на охоту и не брать с собой большой груз. Я согласен с ним в одном случае: если эти путешествия будут недалеко от земли или каких-нибудь островов и в весенне-летнее время, когда над Арктикой нет полярной ночи.

Вильялмур Стефансон, несомненно, великий полярный исследователь. И я преклоняюсь перед ним и его открытиями. Но замечу, что его экспедиция проходила недалеко от берега земли, и он дошел по дрейфующему льду Баффинова моря[100] только до 74-го градуса северной широты. И когда Стефенсон и его спутники на этой широте не увидели тюленей, то поспешили идти на юг (так он пишет в своей книге), и в этой же книге он упрекает Ф. Нансена и Р. Пири и других путешественников в том, что они тащили много груза на санях и не охотились на тюленей, которых здесь, по его мнению, должно быть много. В этом случае я не согласен с ним. Пири стартовал к полюсу с 83-го градуса северной широты и ранней весной, когда еще стояли большие морозы, и было мало открытой воды, где могли бы жить тюлени. Это во-первых, а во-вторых, партия Пири спешила к полюсу, и им некогда было останавливаться и выслеживать подолгу у каждой полыньи, пока покажется тюлень. И само расстояние говорит в пользу Пири, он быстро прошел 100 миль.

А Стефенсон за 36 дней — только 500 миль. Потом Стефенсон шел со своей партией вдоль земли. У них осталось мало пищи и собак. Они ушли по направлению к берегу, а там, конечно, можно наверняка добыть тюленя или медведя. Чего нельзя сказать о Пири и Нансене. Оба эти исследователя были далеко от земли, и они надеялись только на те продукты, которые везли с собой. Их решение было правильным. Да и в тех экспедициях, в которых я участвовал, мой одиночный поход на Северный полюс убеждал меня в том, что средства, выбранные Нансеном и Пири, верны.

Книгу «Гостеприимная Арктика» я читал еще задолго до того, как попал первый раз на север. А потом после возвращения из каждой экспедиции я ее перечитывал и анализировал. И пришел к выводу, что если я снова буду путешествовать на севере вдоль побережья, то, несомненно, буду использовать метод Стефенсона. Но если пойду к полюсу или задумаю совершить трансарктический переход, то буду придерживаться опыта Р. Пири, Ф. Нансена, Д. Шпаро, В. Чукова.

Гыданская тундра[101]

21 мая 1991 года

В 1987 году я, мой брат Павлик и Сережа Вилков перешли пешком болота Гыданской тундры от реки Обь до Енисея. В этой экспедиции мы жили по методу Стефансона, и он себя оправдал.

При выходе из Салехарда мы взяли с собой из продуктов только 2 килограмма сахара, две булки хлеба, две большие пачки индийского чая «со слоном» и восемь пакетов вермишелевого супа. И вот с таким «запасом» продуктов мы отправились в 1200-километровый поход, который длился с 20 мая по 5 августа. Помимо всего снаряжения, палатки, лодки и т. д. у нас было двуствольное ружье 12 калибра, к нему 50 патронов с латунными гильзами, пачка пороха «Медведь» и полпачки «Сокола», а также полтора килограмма дроби, десяток пуль «Жакан» и много капсюлей.

Мы полагали, что все равно нельзя взять достаточно продуктов на такой большой путь. Да и тяжело их нести, когда под тобой болотная трясина вся колышется. Бывало, целыми днями мы шли по колено, а то и по пояс в холодной воде.

В этой экспедиции мы питались тем, что попадется по пути. В сторону от намеченного маршрута, чтоб охотиться, мы не уходили — у нас было ограниченное время. В первые дни было трудно добыть что-нибудь на ужин, так как еще стояли холода и перелетные птицы не прилетели в тот район, где мы шли. Наши желудки были пусты — только изредка попадалась какая-нибудь птичка или зверьки типа колонка[102], хоть мясо последнего имеет сильный и неприятный запах. Но мы не обращали на это внимания. Но потом, как только тундра зацвела, настали беззаботные дни — всегда у нас на ужин было две-три утки и столько же куропаток. Это была самая интересная экспедиция, в которой я участвовал. Мне и сейчас хочется вернуться в те болотистые края.

Был случай, когда я увлекся погоней за чуткими гусями и не заметил, как они завели меня далеко, в лабиринты небольших озер. А когда все патроны расстрелял, а их у меня было только семь, я потерял ориентир. И кружил я часов пять от одного озера к другому — никак не мог найти насыпь, по которой мы шли. Погода стояла пасмурная, солнца не было. К счастью, на берегу небольшой речки набрел на деревянный крест из лиственницы. Надпись на кресте было не разобрать — время и ветер стерли. Но я вспомнил, что если встать лицом к надписи на кресте, то перед тобой будет восток. Возле этого своеобразного компаса я начал вспоминать, каким примерно курсом мы шли. Мы шли на северо-

восток. Когда я уходил на охоту, то спустился с насыпи налево и за все время не пересекал ее. Таким образом я вычислил, куда мне идти, чтобы наткнуться на насыпь, а уж там, по нашим следам, я доберусь до лагеря.

Так я и сделал и к утру пришел к палатке, в которой крепко, ни о чем не подозревая, спали мои друзья.

«Движение к цели есть сама цель» — гласит буддийская мудрость.

Вот сейчас я завершаю одиночное плавание вокруг света. Я не ставил себе задачу жить тем, что пошлет океан. Перед выходом в плавание я взял продуктов на весь срок и даже чуть больше. А воды я взял чуть меньше — с расчетом на пополнение запасов за счет дождей. Так и вышло: дождевая вода у меня всегда была.

Я не говорю, что в океане нет рыбы. Если бы я пытался ее поймать, то пришлось бы чаще останавливаться или выбирать маршрут, где она водится в большом количестве. Но тогда плавание длилось бы не семь месяцев, а намного дольше. Может, в дальнейшем кто-то из яхтсменов и поставит себе такую задачу. Это будет интересно.

Абсолютная тишина

21 мая 1991 года

21:00. Начало всплывать солнце из-за горизонта — большое, можно даже сказать огромное. Я еще не видел, чтобы наше светило было таким. Оно так засветило, что у меня на миг возникло опасение, что закипит вода океана. Мне в эту минуту хотелось, чтобы рядом была моя дочь Таня — у нее очень сильное чувство прекрасного. Оскар — тот рационалист. Он не будет заниматься искусством, ему больше подойдут точные науки. Но это тоже неплохо. Главное, чтобы он был человеком не по происхождению, а по сути. Все мы люди, но на иного посмотришь — душа у него и все выходки похуже, чем у последней скотины.

22:00. Так, наверное, люди и сходят с ума. Стоит абсолютная тишина: ничто не шумит, не плещется. Даже паруса, и те не шелестят, и блоки не скрипят.

К нам подсели два буревестника. Им тоже без ветра тяжело летать. Бросил им несколько кусочков сухарей, но они взяли в клюв и тут же выбросили. Значит, им сухари не нравятся или не по зубам. Точно так же было с канадскими ребятами перед трансарктическим походом. Мы тогда тренировались на ледниках Тянь-Шаня[103]. Наши сухари («стратегический материал») настолько крепкие, что у Жака Буфара сломался передний зуб. Он

был расстроен и говорил, что русские сухари сломают иностранцам не только зубы, но и еще что-нибудь.

Косатки[104] обнаглели

22 мая 1991 года

00:10. Океан начал дышать, потянуло с норд-оста легким ветерком. Поставил геную. Яхта тронулась с места и взяла курс на Бассов пролив. Справа, метрах в ста, прошли три кита в том же направлении, что и мы. Альбатрос появился и крутился возле «Карааны».

07:00. Снова штиль, снова паруса висят, «Караана» стоит на месте. Что за напасть!

22:00. Ночью пришлось выпустить две ручные ракеты в косаток. Мало того, что они подплыли под самый борт «Карааны», так давай еще под нее подныривать, потом начали играть друг с другом или мне свои фокусы показывать. Одна или две косатки отойдут подальше, потом наберут скорость и возле носа или возле борта яхты становятся почти на хвост, а затем с шумом падают на спину — брызги разлетаются во все стороны и меня окатывают с ног до головы. Запустить двигатель я не решался из-за слабых аккумуляторов: ночью-то солнца нет, чтобы подзарядить. Я взял да и выпустил в них одну ракету.

Смотрю — они среагировали на нее. Дело в том, что огонь от ракеты горит даже в воде. Больше не стали выпрыгивать из воды. Ну я для верности еще одну пульнул. Тут косатки потихоньку рассеялись в разные стороны. На них красиво смотреть в аквариуме, но не возле борта яхты.

Район ракетных стрельб

22 мая 1991 года

22:30. Подбираю карты на юго-западный вход в Бассов пролив, думаю, с Божьей помощью я дойду. Лоция[105]рекомендует смотреть за цветом воды и бурунами над подводными рифами. С низкой палубы яхты сложно заметить меняющийся цвет воды, да и буруны, особенно если будет темная ночь. Кроме того, на карте предупреждение: «район учений морской авиации». Вот тебе пожалуйста — еще одна неприятность.

Хотя у австралийцев армия слабо вооружена, да и по численности небольшая, я не сомневаюсь, что разбомбить

«Караану» они смогут. Видел я их военный флот, он стоит в самой бухте Джэксон[106] — несколько старых кораблей и подводных лодок. Такое старье нам было бы стыдно показывать людям, а они не стесняются.

Я спросил у друзей, почему военных не уберут из города и бухты, где много иностранных судов? Мне ответили, что тогда придется строить военную базу, а это дополнительные расходы. Да и военным удобнее жить в городе. Думаю, что это соображение более всего удерживает их в Сиднее.

Огненный шар

23 мая 1991 года
41°42’ ю.ш., 140°46’ в.д.

07:30. Мне казалось, что после плавания я буду рассказывать только о штормах, как они нас испытывали. Но сейчас штиль испытывает нас похлеще шторма. Ветра нет. Солнце ушло за горизонт, мы стоим почти что на месте.

Если бы не бодрые голоса австралийских дикторов и не веселые песни по радио, то я бы решил, что произошла какая-то катастрофа и люди всего земного шара погибли. Мы уже почти воткнулись в Тасманию, но ни одного парохода, ни одного самолета — все мертво, все!

21:00. Если так будет каждый вечер, то мы останемся без пиротехники. Только стемнело — снова появились косатки. Я не стал ждать, когда они подойдут к борту. Достал фальшфейер и осветил океан. Целое стадо косаток шло по направлению к боковому проливу. Что у них там, гнездо? Или их там медом кормят? Чего они туда так и прут?

С вечера не было ветра. Лег спать, спал два часа, снился мне сон, будто мы с моим товарищем Васькой покупали лошадей, потом на них куда-то ехали или от кого-то убегали. Проснулся и стал ждать ветра. Я знаю, это уже проверено: если снятся лошади, то это к ветру. Долго ждать не пришлось: услышал слабый шорох в гроте. Ветер подул точно с нашего курса, куда нам надо было бы идти. Поставил большую геную и штормовой стаксель. Делать нечего, пошли вдоль Тасмании на север. Надо выбрать те мили, которые мы потеряли в предыдущие дни, когда нас несло на юг.

22:30. Вчера вечером было небо звездное, ветра не было, я вышел на палубу, т. е. в кокпит. А там я себе сделал сиденье возле штурвала. Конструктор яхты не предусмотрел, что если стоять у руля по 10–15 часов, то ноги устают, а я сделал просто фанерную крышку от рундука, просверлил и через дырки

протянул веревки, оба конца закрепил на утках правого и левого борта. Ну, одним словом, как качели делал, только сильно натянул. Она-то и служит мне сиденьем. Я часто ложился на нее — спина на этой фанере, голова на лебедке, а ноги упираются в противоположную лебедку — и лежу покачиваюсь, как в гамаке. Так было и вчера, лежал и рассматривал звезды, искал на Млечном пути что-нибудь необычное. А потом увидел, как пролетает спутник, и подумал, не тот ли это спутник, который дает координаты. В душе поблагодарил его за помощь, которую он нам оказывает. А может, это космическая станция, и там живут люди. Чем они занимаются, о чем думают? Какие у них мысли? И тут же я заметил, что вот уже 30 лет люди летают в космос. Но я ни разу не читал дневник космонавтов. Читал о том, что они делают в космосе, какая техника, но их откровенные мысли, сны, философские рассуждения, мечты, да мало ли что, мне хотелось бы узнать.

Плохо, что нет Валеры Кондратько, я бы его попросил, чтобы он меня познакомил с кем-нибудь из космонавтов. Или нашел такую книгу, может, уже издан дневник какого-нибудь космонавта, только я его не видел.

А еще, когда смотришь в небесную высь, то мысль всегда окутывает какая-нибудь тайна. И хочется, чтобы что-то случилось, ну, к примеру, прилетел корабль инопланетян. В своем воображении я рисую его силуэт и существа, которые летают на нем.

И даже представил такую картину. Я сижу в каюте, читаю или пью чай, и входит ко мне этот самый инопланетянин. Что бы я ему сказал? Ну, конечно, перво-наперво я бы поздоровался с ним, а дальше что? Непонятно. Снова вспомнил те три случая, которые напоминают о неземном. О первом я писал, когда яхта «Чукотка» была на острове Медном. А вторая встреча была ровно через год. Мы возвращались из Провидения на той же яхте «Чукотка» домой, во Владивосток.

Мы зашли в бухту Гавриил — эта бухта находится на юге Чукотки. Стали на якорь недалеко от берега. Мы с Леонидом Константиновичем отправились в тундру охотиться на рыбу. Именно охотиться, а не ловить, как принято. В мелких речках рыба горбуша идет на нерест, и когда проходит пороги, то ее спина выглядывает из воды. Тут мы и стреляем из ружья. Один стоит ниже, убитую рыбу течение подносит к нему. Настреляли мы этой самой горбуши, а она большая и тяжелая. Мы ее принесли на яхту.

Наступает вечер, хотя на севере ночи нет, а просто стоят вечерние сумерки. Солнце идет за горизонт и через два-три часа

снова всходит. Все легли спать, а я решил почистить рыбу и поджарить ее, чтобы в море с ней не возиться в качку и болтанку.

Погода тихая, чуть дует вечерний бриз. Сижу в кокпите, чищу рыбу. На меня нашел страх, что-то начало тревожить.

Я доверяю своим чувствам, то есть тому чувству, которое в народе называют шестым. Так вот, в этот раз я понял, что что-то не так. Подумал, может, кто возле борта яхты появился, обошел по палубе, заглянул под транец и форштевень, никого нет. Проверил по пеленгу мысов, не сносит ли «Чукотку» на берег. Нет. Якорь держит добротно. Спустился в каюту, проверил под паелами, не течет ли вода. Тоже все хорошо, все спокойно, только храп раздается от спящих ребят. Продолжая работу с рыбой, я сидел в кокпите спиной к морю, лицом к берегу. И вдруг я почувствовал да и увидел свет, яркий свет за моей спиной. Оборачиваюсь, а там висит в воздухе большой огненный шар, и от него исходят лучи. И слышно такой потрясающий шум. Но что меня больше всего поразило, так это то, что с этого самого шара падали горящие капли. До воды не долетали и гасли. Можно сравнить с горящей пластмассовой расческой. Когда она горит, от нее горящие капли падают на землю. Только шар был большой. Правда, сложно точно сказать о его размерах, так как он висел на фоне чистого неба и моря, и не было ничего, с чем можно было его сравнить, хоть бы эти горящие капли упали в море, я бы увидел, на каком расстоянии от меня они упали. Я начал кричать и поднимать команду, но это длилось не больше минуты, а потом медленно, с треском огненный шар ушел на север и скрылся за горами.

23:30. «Я балдею» — так всегда выражался Валера Кондратько в те моменты, когда чему-то удивлялся. Так я и сейчас балдею, оттого, что давно не вижу ни кораблей, ни судов, ни рыбацких сейнеров или как их называют в Австралии, я не знаю.

Идем вдоль Тасмании, а все кругом мертво, и вокруг ни души. Такое зло появляется на людей. Мы привыкли жить, как жуки в куче навоза, эти жуки живут и дальше своей кучи ничего не видят и не слышат. Так и люди, собьются в один город и там давятся, дерутся. За клочок, а вернее, за квадратный метр земли. За этот метр пытаются перегрызть глотку ближнему. Всем тесно, но никто не уйдет из этой кучи, все отстаивают и отвоевывают свое место. Не то что я сейчас сильно хочу домой. Нет, мне больше всего хочется сообщить о себе и о том, что мы пока живы. Так как знаю, что голова у Леонида Константиновича, наверное, вся уже поседела. Ему там во Владивостоке достается от всех. Он мой учитель, он мой капитан, и только он одобрял мое плавание,

а больше никто из яхтсменов. Да и семья моя, наверное, переживает, особенно Таня, я бы не хотел, чтобы она плакала. Но судьбе приятно меня испытывать и терзать души моим близким.

Все я уже примеряю и прикидываю до финиша. Даже сахар насыпал в банку, у меня пластмассовая банка, там я храню сахар, которым пользуюсь для кофе и чая. Так вот, насыпал эту банку и подумал, может, мне этого сахара хватит до Сиднея, и больше не буду распаковывать новый мешок. Дай Бог.

Идем вдоль Тасмании

24 мая 1991 года

До входа в Бассов пролив осталось 120 миль. Сейчас мы приближаемся к острову Кинг[107] с запада. Лоция предупреждает, что в туманную или мглистую погоду надо особенно соблюдать осторожность и чаще измерять глубину. Многие суда терпели аварии и тонули в районе острова Кинг. Сейчас решил лечь спать, чтобы ночью быть все время на палубе. Уже, наверное, не придется мне расслабиться. Приближается берег, там все опасности.

07:00. Как погода быстро меняется! Вот уже «Караана» несет штормовые паруса. Плохо, что ветер встречный. Неужели я допустил ошибку, что пошел в Бассов пролив, а не вокруг Тасмании?

21:30. У меня нет хороших парусов. Сейчас ветер слабый, но большая зыбь. Генуя не стоит, она рвет такелаж, а мои штормовые стаксели слишком малы, чтобы тянуть яхту. Были бы сейчас стаксели чуть побольше, тогда было бы в самый раз. Но их нет. А все из-за того, что не было лишних долларов, чтобы заказать у опытного парусного мастера хороший комплект. А те, что у меня, плохо стоят — их шил молодой парень из Сиднея.

22:30. Зашли в Большой Австралийский залив[108]. Глубина под килем 2472 метра. Ветер стихает, но стоит большая толчея. Чувствуется, что здесь течение сильное и с разных сторон.

Хочется включить двигатель и идти к входу в пролив, но этого делать нельзя. Очень мало соляры, ее надо беречь на крайний случай. Впереди много островов и рифов. Если я туда зайду и не станет ветра, вот тогда и придется надеяться на дизель.

Неудачи

25 мая 1991 года

39°57’ ю.ш., 142°40’ в.д.

01:00. Мы в Большом Австралийском заливе.

05:30. Идем галсами. Ветер не дает войти в Бассов пролив. Видимость плохая.

22:00. Прошедшая ночь мне показалась очень долгой. Как я ни пытался завести «Караану» в Бассов пролив, не получалось — то ветер встречный, то совсем штиль, и нас уносило от входа.

Утро, но видимость плохая. Снял большую геную — она порвалась у нижнего карабина. Сейчас выпью кофе и буду зашивать, а пока стоят два штормовых стакселя. Если бы не туман, я должен был бы уже видеть остров Кинг. Может, дай Бог, сегодня и увижу землю, я ее не видел с 31 декабря.

23:30. Генуя готова к работе, но сейчас ее ставить нежелательно. Сейчас главное — терпение и трезвая оценка ситуации. В тумане легко сделать ошибку, но очень сложно ее исправить.

Увижу землю — приму стопочку

26 мая 1991 года

39°24’ ю.ш., 143°42’ в.д.

02:30. Пока все идет хорошо, ветер чуть ушел влево, мы идем ровно в пролив. Земли я еще не вижу, но, чтобы отметить это событие, уже достал из рундука початую бутылку водки. Сегодня 210 дней как мы в плавании, и 146 дней от мыса Горн, где я видел землю — острова Диего-Рамирес.

04:00. Туман рассеялся. Я кричу, я плачу, слезы не дают рассмотреть мыс Уикем острова Кинг. Мы проходим в 15 милях от него. Это то, что надо. Мои расчеты подтвердились.

05:00. Слева открылся мыс Отуэй — это уже Австралия, материк.

«Караана» входит в Бассов пролив. Позади остались три океана. Мне кажется, что все это не я сделал. Не верится, что это мы с «Карааной» прошли. И только мои потрескавшиеся руки и сорванные шкотами ногти, да побитые борта и порванные ванты «Карааны» подтверждают это.

Песни с дельфинами

26 мая 1991 года

21:00. Какая досада! Как только вошли в Бассов пролив,

ветер скис — всю ночь штиль. Сейчас рассвет. Вода гладкая, ни одной морщинки. Мне кажется, дома Азовское море никогда не было таким ровным, без ветра.

Вечером настроение было паршивое, злость разбирала, что нет ветра. И тут слышу: писк и всплеск за бортом. Выглядываю — там дельфины окружили «Караану». Я не стал на них смотреть, спустился в каюту, но они так пищали и прыгали, что заставили меня снова выйти и смотреть на их игры. Дельфины такие безобидные и потешные. И снова мне захотелось, чтобы все это увидела Таня. Если попаду домой, то буду Танюшу просить, чтобы она сочинила музыку на тему «Дельфины» и написала о них рассказ.

Смотрел, как дельфины прыгают и ныряют под яхту. Я все боялся, что они головой врежутся в фальшкиль. От их резвого и веселого настроения у меня и злость прошла на ветер. Я начал им петь песни. Погода тихая, голос далеко разносится. Пел песни всякие: и про море, и про любовь, но в основном о Магадане и о Воркуте, то есть блатные. И мне так показалось, что дельфинам больше нравятся блатные песни, чем о любви. Жаль, что они не могут говорить. Я представлю, как бы мы все вместе запели блатные песни. У всех жителей моря уши бы завяли.

21:30. Взошло солнце, но оно меня не радует. Небо чистое-чистое, нигде ни облачка, полный штиль. Даже альбатросы не могут летать — сидят и тоже ждут ветра. Под килем 60 метров. Здесь, наверное, много рыбы. Только что подплыла парочка морских котиков. Очень красивые, а дышат так: пху-пху. Я раньше думал, что акулы могут схватить птицу, сидящую на воде. А сейчас наблюдал, как акула плавает — плавник большой торчит из воды — возле самых альбатросов и не трогает их.

23:30. Волнующий момент был, когда я достал якорь и якорный канат из трюма и закрепил на штатном месте по носу. Якорем я не пользовался все это время, а сейчас решил приготовить на всякий случай — вдруг приливом потащит к берегу.

«Он бежит себе в волнах на раздутых парусах…»

27 мая 1991 года
39°21’ ю.ш., 144°28’ в.д.

04:30. Нас уже совсем не считают за живых существ — альбатросы чуть не садятся на голову, не считая того, что гадят на палубу.

08:30. Уже ночь, ветра нет, спустился туман, сырой, но

теплый. Вода не колышется, неужели здесь все время так?

21:00. Я доволен, что сумел уснуть на один час. Для меня этого достаточно на сутки. Уже рассвет. На фоне неба, где должно всходить солнце, видны острова.

Ночь была неспокойная и интересная. С вечера начал работать вечерний бриз. Потом снова штиль. Через два часа подул ветер, но дул шквалами. Так что мне пришлось поработать — то убирать геную, то ставить. А к утру установился устойчивый ветер.

«Караана» идет левым бейдевиндом 5–6 узлов. При шквалах скорость доходила до 9 узлов. Непривычно видеть, как яхта бежит с такой скоростью, одетая во все паруса. Там, в океане, если у нас и была такая скорость, то стояли штормовые паруса, была большая волна. А здесь волны нет, и яхта скользит, как по озеру. Почему нельзя было ночью расслабиться? В Бассовом проливе интенсивное судоходство, здесь стоят буровые вышки — добывают нефть. Одну такую вышку мы прошли милях в пяти. Я связывался по рации на 16-м канале, но бесполезно. Там, на вышке, люди заняты своей работой, им не до рации. Затем через наш курс прошел паром. Снова никто не ответил на мой запрос. После парома шли два судна, и тут я уже решил зажечь фальшфейер, белый столб, чтобы привлечь внимание. Но и они проигнорировали нас.

21:30. Показалось солнце, все в малиновом цвете. Впереди по курсу острова и рифы. Они разбросаны в шахматном порядке. Я боюсь, что нам придется их проходить ночью, и тогда будет сложно решить эту «шахматную задачу».

22:00. Выпил кофе и снова читаю лоцию. Тем временем к борту «Карааны» подплыла маленькая нерпа, серенькая, очень красивая и смешная. Подлетел буревестник с черным носом. У всех его собратьев носы оранжевые, а у него — черный. Я у него спрашиваю: «Где ты так вымазался, куда свой нос совал?» Улетел и даже не оглянулся. Значит, понимает, что я его стыжу.

У меня радость

28 мая 1991 года

04:00. Я смог передать о нашем местонахождении в Сидней. Встретился большой сухогруз, иностранец. Сначала я его вызывал по рации. Он не ответил. Тогда я зажег дневной фальшфейер — дым оранжевый. Но снова тишина. Я уж подумал: может, моя радиостанция не в порядке? Решил пойти на крайние меры — запустил в него зеленую ракету. Тут сразу услышал голос. Я

передал все о себе с просьбой сообщить в Сидней. Получил ответ «окей».

Какая прелесть наблюдать в бинокль землю. Все-таки Австралия — красивая страна. Сейчас я вижу полуостров Вильсон-Промонтори[109]. Горы высокие, мне захотелось на них залезть. Строю планы велопробега: команда Австралии и Советского Союза, один этап — по Советскому Союзу, другой — вокруг Австралии.

Думать о хорошем

29 мая 1991 года
39°03’ ю.ш., 146°53’ в.д.

Идем к выходу из Бассова пролива. Хорошо, что ночью я проводил «Караану» через его северо-восточный выход. Темно, ничего не видать. А вот сейчас посмотрел: скалы, рифы, острова с островками. Как всегда, по закону подлости, мы подошли к самому опасному участку на закате солнца. Как прошли, одному Богу известно. Не ночь, а какой-то кошмар.

10:30. Пароходы — их как будто прорвало — прут один за другим, то в пролив, то из пролива. А мы сейчас как раз находимся на середине фарватера. Я уже больше с ними не связываюсь по радио, потому что меня догнал наш советский контейнеровоз Балтийского пароходства, из Ленинграда, и я хорошо с ним поговорил. Название судна — «Анатолий Васильев». Капитан сам написал телекс во Владивосток, в Дальневосточное пароходство, и еще обещал сообщить в Сидней. Они как раз шли туда. Как спать хочется, прямо глаза слипаются. На кофе уже смотреть не могу. Но дремать нельзя, пока не пройдем фарватер.

12:30. Все-таки смог выкроить время и уснуть на 20 минут. Сейчас чувствую себя нормально. Конечно, этого сна мне на сутки не хватит, но часов на 5–6 меня хватит, чтобы работать с парусами и вести «Караану» домой. Ветер встречный, идем галсами, под килем глубина 45 метров. От этого волны короткие и такое ощущение, что идем по мостовой — сильно бросает.

После вчерашней ночи все болит, как будто я не на яхте проходил скалу Крокодайл, а с живым крокодилом дрался. Хочется скорее забыть все, что пережил за эти последние часы. Надо думать о хорошем, о том, что скоро выйдем в Тасманово море. А там, через 200 миль, мы с «Карааной» завершим полный оборот вокруг Земли.

Мышеловка

30 мая 1991 года

38°49’ ю.ш., 147°19’ в.д.

10:00. Между Тасманией и Австралией сужение — Бассов пролив. Вот туда и дует ветер, да так дует, что не дает нам выйти. Вот уже третий день, а мы почти что на месте. Продвинулись всего миль на 30, но зато избороздили вдоль и поперек весь выход из пролива. Однако все равно надо как-нибудь выбраться из этой мышеловки.

17:30. Как приятно убирать в каюте и готовиться к встрече гостей. Достал флаги. Один — государственный, Советского Союза. Второй — Австралии. Третий флаг — Николая Константиновича Рериха «Мир через культуру». Я с ним два раза ходил на Северный полюс и вот обошел вокруг света. И четвертый флаг — ДОСААФ. Это Азик дал мне его. Он под этим флагом ходил на яхте по Днепру, когда жил в Киеве.

Поспал полтора часа, чувствую себя бодро.

День закончился, солнце спряталось, наступает ночь. Ветер не меняет направление. Осталось пройти два градуса, и мы замкнем круг вокруг Земли.

Весточка домой

31 мая 1991 года

38°49’ ю.ш., 148°41’ в.д.

09:30. Ну и ночка! Такую ночку не желал бы я еще хоть раз пережить. Здесь все время смотри и не расслабляйся. Прошли район, в котором стоят несколько буровых вышек. Много встречных судов. Одно хорошее было в этой бурной ночи: встретил танкер «Уссурийск» из Находки Приморского морского пароходства. По голосу штурмана я понял, что он очень добрый человек и хороший моряк. Он записал и обещал передать три радиограммы. Одну — во Владивосток, в Дальневосточное морское пароходство. Вторую — в Сидней. И третью, частную — в бухту Врангеля, моей семье. Но сначала я спросил разрешение на ее передачу. Он с удовольствием сказал: «Диктуй!» Хорошо, что встретился этот танкер.

Финиш!

6 июня 1991 года

36°00’ ю.ш., 150°56’ в.д.

09:00. Ветер попутный. Скорость яхты 3 узла. До Сиднея осталось 120–130 миль.

17:00. Вижу мыс Перпендикулярный. Это последний мыс, сильно выступающий в море, за ним бухта Джэксон.

18:00. Из-за туч не видать, как солнце садится за горизонт, но все небо окрасилось в нежно-сиреневый цвет.

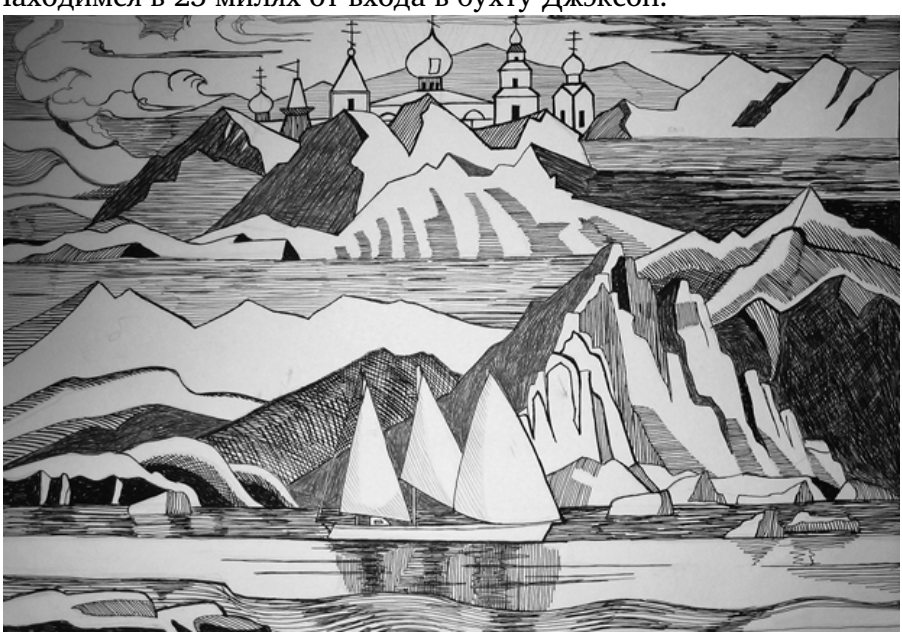
7 июня 1991 года

34°53’ ю.ш., 150°56’ в.д.

13:15. Уже полтора суток я не сплю и, думаю, до конца плавания так и не смогу хотя бы минут 20–30 поспать. Еще не принимал, но положил в карман таблетки от сна. К вечеру начну их принимать. Ветер встречный, очень резкий. За вчерашний день мы постепенно подошли к суше. Я думал, что возле берега ветер к вечеру поменяет направление. Но когда подошли, то он не только не поменял, а наоборот, еще сильнее задул, и вдобавок ко всему встречное течение 3–4 узла.

8 июня 1991 года

Я уже двое суток не сплю, но не могу подойти к Сиднею. Ночью был шторм, нас чуть не выбросило на берег. Кое-как удалось уйти от скал. Но за это пожертвовал уже пройденными милями. Шторм прошел, ветер совсем скис, а зыбь большая. Находимся в 25 милях от входа в бухту Джэксон.



У берега

8 июня 1991 года в 12 часов 45 минут Федор Конюхов пересек воображаемую финишную линию в бухте Джэксон, близ набережной знаменитого Сиднейского оперного театра (Sydney Opera House), и завершил кругосветное плавание за 224 дня 7 часов и 25 минут.

Глава 4
Эверест — птица, взлетевшая выше других птиц

Здесь, в горах под Эверестом, много думается: о Боге, о человеке и его душе.

Федор Конюхов

Первое восхождение на Эверест Федор Конюхов совершил 14 мая 1992 года

Высота — 8848 метров над уровнем моря

Величественные Гималаи

15 марта 1992 года.

Гималаи. Высота 2900 метров

Погода ясная, солнечная. Ждем наш груз из Джери, но самолета пока нет.

Утором мы с Женей Виноградским прошлись по тропе в горы. Гималаи впечатляют своим величием. Мы нашли хорошее место на солнышке, закрытое от ветра, и решили позагорать.

Мы сидели и созерцали окружающий мир. По тропе проходили дети, несущие в корзинах дрова. Они шли босые по камням, но не унывали, а наоборот, смеялись и пели. Я все время удивляюсь простоте непальцев и их доброжелательности.

Наш маршрут будет пролегать через ледник Кхумбу[110], через Южное седло. Промежуточные высотные лагеря организованы на высоте 6100 (лагерь № 1), 6800 (лагерь № 2), 7500 (лагерь № 3) и 8000 метров (лагерь № 4).

Гора, которая выше всех на свете

23 марта 1992 года

«Ом мани падмэ хум» — это слова из таинственной молитвы

буддистов. Дословно они означают «драгоценный камень в цветке лотоса». Тибет — священная страна. Лхаса[111] — святыня Тибета. Каждый буддист мечтает попасть туда раз в жизни. Буддисты говорят: если ты не побывал в Лхасе, то твоя жизнь на земле ничего не стоит.

Эверест, или как его еще называют, Джомолунгма, Сагарматха, Джумулангфен, достигает высоты 8848 метров. Трехгранная пирамида, состоящая в основном из осадочных отложений, расположена в хребте Махалангур-Гимал (Кхумбу-Гимал) на границе Восточного Непала. Координаты 27°59’ с.ш., 86°56’ в.д.

Название Джомолунгма («Богиня-мать земли»), устно бытующее в Тибете уже в течение многих столетий, впервые нанесено на карту в 1717 году в Пекине французским миссионером-иезуитом. Официальное непальское название — Сагарматха (в переводе с санскрита — «Небесная вершина») — принято в 1965 году. Геодезической службой Индии гора обозначена как пик 15. В 1852 году она была признана высочайшей вершиной земли.

В 1856 году в честь Джорджа Эвереста, руководившего британской геофизической службой в Индии с 1823 по 1843 год, Джомолунгму назвали Эверестом. Главная вершина впервые покорена 29 мая 1953 года новозеландцем Эдмундом Хиллари[112] и шерпом Тенцигом Норгеем.

Когда я увидел самую высокую на свете гору, мое сердце начало усиленно биться. Суждено ли мне Богом взойти на нее?

«От Господа направляются шаги человека. Человеку же как узнать путь свой?»[113]

Чтобы узнать свой путь и как идти по нему, надо все время спрашивать у Бога. Каждый свой шаг, каждое действие сверять с ним.

У ледника Кхумбу

25 марта 1992 года

Прибыли в базовый лагерь на высоте 5300 метров. Из палатки кают-компании несется песня, а со стороны ледника часто раздается гул падающих лавин. День сегодня был холодный, тренировались с Женей ходить в кошках и подниматься по перилам.

Планы

26 марта 1992 года

На улице ветер, уже хочется идти через ледопад, но английская команда еще не проложила путь. Они просят не мешать им работать. Завтра они планируют ее завершить, и тогда можно отправиться на высоту 6000 метров. Мы сегодня снова пойдем тренироваться на ледовые стены.

И снова тренировка

2 апреля 1992 года

Я лежу в своей палатке в базовом лагере на высоте 5300 метров. Сегодня мы с Женей Виноградским спустились из второго лагеря, который стоит на высоте 6800 метров. Мы ушли два дня назад. Поднялись в лагерь № 1, на высоту 6100 метров. Там переночевали, укрепили палатку снежными кирпичами типа «зима». После ночевки ушли выше, к самому подножию Эвереста. Это не гора, а какое-то чудо. Высота поражает, да и сам цвет не такой, как обычно у гор.

Отдых

4 апреля 1992 года

Сегодня день отдыха, я целый день читал книгу «Приключения барона Мюнхгаузена». Солнечно, но ветрено. Очень холодно.

Завтра мы должны выйти во второй лагерь на высоту 6800 метров. Если сегодня старший тренер Ваня Душарин поставит со своей командой лагерь выше, на высоту 7000 метров, то мы тоже постараемся дойти до этой высоты. Для меня каждый выход — это рекорд, я никогда не поднимался так высоко. На такой высоте болит голова и тошнит, поэтому кушать совсем не хочется. Из-за этого слабеешь физически, идти становится еще тяжелее. А надо еще и груз нести. Кислорода мало, не хватает воздуха, ночи становятся тяжелыми. Там, выше ледника Кхумбу, в «Долине молчания», солнце так палит, что ощущение, будто находишься на сковородке. На протяжении всего дня мы не снимаем солнцезащитные очки, так как белизна снега и яркое солнце сразу сражают глаза.

И снова спуск

8 апреля 1992 года

День отдыха. Солнце и небольшой ветерок. Вчера спустились с 6800 метров. Планировалось, что мы с Женей Виноградским поднимемся на высоту 7500 метров. Но заболел Виктор Булдынский, и нам пришлось его сопровождать в базовый лагерь.

Поднимаемся все выше

9 апреля 1992 года

12:00. День солнечный, небо голубое, изредка идут перистые облака. Сегодня мы отдыхаем в базовом лагере на высоте 5300 метров. Завтра планируем выйти через ледник Кхумбу до первого лагеря, разбитого на высоте 6100 метров. Там заночуем, а послезавтра, 11 апреля, поднимемся до лагеря на высоте 6800 метров. Там также проведем ночь, а 12 апреля выйдем к лагерю № 3 на высоте 7500 метров. Если там палатку не снесло ветром, то мы проведем в ней одну ночь. После этого спустимся в базовый лагерь.

Сны

12 апреля 1992 года, лагерь № 3 на высоте 7500 метров

Ночь была холодной, ветер не стихал, палатка трещала от его напора, а грохот частых лавин со склонов горы Лходзе[114] не давал спокойно уснуть. Но накопившаяся за день усталость все же брала свое, и я в полузабытьи уходил в мир грез. Я видел Арктику и Георгия Седова, белоснежные поля у Северного полюса сменялись болотами Амазонки, где мне предстоит разыскивать без вести пропавшего английского путешественника Перси Фосетта[115].

Но сны мои прервались воем ветра и сильным кашлем моего друга по связке Жени Виноградского.

Напоминание о полюсе

14 апреля 1992 года

Лежу в спальном мешке, пристроив на животе приемник. Кручу ручку настройки, наполняя палатку писком и треском радиопомех. Сперва поймал музыку из Индии, а затем услышал наш родной «Маяк». Страшно обрадовался сигналу точного времени. Мои часы показывают двойное время: стрелки —

московское, а электронное табло — непальское. Оно разнится с московским на 2 часа 43 минуты.

В Непале все не так, как у нас. Сейчас тут 2049 год. Очень нелегко московское время пересчитать на непальское. Мы привыкли к смене времени округленно, до часа, а тут надо выверять минуты. «Маяк» послал на весь мир сигналы московского времени и начал передавать последние известия. В них сообщалось, что заболел один из участников международной экспедиции к Северному полюсу — американец. Его вывезли вертолетом на Большую землю. Путь продолжают Ричард Вебер — канадец из Оттавы, и Михаил Малахов — русский парень из Рязани. Они поставили перед собой цель: дойти до полюса без помощи авиации.

У меня аж мурашки пробежали по телу, когда я услышал о Северном полюсе. Мне стало вдруг безумно грустно, что не я на пути к нему. С Мишей и Ричардом я участвовал в 1988 году в трансарктическом переходе СССР — Северный полюс — Канада. Тогда мы за 91 день перешли через Ледовитый океан. Кому как не мне знать, как работают сейчас парни на дрейфующем льду! Я знаю, с какой скоростью идут они к своей цели, когда груз в рюкзаках и на нартах по 200 килограммов на брата. Ричард и Миша — незаурядные спортсмены, опытные полярники. Но решить поставленную задачу без поддержки с воздуха им будет очень тяжело.

За много-много километров от Арктики я лежу в капроновой палатке, в той самой, с которой ходил к полюсу в 1990 году. Мысленно я в один миг из Гималаев перенесся в арктические торосы, где теперь мои друзья. Выпростал руку из спальника и из угла, где спит Женя Виноградский, достал фляжку со спиртом для разжигания примуса — мне в тот момент нужен был глоток спирта.

Удобно, когда палатка маленькая. Не вылезая из спальника, я дотянулся до замка и резко распахнул вход. Через него виден ледник Кхумбу, который в эти минуты заволок туман. Сквозь него просвечивало блеклое гималайское солнце. Но теперь оно было для меня полярным. Я ощутил, как груз тяжеленных рюкзаков Миши и Ричарда давит и на мои плечи. Сделал хороший глоток спирта, смахнул оставшиеся капли с усов. Кажется, мне уже не уснуть: известие о полюсе отбило желание спать.

Остаток времени до утра я провел в полудреме. Тело мое лежало в палатке, а мысли метались от полюса к Эвересту. Но вот пришло время подниматься, я вылез из спальника — нечего поддаваться меланхолии. Слава Богу, день будет холодный, и холод разгонит мою ночную хандру.

Растолкал Женю, и мы начали быстро собираться к выходу на ледник. Нам сегодня предстоит забросить кислородные баллоны из базового лагеря на высоту 6800 метров.

Девушка

16 апреля 1992 года

«Иди с миром на Эверест, перед Господом путь твой, в который ты идешь».

Какой вчера, 15 апреля, был хороший день. На леднике Кхумбу я встретил альпинистку из индийской команды. Моим глазам предстала красивейшая из когда-либо виденных мною девушек. Она спускалась вниз по натянутым перилам в базовый лагерь. Солнечный свет отражался от голубого льда и освещал ее изящное смуглое лицо. Красиво сшитый комбинезон облегал великолепную фигуру. С головы спадали черно-синие длинные волосы, на лице горели красные губы. Она улыбнулась, адресуя улыбку мне, так как на леднике больше никого не было. Щеки ее пылали, как два маленьких очага, к которым хочется протянуть руки и согреть замерзшие ладони. Брови, изогнутые как два лука, подчеркивали красоту ее больших темных глаз.

Я заглянул в них и потерял себя в их глубине, забыл, что нахожусь в опасном для жизни уголке земли — на движущемся леднике. «What is your name?» — спросил я ее по-английски. «Сихс», — ответила девушка. Быстро пристегнула карабин к веревке и побежала вниз по скользкому льду.

Зачем я спросил ее имя? Что мне с того, что я теперь знаю, как ее зовут? Какая польза от тех нескольких секунд, когда я тонул в ее бездонных глазах? Как бы в ответ на мои мысли снизу донесся хруст льда под ногами этого прекрасного существа.

«Куда бы не привел тебя твой путь, среди каких бы жестоких дикарей и хищных зверей ты не странствовал, наблюдай за человеком, цивилизованным или диким, к какому бы племени он ни принадлежал, какому Богу ни поклонялся. О жестокости его обычаев суди благосклонно. На обиды и дурное отношение, которые могут выпасть на твою долю во время путешествия, не отвечай тем же. Не обращай внимания на случайные обстоятельства, не единожды заставлявшие людей отказываться от самых лучших намерений и лишившие мир многих открытий. Не вмешивайся в политику. Никогда не забывай, что самым увлекательным объектом исследования является человек».[116]

Вопросы

17 апреля 1992 года

13:40. В палатке с Женей Виноградским обсуждаем план штурма Эвереста. Завтра выйдем ставить последний лагерь, № 4, на высоте 8000 метров. После благополучного возвращения мы всей командой уйдем вниз, в зеленую зону, к монастырю Тьянгбоче[117] на отдых дней на пять. А потом — штурм вершины. Что меня ждет там, выше восьми тысяч? Сможет ли мой организм выдержать нагрузку на такой высоте? Хватит ли кислородных баллонов?

Одни вопросы и ни одного ответа. Ответ будет там и только один. От этого много зависит. Успех на Эвересте принесет успех в дальнейших моих путешествиях. Если случится так, что я потерплю поражение, то надо будет уходить из мира путешествий в мир искусства.

Тишина

28 апреля 1992 года

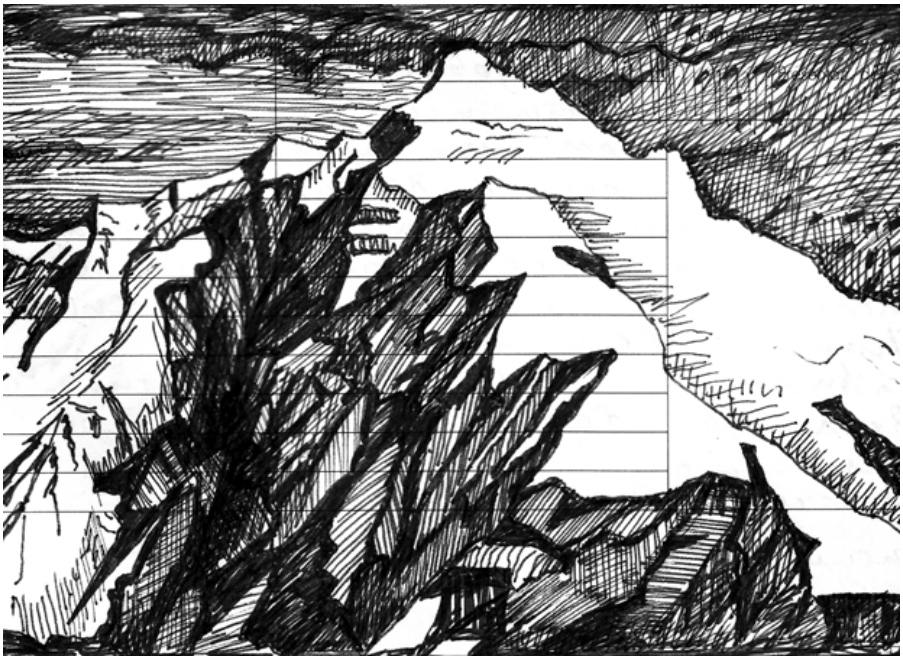
Отдыхаем перед штурмом Эвереста. Недалеко от нас располагается старый монастырь. Там все напоминает о вечности. Гуляя между каменными заборами, можно услышать только тишину. Смотришь на этих людей, которые живут на горе, и понимаешь, что им не надо ничего никому доказывать. Им не надо подниматься на Эверест, им не надо ни машин, ни атомных электростанций. Воздух чистый, природа первозданная, люди здоровые. Нет ни воровства, ни ссор. Они не демонстрируют своих политических амбиций.

Планы

29 апреля 1992 года

16:30. Идет снег, холодно, руки замерзли. Мы идем в базовый лагерь. Встретили троих чехов, они сказали, что испанская команда поставила лагерь на высоте 8200 метров, а индийская команда спустилась с 8000 метров.

Выпал снег 15 сантиметров. Вчера ушла первая вспомогательная группа. Они должны завтра выйти во 2-й, а затем в 3-й и 4-й лагерь для заброски кислорода. А 1 мая на штурм выйдет спортивная группа: Румарин Иван, Сабельников Илья, Волков Андрей, Саша Герасимов. За ними отправится вторая группа, в том числе и мы с Женей Виноградским. А также Захаров Володя и Пензов Сергей.



Гора, которая выше всех на свете

Вопросы, вопросы…

2 мая 1992 года

Сегодня были первая попытка взойти на вершину Эвереста и первая жертва. Это хотела осуществить индийская цивильная команда. Здесь две индийские команды, военная и цивильная. Команда состояла из пяти человек. Двое ушли вверх к вершине, а трое начали спускаться. Двоих нашли, одному плохо, его сейчас спускают, а третий умер.

15:30. Идет снег. По рации мы узнали, что Ваня Душарин подошел к третьему лагерю на высоте 7500 метров. Игорю Бянкину с Сашей осталось два часа до 8000 метров. Их задача узнать, в каком состоянии наш лагерь. Славик Волков находится во втором лагере. Через индийцев получили прогноз: сегодня и завтра ожидается плохая погода, а дальше будет лучше.

Завтра, 3 мая, я начну первую попытку штурма вершины. Выходим из базового лагеря, идем до второго на высоте 6800 метров. 4 мая идем к третьему, на высоте 7500 метров. 5 мая добираемся в четвертый лагерь, на высоту 8000 метров. И если Богу угодно, то мы выйдем к вершине 6 мая. И снова я задаю себе вопросы. Сможет ли выдержать мой организм такие нагрузки? Смогу ли я преодолеть страх и высоту? Суждено ли мне побывать

на вершине? И снова только вопросы, а где же ответы? Интересно, какой экспедицией я завершу свое существование на земле? Перебирая по этапам пройденный жизненный путь, я говорю себе, что жизнь прожита недаром. Мои друзья по экспедициям в дни, когда Горбачев объявил о «перестройке», бросили путешествия и приступили к созиданию страны и доказыванию политических амбиций на демонстрациях. Политическая борьба уничтожила результаты их путешествий, их самоотверженного труда. Поэтому я счастливее их. Я не обращал внимания на распри, планируя осуществить свою экспедицию. А этим я еще больше отдалился от политики. После успешного восхождения на гору или плавания на яхте я возвращаюсь домой, усаживаюсь в свое самодельное кресло, и в моей памяти начинают воскресать минувшие экспедиции. Мне кажется, что я снова прохожу мыс Горн, моя яхта «Караана» проходит пролив Дрейка, мне слышится великолепный перезвон колокольчиков, которые караваном относят меня к базовому лагерю в Гималаи, к подножию ледника Кхумбу. Там я пытаюсь взобраться на высочайшую вершину мира — Эверест. Путь к Северному полюсу мне представляется образным, светлым сном. Каждый километр на пути к полюсу мне дорог и мил. Я с улыбкой вспоминаю многих своих друзей, с которыми прошел этот путь.

Мертвый альпинист

6 мая 1992 года

На подходе к южному седлу Эвереста на высоте 8000 метров на веревочных перилах висит мертвый индийский альпинист. Он погиб несколько дней назад от сорвавшегося камня. Его труп мешает проходу. Но никто не решается отстегнуть его страховочный карабин, чтобы он улетел вниз до самого ледника Кхумбо.

«Умер на пути к вершине Эвереста», — произношу про себя я. И так же, как все, не хочу брать на себя грех сбросить труп вниз.

«Коня приготовляют на день битвы, но победа — от Господа»[118].

Самая лучшая смерть — это та, которая далеко в путешествии, на пути к своей цели: либо к вершине — к Эвересту, или в плавании вокруг мыса Горн. А может быть, на дрейфующем к Северному полюсу льду. Но только не в больнице и не при родственниках. Наедине со своей смертью можно заплакать, как ребенок. В последние минуты жизни можно не лицемерить, не думать о нажитых вещах, посмотреть в глаза тому, кто придет за

тобой, чтобы провести в иной мир. «Ибо кто знает, что хорошо для человека в жизни, во все дни суетной жизни его, которые он проводит как тень? И кто скажет человеку, что будет после него под солнцем?»[119]

На вершине Эвереста

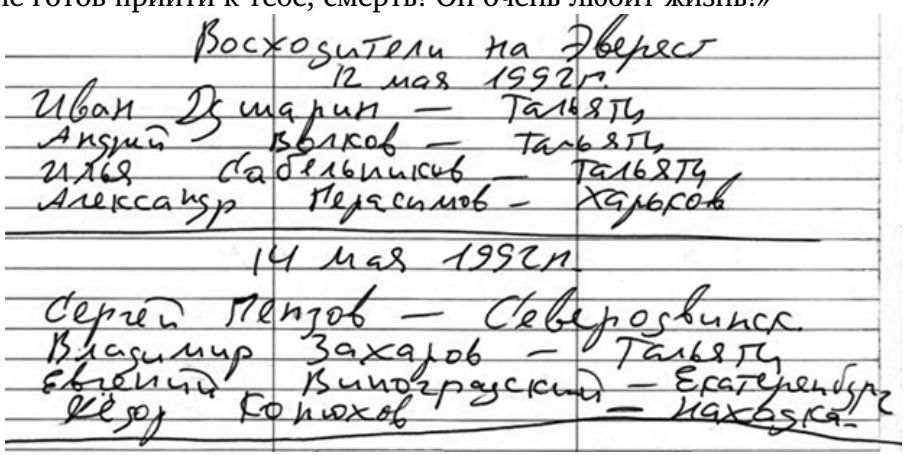
14 мая 1992 года

Тучи рассеялись, видимость прекрасная. Оглянувшись назад, я увидел гигантскую пирамиду Маккалу (высота — 8481 метр над уровнем моря) и ее западное ребро с невероятно прямым гребнем. В моей голове пронеслась формула Жана Франко, известного французского альпиниста, руководителя многих экспедиций в Гималаи: «Прямое, как струна… прямое, как струна». Я еще не достиг вершины Эвереста и не знаю исхода нашего похода, но захотелось сделать вызов этой красивой горе Маккалу.

Высота 8500 метров. Я на вершине Эвереста! Я плачу. Слезы такие горячие, что не успевают замерзнуть на ресницах и скатываются под кислородную маску. В этих слезах — радость, благодарность и печаль одновременно.

Я уверен: мне помог Господь Бог и те, кто пытался совершить восхождение и погиб в этой борьбе. Они невидимой армией поднялись с ледовых стен Эвереста, чтобы преградить путь смерти.

«Нет, этого парня не трогать! Пусть идет к вершине! Он еще не готов прийти к тебе, смерть! Он очень любит жизнь!»


Восходители на Эверест
12 мая 1992г.
Иван Дударин — Тальятти
Андрей Волков — Тальятти
Илья Сабельников — Тальятти
Александр Пересимов — Харьков
14 мая 1992г.
Сергей Пензов — Северодвинск.
Владимир Захаров — Тальятти
Евгений Виноградский — Екатеринбург
Кёдо Конюхов — Находка

Так они спасли меня от неминуемой гибели и дали возможность ступить на ложе богов.

Мое шестое чувство — опыт, седьмое — Вера. Великая Вера в жизнь. Восьмое — предугадать, что принесет следующий день.

«Человеку дана жизнь, чтобы она ему служила, а не он ей служил»[120].

Перед глазами всплыла картина из прошлого, как мы шли по гребню от южной вершины к главной. После того как прошли скалу Хиллари и до вершины осталось минут пятнадцать хода, меня обошел Володя Захаров. Он перестегнул карабин на веревке, связывающей нас, и пошел первым.

На его кислородном баллоне я увидел, что стрелка манометра стоит на нуле. Значит — баллон пуст, и его надо сменить! Я хлопнул Володю по плечу и показал на манометр. Он догадался без слов. Тем более что разговаривать не было никакой возможности. Мы дышали через маски кислородом. Володя остановился и сел, чтобы сменить баллон. И тут же полетел вниз, на китайскую сторону Тибета. Под Володей оборвался снежный карниз.

У меня промелькнула только одна мысль — броситься в противоположную сторону, чтобы он меня не потащил за собой, и тем самым удержать его. Володя повис на веревке, которую я держал, над пропастью в три километра. Я сорвал маску и крикнул Сереже Пензову, чтобы он быстрее шел на помощь. Но на такой высоте не разбежишься. Сережа подошел ко мне, снял маску и сказал: «А куда спешить? Если он сорвался, то мы уже ничем не сможем помочь». Я со злостью ответил, что у меня натянута веревка, значит, Володя висит на ней.

Пока мы рассуждали, как помочь нашему товарищу, и дышали воздухом Эвереста, показалась одна, а затем вторая рука. А потом на гребень выполз и сам Захар, как мы его звали между собой. Мужественный парень и сильный. Без кислорода и чьей-либо помощи выбрался из пропасти. Не каждый смог бы это сделать.

Я поймал себя на том, что я пуст, что больше нет не только физических, но и душевных сил. Весь мир стал бессмысленным. Появилось ощущение огромной бездны между жизнью и смертью. «Неужели я не спущусь с Эвереста, когда уже вершина позади?!» — подстегивал я себя. И вдруг где-то в далеком уголке моего мозга кроме пустоты появилось животное ощущение жизни, оно напомнило, что я еще живой, и меня еще ждут впереди все земные радости и новые путешествия.

Мой череп трещал по швам, но я не удивлялся: все же высота более восьми тысяч метров. Кислородные баллоны почти уже пустые. Передвигать ноги было неимоверно трудно — хотелось сесть и не двигаться. Я стал равнодушен к тому, что в любой момент моя душа покинет уставшее и окоченевшее тело. Такие мысли сверлили мой мозг. И только подошедший Женя

Виноградский их прервал. Он указал мне на далекую вершину Чоойю[121] («милость богов»). Эта гора ниже Эвереста, но все же 8201 метр. На нее Женя взошел прошлой осенью, оставив лежать мертвым Юру Гребенюка, погибшего от сорвавшегося камня.

Гималаи — священное место. А Эверест — святыня из святынь. Каждый альпинист стремится попасть сюда хоть раз в жизни. Как христианин мечтает об Иерусалиме, мусульманин — о Мекке, буддист — о Лхасе. Если ты не видел Эверест, твоя жизнь на Земле ничего не стоит.

Эверест наш!

16 мая 1992 года

Тибетская мудрость гласит: «Эверест — это птица, которая взлетела выше других птиц».

Возвращаемся в Тьянгбоче. Оттуда — в Луклу[122]. Из Луклы самолет доставит нас в Катманду[123].

А пока мы идем по тропе и наслаждаемся весенним ясным днем. Вокруг все цветет. Вспоминаем, что три месяца назад здесь лежал снег, а рододендроновые деревья были покрыты инеем.

Нас неспешно обгоняет стадо яков, бредущих вниз, к Намче-Базару[124]. В горах еще долго слышится мелодичное бренчание их колокольчиков.

Женя Виноградский идет рядом и молчит. Я читаю его мысли. После совместного восхождения мы с ним научились понимать друг друга без слов. Эверест был нашей мечтой. Мы ее осуществили и теперь идем победителями, подмигивая друг другу и улыбаясь: Эверест наш!

Домой!

31 мая 1992 года

Самолет ТУ-134, рейс Катманду — Москва. Приближаемся к Москве. Я еще не ступил на родную землю, а меня уже охватила тоска по Гималаям, по дням, проведенным на склонах Эвереста. Мне не хочется возвращаться в мир повседневной суеты и рутины. Я оставил товарищей там, в далеком Непале. Я не буду больше делить палатку с Женей. Мой сон в городской квартире не будет нарушен грохотом лавин со склонов Эвереста и Лходзе. Я почувствовал, что это конец моих приключений в Гималаях, и настало время сделать выводы, что же я познал при восхождении на Эверест.

Достиг ли я своей жизненной цели?

Нет, сейчас еще рано задавать такие вопросы — слишком все живо в моей памяти. Я еще переживаю трудный путь через ледник Кхумбу, где наша работа была словно хождение в церковь — туда и обратно. Переживаю долгую ночь на южном седле и ураганный ветер в третьем лагере на высоте 7500 метров. Там мне казалось, что из-за палатки уставилась на меня «костлявая» и не сводит тяжелого безжалостного взгляда.

В горах мы не ставили рекордов и не прокладывали первопроходческих маршрутов. Говорить об этом глупо. Это значило бы оскорблять горы. Людям, далеким от путешествий, невозможно понять, зачем человек подвергает себя такому риску, испытаниям — ради чего? Чтобы вернуться из экспедиции с новыми долгами, как у меня сейчас?

Кое-кто скажет: рехнулся. А иностранцы пробормочут: crazy (сумасшедший). Да, по-своему я сошел с ума. Три месяца я видел только горы, небо, звезды, сверкающий на солнце снег. Мой слух не терзали звуки машин. Рядом с природой рождается чистота чувств.

И сейчас, сидя в кресле самолета, я думаю: какого черта ты собираешься в Россию, что ты будешь делать дома, в бухте Врангеля? Вот где настоящее сумасшествие…

«Много раз был в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единомышленников, от язычников, в опасностях в городе, в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратьями»[125].

Глава 5
Кругосветное плавание на яхте «Формоза»

Я объездил и исходил все континенты и все океаны. Но до сих пор меня завораживают дальние странствия, необыкновенные приключения. Я мечтаю о фантастических мирах!

Федор Конюхов

Кругосветная экспедиция на двухмачтовом кече «Формоза»

Маршрут:

Тайвань — Гонконг — Сингапур — остров Ве (Индонезия) — остров Виктория (Сейшельские острова) — Йемен (порт Аден) — Джидда (Саудовская Аравия) — Суэцкий канал — Александрия (Египет) — Гибралтар[126] — Касабланка (Марокко) — Сент-Люсия (Карибские острова) — Панамский канал — Гонолулу (Гавайские острова) — Марианские острова[127] — Тайвань

Старт 29 марта 1993 года. Остров Тайвань, бухта Килун

Финиш 17 августа 1994 года. Остров Тайвань

Плавание длилось больше года (508 дней), так как яхта заходила в порты на всех континентах

Будни

6 декабря 1992 года. Остров Тайвань, порт Килун[128]

День жаркий, небо без единого облачка. Сегодня воскресенье, завтра, возможно, мы поедем в столицу Тайваня Тайбей, чтобы посмотреть, как на судоверфи строят яхту, на которой я пойду в свою вторую кругосветку, — «Формозу».

Все заняты делом. Саша Николаенко — любитель бродяжничать по рекам, тайге и болотам родной страны — готовит на завтрак свое фирменное блюдо, тушенку с луком. А Саша Выхристюк, мой друг по экспедиции на Северный полюс, одетый в домашние тапочки и драные спортивные штаны, вместе с капитаном настраивает ванты на нашей яхте «Адмирал Невельской»[129]. Леонид Лысенко — мой учитель и добрый товарищ — все суетится, у него привычка такая: рано вставать, заводить всех нас что-то делать, а к обеду улечься спать. Мы же ходим чумными до вечера.

Прежде чем приступить к завтраку, мы все с умным видом выпиваем по стопочке разведенного спирта. Ох, как это тяжело и противно! Да еще в такую жару на голодный желудок. Но без такой микстуры нам здесь не выжить. Точно так же мы делали в Катманду в Непале. Каждый день перед едой обязательно принимали спиртное, чтобы в печени был алкоголь. Тогда в ней не заведется никакая зараза типа лямблий. И на Тайване надо пить. Тогда ты будешь жить, хотя и можешь стать алкоголиком. Выбора нет. Примерно, как в Америке. Там подсудимому перед смертной казнью предлагают выбор — электрический стул или гильотина. А у нас — или умереть от лямблий, или стать алкоголиком.

Выходной

26 декабря 1992 года. Остров Тайвань, порт Килун

Рисую разбитый рыбацкий бот, а на втором плане остров Килун. Что-то не идет работа, не могу выбрать объект для написания этюда. Или освещение плохое, а может быть, просто нет настроения. Сижу, созерцаю море и все вокруг. Идет прилив волны, брызги воды долетают до меня, хотя я нахожусь метрах в десяти от прибоя.

Сегодня выходной, суббота. Китайцы отдыхают. У них самый лучший отдых — это сидеть и ловить рыбу на удочку. Но вот уже сколько времени я за ними наблюдаю, ни один еще не вытащил рыбу из моря. Снаряжение у них очень хорошее. Китайцы подходят к рыбалке серьезно и основательно: дорогие спиннинги, специальная одежда, различные сачки и боксы-холодильники для пойманной рыбы. Все есть, только нет рыбы. Да они, наверное, и не расстраиваются. Если кто хочет отведать рыбки, может купить ее в магазине — там ее сколько угодно.

Справа от меня пляж, туда приехала на машине семья. Муж, жена и четверо детей, три девочки и один мальчик. Они собирают

на берегу красивые ракушки и камешки, наверное, для домашнего аквариума. На рейде стоят торговые суда, я их насчитал одиннадцать штук. Солнце то выглянет из-за туч, то снова спрячется. Но тепло. Слева на горе далеко видно, как прыгают с дельтапланом и на параплане, красиво смотрятся на фоне неба разноцветные парашюты. Этот вид спорта на Тайване очень развит. Для него создано все необходимое: магазины, где можно купить дельтапланы; клубы, в которых учат летать.

Дождь

29 декабря 1992 года. Остров Тайвань, порт Килун

Тропический дождь льет ведрами на нашу яхту «Адмирал Невельской», как будто кто-то пропорол бурдюки Господа Бога именно над нашей палубой. Город Килун, расположенный на севере Тайваня, входит в первую десятку городов мира по «сырости» — здесь 270 дней в году идут проливные дожди. «И пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот: и он упал, и было падение его великое»[130].

Приятно сидеть в каюте, пить чай под шум дождя. Я с воодушевлением цитирую Библию для Саши Выхристюка и Саши Николаенко: «В сей день разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные отворились…»[131].

Тогда наш капитан Леонид Лысенко заметил: «Тебе бы, Федор, надо быть священником, а не путешественником. Ты явно не ту профессию выбрал». А я ответил: «Придет время, и я обязательно стану священником».[132]

Уходящий год

31 декабря 1992 года. Остров Тайвань, порт Килун

А дождь все идет… Написал цифру 92… и что-то оборвалось в душе. Этот год уходит в прошлое — в мою историю. Он начался с путешествия по Гималаям и закончился в путешествии — только уже на яхте.

Меня самого часто поражает моя жизнь, сколько всего сделано за 41 год. Сколько у меня накопилось опыта, знаний. И страшно, что я не успею все это передать другим. А как бы хотелось… И чтобы смерть пришла тогда, когда бы я сам пожелал ее. «Я пролился, как вода, все кости мои рассыпались; сердце мое сделалось как воск, растаяло посреди внутренности моей»[133]. Если бы мне Господь Бог позволил еще раз родиться, я все равно

стремился бы стать путешественником и повторил бы все те экспедиции, которые совершил в этой жизни.

Всюду вода

16 января 1993 года. Остров Тайвань, порт Килун

10:00. Идет, не прекращаясь, очень сильный дождь. Если бы у нас в Приморском крае столько вылилось на землю воды за один раз, то нас всех бы затопило. Был бы всеобщий потоп, а здесь люди живут и не знают, что такое потоп. Потому что испокон веков, сколько живет человек на Тайване, столько он строит дороги, дома… так, чтобы их не смывало водой. А это значит, что он не борется с природой, а приспосабливается к ней. Мы спросили у китайцев, сколько они затратили средств на такие хорошие дороги. Они, улыбаясь, ответили, что эти дороги строили еще их прапародители, это они побеспокоились, а нынешнее поколение лишь содержит их в хорошем состоянии.

Проблемы

21 февраля 1993 года. Остров Тайвань, порт Килун

Вот уже две ночи моя яхта «Формоза» стоит здесь, в Килунском порту. В субботу ее спустили на воду, в воскресенье мы переходили с одного места на другое — в порту много судов, мест нет. Проблема найти стоянку для яхты.

Никак не получается добиться разрешения перегнать яхту в Грин Бей. Здесь что-то не так, кто-то ставит невидимые палки в колеса. С китайцами очень тяжело говорить, тем более делать какие-то дела. Я с утра был в морской полиции, там я ничего не добился. Все обещают помочь, а сами ничего не делают. Плохие мысли лезут в голову. Не так-то просто нам будет вырваться отсюда. Дай Бог, через месяц или два уйти в кругосветку. Даже не знаю, как выйти из этой передряги.

В путь

7 марта 1993 года. Южно-Китайское море[134]

Так быстро бежит время. Уже год прошел, как я приехал в Катманду, Непал, для восхождения на Эверест. А сейчас я здесь, на Тайване. Мы получили документы и направляемся в Грин Бей. Сегодня тяжелый день, долго штормовали в море.

Удача

13 марта 1993 года. Южно-Китайское море

Мы добрались до Грин Бея. Нам подфартило, мы пришвартовались к рыбацкому боту. Мы поздравили друг друга с завершением плавания вокруг Тайваня. Теперь осталось все подготовить к кругосветке.

И снова отложен выход

28 марта 1993 года

Ночь прошла плохо, я почти не спал. Уже прошли таможню, но мы никак не можем отойти от причала. Проблема за проблемой. На выхлопной трубе дизеля прорвало прокладку, ее нужно заварить. Я включил радио, пробую связаться с Находкой. Берн устанавливает факс на «Формозе».

На пути в Гонконг

31 марта 1993 года. Южно-Китайское море

08:00. До порта Гонконг осталось 150 миль. Рядом с «Формозой» прошли дельфины. Ветра нет, идем под двигателем.

00:00. Ночь. Много встречных и проходящих судов. Заступаю на вахту. У нас идут вахты по 4 часа. До Гонконга осталось 50 миль. Вчера по радио я слышал, как Лысенко сказал Артуру во Владивосток, что он сокращает рейс из-за потерянного времени и не будет совершать кругосветное плавание. Это означает, что я останусь один с дорогой яхтой, без знания языка. Что меня ждет?! Какие приключения?! Так, надо настроиться на успех и идти своим курсом.

Погода стоит теплая, но небо без звезд. Скорость ветра 6–9 м/с. Ветер попутный, курс 270 градусов. С 06:00 до 08:00 часов по местному времени мы должны встретиться с яхтой «Адмирал Невельской». С ней мы пойдем вместе до Гонконга.

Задачи

1 апреля 1993 года. Южно-Китайское море

Увидели землю на подходе к Гонконгу, до входа в бухту осталось 4 мили. День обещает быть хорошим. Сегодня я поскользнулся и упал на трапе, сильно ударил ногу. Испугался,

что сломал ее, но слава Богу, все обошлось.

Мы с Берном сидели и считали, что нам надо купить в Гонконге. У нас не работает автопилот, надо будет его починить. На это уйдет много времени. Сломанный мы отошлем в Америку и будем ждать, пока нам отремонтируют его и пришлют назад.

Мы пришвартовались в центральном яхт-клубе Гонконга. Нам разрешили днем стоять у причала, а ночью становиться на буй. Это неудобно и опасно. Постоянно пришвартовываясь, можно задеть чужую яхту.

Идет мелкий дождь. Мы с Берном ходили в город. Гонконг отличается от Тайваня тем, что тут везде небоскребы, яркая реклама и т. д. Сегодня вечером мы с командой ужинаем в ресторане.

Ожидание

7 апреля 1993 года. Гонконг

Как быстро летит время. Вчера вечером Берн звонил в Америку. Они получили наш автопилот и уже ремонтируют его. Дай Бог, к концу недели его получить. Как только получим автопилот, сразу же поплывем в Сингапур.

В Сингапур

14 апреля 1993 года. Южно-Китайское море

Заправили полные танки пресной водой. Берн ездил в аэропорт и получил багаж из Америки — наш автопилот.

В **08:30** отошли от яхт-клуба и взяли курс на Сингапур. Погода пасмурная, солнца нет. Ветер северо-восточный. Работает автопилот. Ночью плохо спал. Снились кошмары. Скорость пять с половиной узлов, курс 180 градусов. Настроение плохое. Наступает ночь.

И я склонил колени

15 апреля 1993 года. Южно-Китайское море

16:00 по Гринвичу, 00 — судовое. Прямо по носу яхты «Формоза» — созвездие Южного Креста, а по корме — Большая Медведица и низко над горизонтом — Полярная звезда. Наш курс 180 градусов — точно на юг. Слезы текут сами собой, и трудно их остановить. Как тут не заплакать!

Три раза я был на Северном полюсе. Когда шел к нему, знал, что над головой светит и дает мне энергию, чтобы я дошел до полюса, Полярная звезда. А когда на яхте «Караана» огибал мыс Горн, над мачтой качался Южный Крест. Я счастлив в этой земной жизни. Я получил от Господа Бога многое. Чем мне его отблагодарить, сколько надо молиться? Гляжу на Южный Крест и как будто вижу его тайную власть надо мною. И я склонил колени, как Авраам перед Ангелом. Мистический трепет я испытал, когда впервые увидел Южный Крест. И я отдался на волю Владыке Святому и Истинному.

Пираты Тихого океана

23 апреля 1993 года. Южно-Китайское море

20:00 по Гринвичу. Идем без ходовых огней, чтобы проскочить незаметно мимо островов Анамбас[135], откуда в любой момент могут показаться быстроходные катера пиратов. Слово «пираты» никогда не выходило из употребления на просторах Тихого океана, особенно в азиатской его части — у берегов Китая и в водах обширного Филиппинского архипелага, состоящего из одиннадцати крупных и более чем семи тысяч мелких островов и островков. В этом лабиринте и скрываются морские разбойники. Тем более что на большей части островов нет ни полицейских, ни иных представителей власти. Люди там живут первобытной жизнью, добывая пропитание рыболовством и охотой. Такие места — излюбленные для пиратов.

Капитаны судов сейчас и не вспоминают, что недалеко от их курса погиб великий Магеллан. У них одна мысль: побыстрее проскочить этот район и тем самым избежать встречи с хорошо вооруженными современными пиратами. Вчера я говорил по рации на 16-м канале с капитаном французского судна. Он меня любезно предупредил о районе, где могут встретиться пираты, и спросил, есть ли на яхте оружие, чем меня сильно рассмешил: весь арсенал «Формозы» — мое старое охотничье ружье 12-го калибра.

Паруса надуты ветром

24 апреля 1993 года. Южно-Китайское море

Плывем ночью, при луне. Паруса туго надуты ветром, при каждом порыве «Формоза» резко кренится на правый борт. Но я уже хорошо знаю такелаж яхты и ничуть не боюсь за его крепость.

В 24:00 на вахту заступил Берн. Взял у меня штурвальное колесо и продолжил вести яхту на оконечность полуострова Малакка[136]. Слева по борту острова Анамбас. Я еще не успел дописать в дневнике эти строки, как ванты снова запели свою стремительную песню. Яхта рванулась вперед так, будто хотела унести нас в звездное небо.

Нарушенные планы

26 апреля 1993 года. Южно-Китайское море

Мы очень медленно приближаемся к Сингапуру. По нашему графику 27 апреля мы должны были к нему подойти, но сегодня уже 26-е, а нам еще плыть и плыть. Дай Бог, к 1 мая добраться. За прошедшие сутки мы прошли 61 милю. А по графику мы должны проходить по 100 миль в день.

Ветра нет, паруса хлопают. Заканчивается моя вахта. Ночь напряженная, много рыбацких судов. Плавание в этом районе очень интенсивное.

Слава Магеллана

27 апреля 1993 года. Южно-Китайское море

472 года назад, 27 апреля 1521 года, на острове Мактан (Филиппинский архипелаг) был убит португальский дворянин Фернан Магальяйнш. Но его принято называть Магелланом. Это тот самый, что первым совершил кругосветное плавание.

«Надеюсь, что слава столь благородного капитана не угаснет в наше время, — писал о Магеллане участник экспедиции итальянец Антонио Пигафетта. — Среди многих добродетелей, его украшавших, одна была особенно замечательной: он всегда оставался самым стойким из всех даже при крайних трудностях. Голод он переносил терпеливее других. Не было на земле человека, который бы разбирался лучше, чем он, в картах и мореходстве».

И действительно, слава Магеллана пережила его. Например, спутниковый навигационный прибор, который стоит на нашей яхте и дает точный курс и наше местонахождение, называется «Магеллан».

Аромат

29 апреля 1993 года. Сингапур

На подходе к Сингапуру, справа по борту, начала просматриваться земля. Оттуда пошел аромат тропических растений. Я вспомнил этот запах, я его вдыхал еще в 1990 году, когда направлялся в Сидней.

Утро жаркое. Да, плохо совершать кругосветное плавание с экипажем. Сил и мыслей нет для философских размышлений. Только одни проблемы, которые трудно выразить последовательно на бумаге. Надо вылечить зуб, сделать пару звонков, заправится, сходить в магазин и т. д. Вот чем забита голова.

Не для тех, кто закоснел в привычках

9 мая 1993 года. Сингапур

Я проснулся и долго лежал с открытыми глазами, припоминая сны, увиденные этой ночью. Белые поля чистого льда на пути к полюсу. Гулкие нескончаемые лавины с вершины Эвереста. Болота Гыданской тундры, по которым мы когда-то бродили с Сережей Вилковым и моим братом Павлом. Все это я видел и наяву: Бог даровал мне жизнь путешественника. А особенно запомнился сон: в штормовом необъятном океане на горизонте цепь белых айсбергов. Солнце поднялось с востока, и льды Антарктиды стали нежно-розовыми.

Сходил к дантисту. Несколько дней назад прилетел Женя Виноградский, пойдет со мной в плавание. Выдержит ли? После того как я расстался с экипажем яхты «Адмирал Невельской», а это произошло совсем недавно, в марте, я часто задаю себе вопрос: что произошло? Мы столько лет дружили с Леонидом Лысенко! С Сашей Выхристюком участвовали в самой сложной экспедиции к Северному полюсу. А после совместного четырехмесячного плавания наши дороги разошлись. Когда прощались, даже не пожали друг другу руки.

Почему? Может, из-за того, что на яхте уйти некуда? Жизнь на ней ограничена малым пространством. Все, что ты делаешь и даже думаешь, становится достоянием других. За каждым твоим шагом и поступком наблюдают, кто открыто, кто тайком. А когда четверо различных индивидуальностей сосуществуют в течение долгих дней плавания, неизбежно назревают всевозможные конфликты. Не физические, а скорее психологические. Тут уж никого не обманешь.

Нам вместе на одной яхте стало невыносимо тяжело. Идти двумя яхтами вокруг света — слишком дорогое удовольствие. Да

и по скорости «Адмирал Невельской» и «Формоза» разные, это вызвало бы дополнительные проблемы.

Я предложил Леониду Лысенко отправить его яхту «Адмирал Невельской» на пароходе из Гонконга во Владивосток, а экипажу перейти на борт «Формозы». Но он не захотел, потому что на «Формозе» был бы матросом, а не капитаном. Да и у троих моих друзей уже остыло желание обогнуть земной шар. Они почувствовали, что это не так просто сделать и не так быстро, как им хотелось бы.

«Кто хочет иметь друзей, тот и сам должен быть дружелюбным, и бывает друг более привязанный, нежели брат»[137].

Документы

10 мая 1993 года. Сингапур

Сижу с Женей Виноградским и Берном в офисе иммигрантской службы, продлеваем визу. Нам пообещали прислать парус (стаксель) в среду. На улице идет мелкий теплый дождь. Настроение плохое, не хочется ничего делать. Время летит быстро, и ничем его не остановить.

Маскировка

14 мая 1993 года

Мы отплыли от Сингапура. Вокруг много кораблей. Идет мелкий дождь. Несем вахту по четыре часа. Всех запугали пираты. Большие суда светятся, как новогодние елки, боятся темнеть. А вот яхты, наоборот, выключают все огни, чтобы быть незаметными.

Малаккский пролив

15 мая 1993 года

Пытался вызвать русские суда, но никто не отозвался. Все боятся, а вдруг яхта вызывает на помощь, а это лишние хлопоты. Лучше оставаться в неведении. Да, народ сильно запуган пиратами.

Погода в Малаккском проливе однообразная. После восхода солнца небо безоблачное и ветра нет. К обеду появляются небольшие кучевые облака, начинается легкий ветер. К середине

дня ветер усиливается, а после обеда проходит сильный дождь с грозой, который сопровождается шквалами. К вечеру дождь перестает, и наступает тихая и ясная ночь.

До острова Ве осталось 109 миль. Заступил на вахту, глаза слипаются. Яхту бросает, ветер очень плохой, дует прямо в нос. Нам надо идти по курсу 280 градусов, а мы идем 330 градусов. Я молю Бога, чтоб скорее закончилась ночь. Разыгрался шторм, дождь со шквалом. Ветер не дает продвигаться вперед. За вахту прошли только 8 миль.

Шквальный ветер

Прекраснейший остров

19 мая 1993 года. Остров Ве

При шквальном ветре, под оглушительные раскаты грома и сверкание молний «Формоза» еле протискивается между двумя

мысами в глубоко спрятанную тихую бухту индонезийского острова Ве. Без подробной лоции и точной карты найти бухту на фоне заросшего тропическим лесом гористого острова очень трудно. Мысы с множеством коралловых рифов словно охраняют вход вглубь острова от недобрых людей. И уж коли пропустили нас, видимо, не значатся за нами большие грехи.

На острове Ве, в бухте Сабан, можно было бы остаться, построить хижину из пальмовых листьев и жить в покое и безмятежности. Говорят, что Ве — один из прекраснейших в мире островов. Наверно, так оно и есть, во всяком случае я красивее островов не видал.

Ремонт

20 мая 1993 года. Остров Ве

Вчера вечером зашли в бухту. Мы планировали зайти в бухту Сабан для заправки, но так вышло, что нам придется задержаться тут, чтоб отремонтировать двигатель, а то он заглох. Мы бросили якорь в южной стороне, а на северной стороне стоит небольшой город Сабан. Все легли спать.

Барометр падает

4 июня 1993 года. Остров Ве

В **12:00** «Формоза» вышла из бухты Сабан. Мы покидаем остров Ве и берем курс на запад. Прекрасная погода, свежий юго-западный ветер. Но высокие перистые облака над мачтами не могут обмануть меня. Барометр падает медленно, но неуклонно. К ночи погода испортится, и Индийский океан встретит нас по-мужски.

Христофор Колумб «втирал очки»

5 июня 1993 года. Индийский океан

Меня часто упрекают в том, что я честолюбив, тщеславен. Я и не стесняюсь признаться в этом. Ведь большинство людей также тщеславны и честолюбивы, но почему-то скрывают это под маской таинственности, а в результате остаются всегда на задворках жизни, не стремясь достичь своих собственных высот. Или стесняясь сделать это.

Мне часто задают вопрос, что, кроме самолюбия, толкает

меня в такие рискованные путешествия? Ответ же прост. Я — искатель приключений и давно вынашиваю идею трижды обойти планету на яхте без заходов в порты. Но идея эта стара, как и наш мир. Готовясь к плаванию на своих каравеллах, Христофор Колумб в какой-то степени «втирал очки» испанскому королю и королеве, когда говорил о заокеанских сокровищах. Он просто искал нечто новое. Любознательность и любопытство были и остаются одним из важнейших рычагов человеческого прогресса. Если мы такие патриоты своей страны, если мы действительно любим свой флаг, то почему же мы не стремимся быть первыми?

На Эвересте первым был флаг англичан. Эдмунд Хиллари и Тенцинг Норгей[138] — участники английской экспедиции, и флаг этой страны они подняли над планетой. Не мы первыми стояли на Северном и Южном полюсах. Первый русский отправился покорять планету на яхте «Караана» только в 1990 году, а почти на сто лет раньше первым человеком, в одиночку обогнувшим земной шар под парусами, был американец Джошуа Слокам на яхте «Спрей». Огромный временной разрыв!

Я не славлю иностранцев, не преклоняюсь перед ними. Я просто хочу, чтобы мы хорошо знали историю путешествий и имена первопроходцев, если мы такие правдолюбы. Мое плавание на «Караане» не было организовано государством. Наоборот, наши партийные чиновники прилагали все силы, чтобы помешать моему старту. Но он состоялся благодаря генеральному директору страховой компании «Дальроссо» Владимиру Шахову. Наряду с бизнесом ему небезразличен и престиж страны, честь ее и достоинство. Еще до начала моей экспедиции он знал, что идет на большой риск, покупая в Австралии яхту для моего путешествия. Но сделал это, и благодаря Володе Россия вышла на просторы Мирового океана не только своими военными кораблями, но и спортивными яхтами.

По возвращении из плавания я в каждом интервью говорил, что не было бы моего кругосветного путешествия, если бы не Володя Шахов, генеральный директор страховой компании «Дальроссо». Но пресса почему-то об этом умалчивала.

Рассвет

22 июня 1993 года. Индийский океан

01:30 по Гринвичу. Ночь уже на исходе, белесоватым светом занимается заря, тихо гаснут звезды. С юго-востока дует слабый ветерок. Могучим покоем веет от океана. С каждой минутой панорама горизонта расширяется, а небо делается глубже. По

нему плывут несколько белоснежных облаков, прихваченных по краям цветом золота. Из океана всплывает багровый шар солнца.

Богатый — не значит счастливый

30 июня 1993 года. Индийский океан. Остров Диего-Гарсия

Мы уже три дня стоим на этом острове в красивой лагуне. Американские солдаты, у них здесь военная база, ремонтируют топливный танк на «Формозе». Я лежу и читаю притчи Соломона из Библии. Царь Соломон совершенно правильно думал, молясь так: «Нищеты и богатства не давай мне, питай меня насущным хлебом, дабы, пресытившись, я не отрекся от Тебя и не сказал: «Кто Господь?», и чтобы, обеднев, не стал красть и употреблять имя Бога моего всуе». Так коротко, но поучительно выразил свое отношение к счастью царь Соломон.

Истинное счастье не зависит от величины богатства. Христос дал нам совет, как следует поступать, чтобы уберечься от лишних печалей: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут». Он знал, что людям присуща страсть к накопительству. Существует анонимное определение счастья: «Чуть-чуть больше того, что у меня есть». Лишь только мы приобретаем одно, как нам уже хочется другого. В конце концов мы покидаем этот мир неудовлетворенными, не успев приобрести всего. Это неправильно.

Есть такая арабская притча о несчастном царе. Царь, пытаясь найти причину своей неудовлетворенности жизнью, стал расспрашивать астрологов, и те сказали, что он может решить проблему, если найдет по-настоящему счастливого человека, возьмет у него халат и наденет на себя. Царь немедленно отправился в путь. Сначала он постучался в дверь, где жил богач, ибо естественно было искать счастливца среди богачей. Но здесь у него ничего не вышло. Тогда он обратился к человеку, наделенному знаниями и мудростью. Тут ему снова не повезло. Потеряв всякую надежду он наконец наткнулся на бедняка. Тот за работой распевал песню и на расспросы ответил, что вполне счастлив. «Продай мне свой халат! — воскликнул царь. — Я дам тебе за него мешок золота!» Бедняк рассмеялся: «Я бы охотно подарил его тебе. Только ведь у меня нет никакого халата».

Это всего лишь притча. Но она хорошо дает понять, что богатство не равнозначно счастью. Это не значит, что мы все должны быть бедными, но и не должны стремиться к накоплению вещей, бесполезных в нашей жизни и только отягощающих ее.

Боль

7 июля 1993 года

Я лежу в полной темноте, распластанный на койке своей кормовой каюты. Мучительно болит спина. Два дня бушевал шторм, ветер гнал «Формозу» к Сейшельским островам[139]. Держать на курсе яхту очень тяжело. Через каждый час мы сменяли друг друга у штурвала, но я еще подолгу стоял возле рулевого и помогал ему выдерживать курс.

Южный штормовой ветер принес холод из Антарктиды. Он беспощадно пронизывает того, кто стоит на палубе. Я припоминаю, как с большим трудом отстоял свою вахту. Но отойти от штурвала уже не было сил. Меня всего сковало. Мое тело одеревенело, я не мог пошевелиться. Друзья дотащили меня до каюты и уложили на кровать, словно столетнего старца на смертный одр. Затем все ушли на палубу, я остался один. Я слышал, как ветер усилился, как парни сменили паруса на штормовые, как вода с шумом проходит по палубе. Но я уже ничем не мог помочь им. Я лежал недвижимый.

Ко мне в каюту зашел Женя, принес какую-то таблетку и сказал, что она очень сильная. Надо выпить и постараться заснуть. Я еще попросил снотворного, чтобы быстрее уснуть и забыться от резкой боли.

Фантастические миры

10 июля 1993 года. Индийский океан

Тихая лунная ночь. Волны размеренно катятся с востока на запад. От южного горизонта до северного протянулся, словно серебряный свиток, Млечный Путь. Переливчатое журчание воды из-под форштевня «Формозы» кажется мне звуками его серебряных струн. В такую ночь как хорошо идти под парусами в кругосветном плавании, как хорошо лежать на палубе, освещенной луной! Звезды висят так низко, что если протянуть руку, то можно до них дотронуться. Кажется, что тебя несет по морю и возносит к поднебесью некий крылатый дух. И ты не испытываешь страха, а напротив, пребываешь в состоянии радости и восторга.

Мне 42 года. По традиционным японским представлениям, этот возраст считается опасным для мужчин (чтение цифр 4 и 2 совпадает с чтением слова «смерть»). Я объездил и исходил все континенты и все океаны. Но до сих пор меня завораживают дальние странствия, необыкновенные приключения. Я мечтаю о

фантастических мирах! Близкие друзья и моя семья часто пытаются остановить меня. Говорят, что пора расстаться с фантазией. Фантастических миров не существует — это воображение и вымысел! Уже нет неоткрытых островов, нет мест, где бы не ступала нога человека. Так, как живешь ты, может жить только школьник, начитавшийся приключенческих книг. Душой я понимаю и соглашаюсь с моими оппонентами. Но в глубине моего сознания еще осталось детство, с годами оно не выходит из моей телесной оболочки. И я этому рад.

Меня пытается учить, как жить, даже мой сын Оскар. Он часто говорит мне, что надо купить, где жить, на что обращать внимание. Я с ним не спорю, может быть, он и прав. Но мне страшно сознавать, что именно мой сын не хочет связывать свою жизнь с приключениями и фантазией, а выбрал путь, по которому идут многие в нашем XX веке.

О хамстве

30 августа 1993 года. Индийский океан

В **19:30** включил радиостанцию на 16-м канале. Вызвал идущий с правого борта по направлению к Суэцкому каналу российский контейнеровоз. Обратился с просьбой, чтобы передали радиограмму о моем местонахождении в Находку, начальнику Приморского морского пароходства. В ответ услышал всего одно хамское слово… И сказано оно было с ненавистью.

Сразу испортилось настроение. На душе от этой встречи осталась какая-то грязь. Почему существуют такие люди? Есть ли предел их бескультурью?

В Суэцком заливе

2 сентября 1993 года. Суэцкий залив

Ветер не стихает, достигает 28–34 узлов. Стоять на якоре в бухте Тор опасно. По очереди несем вахту. Если, не дай Бог, «Формозу» сорвет с якоря, то нам будет трудно успеть запустить двигатель и удержать ее на месте. Вокруг рифы и скалы, до них не больше 20–30 метров. А ветер с Синайской пустыни ничто не задерживает.

Не думал, что в узком Суэцком заливе бывают такие ветра. Небо чистое, светит полный диск луны, ни одной тучки, ни облачка. Вчера сделал рисунок мечети на берегу, а за ней три вершины: гора Синай[140] — 2285 метров, за ней гора святой

Екатерины[141] — 2642 метра и вершина без названия — 2586 метров.

Сейчас моя вахта. Смотрю по пеленгу[142], не сносит ли яхту к рифам, держит ли якорь. Сколько было в моей жизни вот таких напряженных часов. Любая из экспедиций была испытанием характера, в опасностях выявлялась моя реакция на стресс, границы моих физических возможностей. Не счесть, сколько критических моментов на грани жизни и смерти было у меня… Часто задаю себе вопрос: не искушаю ли я Господа Бога, не слишком ли далеко я захожу в поисках приключений?

Когда никто не проявляет инициативу

11 сентября 1993 года. Суэцкий канал

У меня на «Формозе» два матроса — русский Женя Виноградский из Екатеринбурга и китаец Цай Шинпин с Тайваня. Мы зовем его Тони, так легче и проще. Я полагаю, что не вправе заставлять их делать то, чего не смог бы выполнить сам, причем безукоризненно. Сейчас вахта Евгения (его имя в переводе с греческого означает «Благородный»). Съежившись, с потемневшим от загара лицом, он сидит за штурвалом. Отрешенно смотрит глазами человека, мысли которого витают где-то далеко.

«Чертовски тяжелый денек», — сказал я. Но Женя не обратил на меня ни малейшего внимания. О чем он сейчас думает? Может, о трех своих экспедициях в Гималаи? Его кудрявые волосы поседели за последнее время. Он весь похудел, хотя до моей худобы ему еще далеко. Но глаза не потеряли своей великолепной остроты и живого блеска.

Женя Виноградский удивительно спокойный и сильный парень. Но долгое плавание вызывает у людей ненависть к морю, к яхте и ее команде, ко всему вокруг. Женя стал раздражительным и молчаливым. Когда в 1992 году мы штурмовали Эверест, мы были друзьями. По-видимому, остаемся ими и сейчас. Но уже не восхищаемся друг другом. Разговариваем сдержанно, каждый из нас контролирует себя, чтобы не сорваться. Все мы устали, все мы тоскуем по своим семьям, хотя ни за что не сознаемся друг другу.

У Тони в мае этого года родился сын, молодой отец еще не видел его. Женя наверняка думает о своей дочке, она скоро должна выйти замуж. Мне бы хотелось узнать, как там мой сын Оскар, учится в университете или уже бросил его? Мне бы хотелось обнять дочурку Танюшу, которую люблю больше всего.

Ради своих близких я готов сейчас же попасть домой. Но еще так много миль до родной бухты Врангеля.

Удачно прошли Суэцкий канал. Кажется, все позади. Так нет, наш лоцман захотел, чтобы я его высадил на берег не в порту, а в бухте, где стоят рыбацкие боты. В поселке на берегу бухты живут его родители.

Мне показалось несложным пройти к причалу сквозь тесно стоящие катера и малые суда. Но как только «Формоза» вошла в эти дебри, я понял, что мы попали в ловушку: везде веревки, буи, якоря, швартовые… Перед самым причалом по звуку работающего мотора я понял, что «Формоза» намотала на винт веревку. По инерции яхта подошла к причалу. Лоцман поблагодарил нас, взял деньги за свою работу по проводке через канал и быстро ушел. А нам расхлебывайся с этими путами, которые здесь понаставлены. Как освободить винт «Формозы»? Надо нырять в грязную воду. Никто из членов моей команды не проявляет инициативу. Все очень хорошие пловцы в чистой воде, когда на пляже на них смотрят смазливые девушки. А здесь не перед кем красоваться. Стало быть, нырять мне.

Погружаюсь в воду под корму яхты. Все скользкое, противное. В темноте нащупываю вал, затем винт, пытаюсь освободить их от веревки. Не выходит. В глазах чернеет. Надо всплывать за воздухом. Поднялся на поверхность, сделал глубокий вдох и снова ныряю. Веревка немного поддается, но до конца распутать не успеваю, снова вынужден всплыть. Женя и Тони дают мне советы. Ныряю в третий раз. Веревка не поддается, рот полон гадости. Сколько раз еще придется нырять?

Корпус яхты оброс морскими желудями (балянусами). Острые ракушки впиваются в кожу, кровь смешивается с грязной водой. Мне советуют взять нож. Какой тут к черту нож, если веревка типа «Геркулес» — в середину вплетена стальная проволока, ее не перережешь ножом. Сколько проходит времени, не знаю. Вверх-вниз, вверх-вниз. Наконец винт чистый, остается освободить перо руля. Но это легче. Всплываю весь в мазуте и еще в чем-то. Парни помогают мне подняться на палубу. В желудке у меня булькает вода с нефтью и грязью всей бухты. В нее, наверное, сливают все нечистоты Порт-Саида[143]. Рвота подкатывается к горлу, и я спешу в свою каюту, в туалет, чтобы никто не видел, как я буду очищать желудок.

Он умел стоять на тонком льду

3 октября 1993 года

06:00 по Гринвичу. Думая о Васе Шишкареве, вспомнил прошедшие годы и себя — новичка в полярных путешествиях. Вася обучал меня азам этого сложного дела. Например, как построить эскимосский дом — иглу. Начинает он с того, что выбирает снег. Говорит: «Надо знать свойства снега и его строение. Чтобы он был достаточно плотным по всей толщине, не слишком твердым, но и не слишком рыхлым». Берет ножовку с крупными зубьями и ею проверяет сугробы. Наконец находит то, что нужно — снег голубовато-молочного цвета, — и с азартом режет «кирпичи». Затем лыжной палкой очерчивает круг — его диаметр зависит от того, какое ты хочешь построить иглу, на сколько человек. Мы строим на двоих, небольшое.

Я слушаю его поучения и режу «кирпичи», как он показал, а он укладывает их по кругу. Они кладутся по спирали до замка свода. Стенки наклонены внутрь. Последний кирпич подгоняется по размерам, им изнутри заделывают верхнее отверстие. На всю эту работу ушел час, после чего Василий позвал меня на новоселье. На четвереньках я вполз в иглу и сразу почувствовал тепло. Мы зажгли свечу и примус. Температура в нашем снежном доме повысилась, стало уютно.

Вася Шишкарев сыграл большую роль в моей жизни. Я многому у него научился, с его помощью познал Арктику по-настоящему.

Три правила выживания

9 октября 1993 года, Средиземное море

Заходим в Тунисский пролив. Ветер меняется на встречный. Над нами нависла большая туча. Пришлось менять паруса. Ветер держится на отметке 20–21 узел, скорость яхты 4 узла. Как я хочу спать. Всю ночь не спал, то ставил, то убирал паруса.

Когда Женя и Тони были на вахте, много судов проплывало рядом, вот я и контролировал ход яхты. Когда я ехал служить в Сальвадор, то мой отец, ветеран Великой Отечественной войны, говорил мне, чтоб я запомнил три правила, как остаться в живых на войне. Первое правило — не спать, а если и спать, то так чутко, чтоб слышать, как жужжит муха. Второе правило — не пить спиртного. А третье правило — не иметь никаких дел с женщинами. Так вот, сегодня, когда я работал с парусами, Тони спокойно спал, хотя стоял такой грохот на палубе, что мачта вся содрогалась. Да, Тони было бы тяжело на войне.

Команда загрустила

29 октября 1993 года

Ветер хороший. Мы идем прямиком в Касабланку, у нас закончились вода, газ, продукты. Мы просто не дойдем. Продуктов осталось дней на 15–20. Хочется идти в океан, я очень не люблю заходить в порты. Но с нашим запасом провизии рисковать нельзя.

Небо затянуло тучами. Давление низкое. Поднялась большая волна. Ветер восточный 20 узлов. Послушная «Формоза» идет на автопилоте, сама, без управления рулевого.

Женя ходит грустный, он хочет уехать в Россию. Я его понимаю, ему тут скучно. Одна и та же работа, одни и те же люди, один и тот же пейзаж. Тони мне утром сказал, что если Женя уедет, то и он улетит на Тайвань. Конечно, мне хочется, чтоб они остались, но идти в одиночку мне не привыкать. Так даже интересней. Никто не будет отвлекать от мыслей. Пусть для них это будет проблемой, что они не обошли вокруг света.

Начало одиночного плавания

14 ноября 1993 года

Из Касабланки (Марокко) началось мое новое одиночное приключение на яхте «Формоза». Я буду жить, словно птицы, которые живут в море. Сейчас они будут моими друзьями, с ними я буду переносить все перипетии морской жизни. Они не предадут меня и не бросят в трудную минуту. Я остался один, вернее вдвоем с «Формозой», а она никогда меня не предаст.

Притча

17 ноября 1993 года, Атлантика

Ночь холодная, хочется спать, но нельзя — идут пароходы. Пил кофе и представлял, каким был в жизни Иисус Христос. Наверняка Иисус был красивым. Человек по своей природе красив. А если он ведет нормальный образ жизни, то он и остается красивым. А Христос — идеал для всех людей.

Небо затянуто тонкой пеленой, солнце светит сквозь эту пелену тускло и грустно. Сегодня был хороший день. Я отдохнул. Буду смотреть за пароходами, «Формоза» идет как раз через генеральные курсы судов, идущих из Гибралтара на Канарские острова[144].

Вспомнил хорошую притчу: «Прохожий остановился у строящегося храма и спрашивает рабочего:

— Что ты делаешь?

— Камни таскаю, — отвечает он.

Он спрашивает второго рабочего:

— А ты что делаешь?

— Зарабатываю деньги, чтоб кормить семью.

Он спрашивает третьего:

— А ты?

Рабочий с улыбкой ему отвечает:

— Строю храм.»

Вот так, у меня на яхте были матросы, они просто сидели, а я их вез. У них никакого не было интереса в плавании. Они не хотели обойти вокруг света, вот и не выдержали.

Не до рыбалки

28 января 1994 года. Южная Атлантика

Я мечтал, что в Карибском море[145] буду ловить на крючок марлина (меч-рыбу). Но, увы, сейчас не до того: ветер 30–35 узлов, шторм не дает расслабиться. Такой ветер был постоянно в моем одиночном плавании на яхте «Караана». Меня потом спрашивали, ловил ли я рыбу. Я отвечал, что за все время не поймал ни одной рыбешки. Мои друзья были разочарованы: как это так, находиться в океане семь месяцев и не поймать ни одной рыбешки?! А вот так. Сильный ветер, большая скорость, палуба яхты уходит из-под ног — тут не до рыбалки.

Панамская бюрократия

31 января 1994 года

Кристоболь, на входе в Панамский канал

Здесь, в Панаме, бюрократических проблем хватает, как и у нас в России. Я много где бывал и заметил, что в тех странах, в которых тянутся к социализму, народ не хочет работать. Зато в капиталистических странах везде чистота, порядок, культура.

Сегодня весь день ушел на пробивание визы и разрешения на проход Панамского канала.

Сильный ветер

1 февраля 1994 года, Кристоболь

Ночь, я не сплю. Сильный ветер. «Формоза» немного

дрейфует и не держит якорь. Как я не люблю стоять в порту, все пристают: то таможня, то иммиграционная служба. Одни проблемы, и никакого тебе отдыха.

В последнее время на меня напала лень. Мне не хочется писать книгу, вести дневник, даже читать. Я только лежу и мечтаю. Как говорил Эпикур: «Для облегчения наших страданий следует избегать тягостных мыслей и думать о приятном».

Небо затянуто тучами. Ветер не прекращает дуть. Мне сегодня надо столько всего сделать. Надо пойти в иммиграционную службу, поставить визу, потом в таможню, затем к капитану порта. Но в такой ветер бросать «Формозу» нежелательно, на якорь я не надеюсь.

Выполнил работу: заменил тавот в муфте гребного вала, откачал воду из трюма, залил топливо. Ветер немного стих, а потом снова усилился.

Вот и Тихий океан

6 февраля 1994 года

Я так счастлив, что прошел Панамский канал. Проход канала изматывает. Хочется посоветовать всем яхтсменам, чтоб не ходили через Суэцкий и Панамский каналы. Этот путь изматывает душу и забирает деньги, а также бьет яхту. Лучше идти через мыс Горн.

Вот я и добрался до Тихого океана. Я смотрю на него, и слезы катятся из глаз. Что же ждет меня на пути? Отсюда уже виден дом.

Что я совершил в этом мире

24 февраля 1994 года. Тихий океан

Проснулся в пять часов, когда только начался рассвет. Я люблю наблюдать, как зарождается день. При восходе солнца нет ничего блаженней, чем читать молитву Господу Богу Иисусу Христу. С утра планировал заменить стаксель легкой генуей, сменить топливный фильтр в двигателе, запустить двигатель и зарядить аккумуляторы. Но вместо этого выпил кофе со сгущенным молоком и прилег с книгой в руках. Потом захотелось набросать проект устава школы путешественников. Написал первые строки — какой должна быть эта школа, и тут мои мысли поплыли в другом направлении, в другие края: начал вспоминать детство, родителей, друзей и мое теплое Азовское море. Эту

память тяжело удержать на палубе «Формозы». Она там, в детстве, с моими друзьями, там, со стадами коров, которых я пас, и как пастух получал каждый день по одному рублю. На эти деньги я покупал книги о полярных странах и приключениях в джунглях и американских прериях.

Но как бы далеко ни находилась моя память, тело мое поднялось и пошло подбирать шкоты стакселя. Ветер немного отвернул, и требовалось мое вмешательство, чтобы яхта шла в нужном направлении.

Подбирая шкоты, я нечаянно посмотрел за борт. Рядом с «Формозой» плыли стаи рыб и между ними — большие золотистые дорады. Я тут же забыл о парусах — во мне проснулся азарт охотника. Быстро достал из каюты подводное ружье, положил «Формозу» в дрейф — расположил паруса так, чтобы яхта не двигалась вперед, оставалась на месте. С трудом натянул ласты на опаленные солнцем тощие длинные ступни, надел очки на лицо, обвязался веревкой, чтобы не унесло далеко от «Формозы», и спрыгнул за борт.

Кто-то спросит, а как же акулы? Да, Тихий океан — излюбленное место акул. Тридцать видов из них нападают на человека. Если одна из таких убийц окажется рядом с вами, никогда нельзя предугадать, как она себя поведет. Но при виде дорад я забыл об опасности: я уже давно не ел свежей рыбы, а пища из кладовой моей каюты так надоела! Каждый день рис или спагетти, а рыба у меня только консервированная — в масле и в томатном соусе. При таком рационе не станешь обращать внимания на акул — сам становишься пострашней акулы.

Мое появление распугало дорад. Как ни всматривался я в темную глубину, их не видно. Остались только мелкие рыбешки типа плотвы. Решил подбить этих хотя бы штук пять — на жареху пойдут. И вот одна, вторая загарпуненная рыба. Я их складываю на палубу, подтягиваясь за фальшборт. Положил рыбешку — и снова под воду. После того как загарпунил пятую, вылез на палубу… и остолбенел. Вместо пяти рыбешек только одна, которую я еще не снял с гарпуна. А где же остальные?

А дело в том, что вокруг яхты, как стервятники, кружат чайки. Они-то и украли мою добычу. Ах, такие-сякие! Я со злостью запустил в них пятой рыбешкой и пошел на камбуз готовить спагетти.

Не люблю ходить вдоль берега

7 марта 1994 года. Тихий океан

Двигатель работает 13 часов. Ветер 7 узлов, но встречный, бьет точно в нос «Формозы». Вправо поворачивать нельзя, там земля. Ночь темная. Вечером поймал двух тунцов. Одного засолил, а второго сразу приготовил.

Ночь будет неспокойной, из-за близости берега. Я вообще не люблю ходить вдоль берега. Одни проблемы. Вот сегодня чуть не намотал сеть рыбацкую на винт. Рыбаки протянули свои сети на полбухты, и их совсем не волнует, как там будут проходить суда.

Ветер стих. Океан, как зеркало. На небе нет ни одной тучки, там только солнце. Под навесом, в тени, я читаю книгу Джона Газуэлла «На “Трекке” вокруг света». Меня интересует, как он прошел Панамский канал и шел до Гавайских островов[146]. От Панамы до Гавайев очень трудный переход для яхты. Газуэлл прошел 5400 миль за 62 суток.

Птицы одолели!

15 марта 1994 года. Тихий океан

Я возмущен, на топ мачты села птица, прямо на ветроуказатель. Боюсь, что она его сломает. Ничего не могу с ней поделать. И кричу, и свищу, а она все сидит.

Я как-то не могу понять погоду, ветер есть, а нет скорости. Ветер дует с севера, волна идет с запада. Да что такое?! Над «Формозой» кружат и кричат птицы. Видел в воде двух дорад, но на крючок они не клюнули.

Я спал часа два в своей каюте, там не так жарко. Проснулся от карканья, вышел на палубу, а там птиц штук 15–20. Пошел варить суп. А на палубе шум не стихает. Каждая птица ищет себе хорошее место на ночь.

Эта кругосветка меня вымотала

31 марта 1994 года. Тихий океан

Да, эта кругосветка меня вымотала. Вспоминаю «Караану», она проходила в день по 120–130 миль. А здесь 60 миль пройти — и то большая проблема. Проходят один за другим шквалы, ветер с дождем. Налетает сильный ветер и тут же через 5 минут стихает. Я устал и хочу хоть несколько минут отдохнуть. Легче там, где ветер постоянный. А здесь по десять раз на день ставишь и убираешь паруса.

Хороший день

17 апреля 1994 года. Тихий океан

Рисую гарпунщика — охотника на акул. День хороший. «Формоза» идет сама, без моей помощи. За целый день ничего не делал с парусами, а только пил чай и рисовал.

Уже прохладно по утрам спать в штурманской рубке. В каюте я не сплю, потому что она внизу, я боюсь не услышать работу парусов.

Ждать осталось недолго…

13 мая 1994 года. Тихий океан

Дни летят быстро, а мили за кормой «Формозы» очень медленно. Но ничего, только терпение, только выдержка. Какой же большой этот Тихий океан. Осталось потерпеть 3–4 месяца.

Солнце зашло за горизонт, чисто-чисто село в воду. Я вспомнил, что здесь, недалеко от Гавайских островов, в 1975 году я ловил рыбу. Я тогда удивлялся, что здесь такие красивые восходы и закаты.

В полуживом состоянии

16 июля 1994 года. Бухта Сайней

Я вынужден завести «Формозу» на один из Марианских островов, хотя это не входило в мои планы. Но уже несколько дней меня бросало то в жар, то в холод — с продолжительной рвотой и расстройством желудка. Кружилась голова, мучила жажда. Тропическая жара доконала меня: я не мог ни убирать, ни ставить паруса, в глазах плыли фиолетовые круги, силы оставляли меня.

По всей видимости, я подхватил лихорадку. В машинном отделении ремонтировал гидравлический насос и истекал потом от духоты. Но при шквалах с дождем приходилось выбегать на палубу, убирать паруса — вот меня и прохватило. А может, я отравился пресной водой, давно хранящейся в пластмассовых канистрах.

В полуживом состоянии я с трудом поставил яхту в бухте Сайней. На «Формозу» прибыли таможенники, представители карантинной службы, иммиграционные власти. Они сразу заметили мое состояние. И после быстрых формальностей с документами отправили на берег на своем катере. А там пересадили на полицейскую машину, доставившую меня в больницу.

Перед тем как покинуть яхту, я закрыл ее двери на номерной замок. Полицейский, сопровождавший меня, спросил, в какой госпиталь меня отвезти. «Если у тебя достаточно денег, то я отвезу тебя в больницу с хорошим сервисом», — сказал он.

Конечно, я изъявил желание попасть туда, где подешевле. Дал понять, что у меня не очень хорошо обстоит дело с наличными деньгами. А потому попал в палату для бедных и пролежал в ней двое суток. Мне вливали какую-то сыворотку, переливали кровь. Потом меня забрала домой медсестра госпиталя Лиань Чинь-ше.

Я так ослаб от болезни, что без дрожи в руке не мог держать ложку и есть жидкий суп, который готовила эта заботливая женщина. Ей было около тридцати, но я не решался спросить о ее возрасте. Она целыми часами сидела возле моей постели, прикладывала к моему холодному от пота лбу листья каких-то растений. От них исходил тонкий аромат, который снимал боль, раскалывавшую голову.

Она кормила меня вареной рыбой и фруктами, поила китайским зеленым чаем. И рассказывала о своей судьбе. В этом доме она жила с мужем, хирургом из Австралии, работавшим в той же больнице, в которой служила она, и в которую попал я. Три года назад муж умер от болезни желудка, как я понял, от рака.

Благодаря заботливому уходу Лиань я через несколько дней был уже почти здоров, мог выходить на улицу и немного прогуливаться. Дом Лиань был двухэтажным, с плоской крышей и большими, чисто вымытыми окнами. С его веранды открывался прекрасный вид, и я, пока болел, подолгу отдыхал здесь, думая о своей дальнейшей судьбе.

Как я вернусь домой?

23 июля 1994 года. Бухта Сайней

23 июля Лиань рано вернулась из больницы — на ней лица не было. «Что с тобой, — спросил я. — Ты такая бледная!» — «Не могу в это поверить, Федор, — прошептала она. — У тебя украли яхту». — «На вашем острове раньше яхты угоняли?» — спросил я. «Да», — ответила Лиань. Из ее глаз одна за другой текли слезинки. Видимо, как жительница острова, она и себя считала виноватой в краже «Формозы». Я попросил Лиань быстро отвезти меня в местный яхт-клуб. «Ты еще больной», — сказала она. «Нет, мне надо быть там. Может, узнаю, куда угнали мою яхту».

Вот уже вторые сутки я думаю, что же мне делать? Мечусь

между домом Лиань Чинь-ше и яхт-клубом в надежде узнать, куда воры угнали «Формозу». Как мне попасть домой и когда это будет? Как я вернусь в Находку без «Формозы» и что скажу своему спонсору? Где взять новую яхту?

За этими грустными размышлениями и застала меня Лиань на причале яхт-клуба. Она возбужденно начала рассказывать о новостях, которые ей сообщила подруга: «Формоза», по всей видимости, угнана на остров Манагаха. Лиань предложила сообщить об этом в полицию, но я всегда придерживался мнения, что не в каждом случае в России надо обращаться в милицию, а за границей — в полицию. Лиань предложила мне вернуться в ее дом, но я ответил, что посижу здесь еще немного. Она ушла, а я продолжал сидеть и смотреть на залитую солнцем бухту. Яхт-клуб был пуст — все попрятались от полуденного зноя. Один только загорелый парень метался по бухте на катере с подвесным мотором, таская за собой на водных лыжах старика лет шестидесяти с тонкими ногами, обрюзгшим лицом и обвисшим животом. Уроки водного слалома не шли впрок — раз за разом старик падал в воду. Но мне все это было безразлично. Без «Формозы» весь мир для меня опустел. В моей жизни чего только не случалось, я выкарабкивался из различных передряг, но в такую ситуацию попал впервые.

План созрел!

Мои мысли прервал шум катера, лихо подкатившего к причалу, на котором я сидел. Загорелый парень заглушил моторы. Старик снял водные лыжи, поблагодарил парня. На катере мое внимание привлекли двигатели «Джонсон» — я подумал, что для такого легкого суденышка они слишком мощные. Катер наверняка может развивать скорость узлов в 15. И тут я подумал, что остров, на который, по всей вероятности, угнали «Формозу», находится всего милях в 50–60 — с такими двигателями часа за четыре можно туда добраться. Я вспомнил, что в коридоре яхт-клуба висит навигационная карта всей гряды Марианских островов. Посидев еще несколько минут, я поднялся и пошел в здание клуба, чтобы посмотреть, где точно находится остров Манагаха.

На карте я без труда нашел его. Было понятно, что со всех сторон он оброс коралловыми рифами, и только с северо-запада было что-то похожее на бухточку. Мне пришло в голову, что на всякий случай надо бы срисовать карту острова. Но где взять карандаш и бумагу? В коридоре яхт-клуба слонялась брюнетка

лет двадцати, завитая «под барашка». Я вежливо спросил, не найдется ли у нее ручка и листок бумаги. Она холодно взглянула на меня, но все же начала рыться в соломенной сумочке, висевшей у нее на плече, достала шариковую ручку, вырвала из блокнотика листок и протянула мне. Я вернулся к карте, набросал нужный мне остров и подходы к нему. Получилось неплохо: ничего не упустил. Вернул ручку девушке, поблагодарил ее.

Вернувшись на причал, я еще раз взглянул на катер с 40-сильными двигателями. Увидел, что он не закрывается, а двигатели заводятся при помощи шнура. Подумал, что горючего на нем не хватит, чтобы дойти до острова Манагаха. Еще немного поболтался по яхт-клубу, осматривая все его закоулки и обдумывая план действий — как увести катер незаметно для охранника, чья стеклянная будка была метрах в тридцати от причала.

После этого отправился в город — пешком, чтобы не тратиться на такси и сэкономить доллары, которых у меня было очень мало. За двадцать минут добрался до города быстрым шагом, на бензозаправке купил четыре пластиковые канистры емкостью в 20 литров, залил в них бензин. На обратную дорогу до яхт-клуба пришлось взять такси. По одной перетащил канистры на причал.

Затем направился на выход из яхт-клуба, но якобы спохватился, что забыл кому-то позвонить и, заглянув в будку охранника, попросил разрешения воспользоваться его телефоном. Охранник кивнул: звони. Набирая первые пришедшие на ум цифры, я старался запомнить номер, наклеенный на телефонном аппарате. Потом сделал вид, что там, куда звонил, никого нет. Поблагодарил охранника, вышел из его будки и направился в город.

Метрах в трехстах от яхт-клуба увидел телефон-автомат и набрал домашний номер Лиань. Она обрадовалась моему голосу. Я сказал, что попробую сам отыскать «Формозу». В ответ услышал тяжелый вздох: «Ты не отдаешь себе отчета в том, что у бандитов есть оружие. Может, все-таки лучше заявить в полицию? Она поможет». И тут же разочарованно добавила: «Впрочем, вряд ли».

Я продиктовал ей номер телефона охранника яхт-клуба и попросил минут через пятнадцать ему позвонить, придумать что-нибудь, чтобы выманить его в бар, стоящий за зданием яхт-клуба. Если охранник пойдет в бар, то минут десять потратит на расспросы, кто и зачем его звал. А я тем временем отойду на катере от причала и скроюсь за высоким молом. На все это мне потребуется минуты три.

Лиань засмеялась, а потом с тоской в голосе сказала: «Я, наверное, тебя больше не увижу». — «Да, вряд ли, если найду яхту», — ответил я. «Ты найдешь свою “Формозу”!» — в голосе Лиань звучала уверенность.

Я повесил трубку и вернулся к яхт-клубу. Но не вошел через проходную, а перелез через забор и спрятался за зданием эллинга[147] для хранения малых яхт. Стал ждать. Эти пятнадцать минут показались мне вечностью. Я понимал, что это последние минуты перед тем, как я решусь на отчаянные действия. А потом — только вперед, или мне придется отвечать в полиции за попытку угона катера.

Мои сомнения прервал охранник. Он вышел из будки, тщательно прикрыл за собой дверь и направился в бар. «Ну молодец, Лиань! Сумела-таки убедить охранника покинуть свой пост!» — промелькнуло у меня в голове.

Пират поневоле

Как только охранник скрылся за дверью бара, я бросился к причалу, побросал канистры в катер и отдал швартовые. Проверил, открыт ли кран подачи топлива. Затем дернул за шнур, и хорошо отлаженный мотор тут же тихо заработал. Чтобы не терять времени, я не стал запускать второй двигатель. Включил скорость, прибавил газ и отошел от причала. На яхтах, стоявших рядом, сидели люди, но где им было знать, что у них на глазах угоняют катер.

Зайдя за мол, запустил второй мотор, оба поставил на полные обороты, и катер понес меня на встречу с пиратами, угнавшими «Формозу». Всю дорогу я думал, какими окажутся эти бандиты, сколько их. Когда подошел к острову Манагаха, начало темнеть. Сверился со своей нарисованной картой, зашел с севера и причалил к берегу. Катер с заглушенными двигателями уткнулся в чистый коралловый песок. Мыс, за которым должна открыться бухточка, находился метрах в двухстах. Я пошел к нему, и мое сердце часто забилось, когда я увидел «Формозу». Теперь оставалось ее забрать: «Свою же яхту я должен воровать. Какая нелепица!»

Из расщелины между камнями я стал наблюдать за бухтой и «Формозой». Прошло немного времени. Из каюты яхты на палубу по очереди поднялись пять человек. Они что-то обсуждали, стоя на корме. Через несколько минут трое спустились в резиновую лодку, что стояла у борта «Формозы», завели подвесной мотор и направились к противоположному от меня берегу бухты, где едва

виднелись освещенные домики. Двое оставшихся на яхте спустились в каюту.

Я вернулся к катеру, забрался в него и лег, чтобы немного расслабиться и дождаться глубокой ночи. «Может быть, мне надо было взять с собой полицейского, — рассуждал я сам с собой. — Может быть, я круглый дурак, что решил в одиночку вернуть яхту». Но тут же подумал, что у меня всегда получается лучше, когда я один. Я привык все делать в одиночку.

Время шло. Часов у меня не было, но, судя по положению луны, время перевалило за полночь. Вдали стояла «Формоза», в ее иллюминаторе горел огонек. Раздевшись до плавок, вошел в воду и съежился, хотя вода была теплая. Раньше я любил совершать дальние заплывы, но сейчас что-то не очень хотелось. Голову сверлила мысль о ядовитых морских змеях, укус которых смертелен — их в этом районе океана много, особенно у коралловых рифов. Но делать нечего — я поплыл, стараясь делать это бесшумно.

Но вот и «Формоза» — я уцепился за кормовую площадку, устроенную на транце, почти у самой воды. Вовсю светила луна, и я молил Бога, чтобы ее прикрыло тучами, но их, как назло, не было. Подождал минут пять, затем тихонько залез на яхту и тут же присел за рулевой тумбой. Перевел дыхание, прислушался. Тишина. Из открытой двери каюты шел тусклый свет. Я подумал, что аккумуляторы садятся, и будет тяжело запустить дизель. В штурманской рубке света не было, значит, пираты внизу, в салоне. Это облегчало дело. Подождав еще немного, я прошел через кормовую палубу и спрятался за дверью штурманской рубки. Из матерчатого кармана на бизань-мачте достал металлическую ручку от шкотовой лебедки. В правой руке зажал ее, а левой постучал в дверь не очень сильно, но уверенно. Прикинул, что через дверь может выйти только один человек. Как с ним поступить, я уже знал. А вот что делать с другим — непонятно.

После стука в дверь долго ждать не пришлось. Послышались приближающиеся шаги, и один из пиратов молча высунул голову в проем двери, чтобы посмотреть, кто стучал. Я приподнялся и вполсилы ручкой от лебедки ударил его по загривку. Он согнул колени и тихонько опустился на палубу. «Неплохо получилось, без шума», — подумал я.

Прислушался: полная тишина. Значит, второй не слышал или его нет в салоне. Осторожно перешагнул через лежащего пирата, на цыпочках прошел через штурманскую рубку и встал на ступеньку трапа, ведущего в салон. И увидел батарею пивных банок на столе. Про себя возмутился: «Формозу» превратили в

пивное заведение! По трем ступенькам трапа спустился вниз. В салоне — спертый воздух, насыщенный запахом пива и дымом сигарет. Осторожно стал пробираться через камбуз в свою кормовую каюту. В темноте правая рука наткнулась на увесистую дубовую разделочную доску. Взял ее, а ручку от лебедки положил без стука на кухонный стол.

Дверь в каюту была открыта. Не переступая порога, увидел лежащего на моей кровати человека — через палубный люк его освещал лунный свет. Пират спал спокойно, не терзаемый укорами совести. Подошел к нему поближе и подергал за рукав короткой спортивной рубашки: «Ну, дружок, поднимайся!» Парень открыл глаза и приподнялся на локтях. Испуганно, ничего не соображая, уставился на меня. Но прежде чем он сориентировался, я наотмашь, от души, плашмя врезал разделочной доской ему по морде. И он лег на свое нагретое место досматривать прерванный сон.

Я вышел на палубу, взял из рундука четырехмиллиметровую веревку и скрутил ею пиратов по рукам и ногам — обмотал их, как паук муху паутиной. От такой работы пересохло в горле — пришлось сесть передохнуть и заодно выпить баночку холодного пива. Его на яхте было достаточно, благодаря заботам пиратов. Мои руки слегка дрожали, когда я держал пивную банку. Вытащил связанных пиратов на кормовую палубу. Я был доволен своей работой, но тут же подумал, что радоваться рано: надо еще вывести «Формозу» из бухты и до рассвета удрать подальше.

Но что же делать с моими «дружками»? Первый, которого я ударил металлической ручкой от лебедки, крутил головой из стороны в сторону, будто ему в ухо залетело какое-то насекомое. А у другого глаза полностью заплыли, губы распухли, из носа текла густая кровь.

Принес из каюты полотенце, разрезал вдоль на две длинные полосы и завязал им рты, чтобы не вздумали кричать. Один попытался сопротивляться. Пришлось врезать ему кулаком по больному носу. Он повалился на леерную стойку и больше не стал возражать. Аккуратно спустил послушных пиратов в их резиновую лодку, усадил поудобнее спинами друг к другу, подтащил и привязал лодку к бую, на котором стояла «Формоза».

Небо на востоке начало сереть. Все сделано, можно уходить. Запустил двигатель, минуты три прогревал его. Затем отдал конец от буя, и «Формоза» медленно направилась к выходу из бухты.

Я был на седьмом небе от счастья: то гладил рукой штурвал, то нежно дергал ванты, то прижимался щекой к мачте, словно к любимой женщине после долгой разлуки. Как только яхта прошла

мыс и очутилась в открытом Филиппинском море, я с улыбкой посмотрел вперед, на тот мир, который хотели у меня украсть.

Я прошел Филиппинское море!

14 августа 1994 года. Филиппинское море[148]

Господи благослови!

09:30. Ночью увеличился ветер и волны. За 5 часов яхта прошла 4 мили на север и 5 миль на запад. Но я сумел отдохнуть.

11:30. Я понял, что «Формозе» не удастся справа обойти остров Исигаки[149], ветер не дает идти курсом 270 градусов, а если идти 300–310 градусов, что с трудом дается, то мы врежемся в этот остров. Я решил пройти между островами Исигаки и островом Тарама. Проход шириной 15 миль, до него 35 миль. Но что ждет нас там, в Восточно-Китайском море[150]?! Смогу ли я идти курсом 270 градусов? Если нет, то мне будет туго, меня унесет на север. Вот бы до темноты зайти в Восточно-Китайское море.

19:00. Подхожу к мысу Хиракубо острова Исигаки. На подходе был дождь с ветром, сейчас остров прикрыл от ветра, тишина. Поставил все паруса, но скорость 1–2 узла.

21:40. Зашел в Восточно-Китайское море. Слава Тебе Господи, что ты позволил пройти Филиппинское море! Слава Тебе Господи!

Как добраться до Тайваня?

15 августа 1994 года. Восточно-Китайское море

09:20. Все небо затянуто тучами, нигде нет просвета. Ночь была тяжелой. «Формоза» шла все время вдоль островов. Ветер был порывистым, не знал, как правильно поставить паруса. Вот и сейчас не знаю, что делать: увеличить парусность или подождать.

14:00. С юго-востока надвигается темная туча, она медленно приближается, из-под нее летят в море стрелы молний. Что она мне принесет?! Конечно только неприятности. Сейчас ветер стих, но стоит болтанка, паруса хлопают. Все это действует на нервы.

15:00. Запустил двигатель, надо идти на юг. Ветра нет, барометр падает.

17:40. Навстречу идет пароход. Хотел связаться с ним, но он не захотел со мной говорить. Наверное, японец. Они не очень любят говорить.

21:00. Ветра нет, штиль. Что же делать?! Осталось всего 100

миль до Тайваня. Но как до него добраться?!

Последние мили

16 августа 1994 года

09:00. Полный штиль, течение несет на северо-восток от Тайваня, никак не могу пройти оставшиеся 90 миль. Чувствую, что сегодня будет очень жарко и не будет ветра. Положение плохое, штиль выматывает не физически, а морально. Надо бы лечь спать, а я не могу. Нехорошо на душе, когда знаешь, что тебя несет в другую сторону.

09:20. Запустил двигатель, топливо уходит, аж сердце сжимается, а ему все мало.

13:00. Подул ветер, поставил паруса, но скорость всего 1 узел.

14:50. Ветерок пока дует, «Формоза» ожила и бежит по 3 узла в час.

20:00. Пою от радости. «Формоза» пересекла 123-й градус восточной долготы. До Килуна осталось 75 миль по прямой. Даже и не верится!

21:30. Солнце идет к чистому горизонту. Ветер не стихает, «Формозе» осталось пройти 68 миль.

Я завершил вторую кругосветку

17 августа 1994 года

09:00. Палуба сырая от росы. Ветер северо-западный, холодный. Небо на восточном горизонте все затянуто тучами, а на юго-западном — светлое. Ночь прошла, было несколько пароходов, но они прошли далеко от «Формозы». Как только стих ветер, яхта пошла на север.

День обещает быть тяжелым.

10:15. Пью кофе и осматриваюсь по сторонам, не видать ли земли Тайвань?! Хотя и знаю, что еще далеко. Запустил дизель, ветра нет, а течение Куросио[151] очень сильное.

22:40. Зашел в порт Килун. Всё. «Формоза» замкнула круг «Тайвань — Тайвань», пройдя 35 000 миль с востока на запад. Слава Тебе Господи! Только с помощью Иисуса Христа я это сделал. Как мне Его отблагодарить?

Я завершил свою вторую кругосветку, но едва ступил на берег, снова начал мечтать о новых путешествиях. У меня много планов — покорить все высочайшие вершины мира, добраться в

одиночку к Южному полюсу, принять участие в гонке на собаках Iditarod через Аляску, пересечь Атлантику на весельной лодке, совершить путешествие по самой большой пустыне планеты… Быть пилигримом — моя судьба.

Словарь терминов

Абордаж — способ ведения морского боя во времена гребного и парусного флотов. Атакующий корабль сходился вплотную борт к борту с кораблем противника, сцеплялся с ним абордажными баграми, кошками и дреками, чтобы корабли не разошлись во время боя. Затем бойцы абордажной команды высаживались на палубу корабля противника при помощи мостков и вступали с экипажем неприятеля в рукопашную схватку.

Ахтерштаг — часть стального троса, которая располагается в диаметральной плоскости (вертикальной плоскости, разделяющей корпус судна на две симметричные части — левую и правую) судна. Эта часть троса удерживает мачту судна с кормы.

Бак — носовая часть палубы или надстройка над ней.

Бакштаг — 1. Курс парусного судна при попутно-боковом ветре, когда угол между продольной осью судна и направлением ветра больше 90 и меньше 180 градусов. 2. Смоленая снасть (стоячий такелаж), укрепляющая продолжение мачты с боков.

Бегучий такелаж — тросовая оснастка судна (тросы и цепи, служащие для подъема тяжестей и различных сигналов, подъема, опускания и изменения направления отдельных частей рангоута относительно диаметральной плоскости судна, уборки и постановки парусов), закрепленная только одним концом. Второй свободный конец — ходовой, или лопарь — обычно проводят через один или несколько блоков, а затем крепят в соответствующем месте.

Бейдевинд — курс относительно ветра, при котором угол между направлением ветра и направлением движения судна составляет менее 90 градусов.

Бизань-мачта — задняя (меньшая) мачта на парусном судне с несколькими мачтами.

Бом-брам-стеньга — самая высокая мачта, поднимаемая выше брам-стеньги (третьего снизу колена составной мачты парусного судна).

Бриз — ветер, который дует на побережье морей и больших озер. Направление бриза меняется дважды в сутки: дневной (или морской) бриз дует с моря на разогретое дневными лучами солнца побережье. Ночной (или береговой) бриз имеет обратное направление.

Ванпутенсы — металлические полосы, стержни или цепи, проходящие снаружи борта парусного судна и прочно

скрепленные с набором и обшивкой.

Ванты — канатные растяжки между мачтами и бортом парусного судна, служащие для придания мачтам устойчивого вертикального положения.

Галс — движение судна относительно ветра. Различают левый (ветер дует в левый борт) и правый (ветер дует в правый борт) галсы.

Генуя — большой широкий парус (стаксель) с углом, далеко заходящим за мачту. На яхте может иметься несколько генуй, обозначаемых номерами (№ 1, № 2 и т. д.). При этом чем больше номер, тем прочнее ткань генуи.

Гик — горизонтальное рангоутное дерево, по которому растягивается нижний край паруса. Передним концом, называемым пяткой, гик упирается в мачту.

Гребной вал — элемент валопровода, непосредственно соединенный с гребным винтом. На больших судах длина гребного вала до 12 метров, на малых непосредственно соединен с двигателем и гребным винтом.

Грот — нижний прямой парус на грот-мачте парусного судна. Если на грот-мачте нет прямых парусов, то гротом называют нижний косой парус. На одномачтовых судах гротом, как правило, называется задний парус.

Двухмачтовый кеч — тип двухмачтового парусного судна, у которого задняя мачта ниже передней.

Дрейф — медленное постоянное перемещение.

Закрутка — сворачивание паруса накруткой на штаг-пирс.

Зарифленный грот — зарифленный парус (в том числе и грот) — парус с уменьшенной площадью.

Камбуз — помещение на судне, соответствующим образом оборудованное и предназначенное для приготовления пищи (кухня).

Карниз скальный, ледовый — длинный, узкий, ровный, близкий к горизонтальному участок склона, нависающий над обрывом или сбросом, где можно ночевать сидя.

Киль — нижняя балка или балки, проходящие посередине днища судна от носовой до кормовой его оконечности и служащие для обеспечения прочности корпуса судна.

Кливер — косой треугольный парус, прикрепленный к снасти, идущей от мачты к бушприту (горизонтальному либо наклонному древу, выступающему вперед с носа парусного судна и предназначенному для вынесения вперед центра парусности, что улучшает маневренность судна).

Кокпит — на катерах, катамаранах и яхтах: открытое или полузакрытое помещение в средней или кормовой части палубы

судна для рулевого и пассажиров.

Краспицы — поперечные брусы на мачте.

Крейсерские плавания — в данном случае обозначает «дальние спортивные плавания на яхтах».

Кулуар — понижение между двумя вершинами.

Лавировка — зигзагообразное изменение курса с целью поддержания его против ветра или по ветру. Большинство парусных судов не может следовать курсу под углом меньше 45 градусов к ветру. Для достижения цели, лежащей в этом секторе, следует выполнить серию зигзагообразных маневров по отношению к направлению ветра.

Лаг — морской прибор, предназначенный для измерения скорости судна и пройденного им расстояния.

Ледоруб — инвентарь, применяемый альпинистами и горными туристами для передвижения по ледовым, снежным и осыпным склонам, организации страховки и самостраховки на этих видах рельефа. Напоминает по внешнему виду кирку.

Леер — туго натянутый трос, оба конца которого закреплены на судовых конструкциях (стойках, мачтах, надстройках и т. п.). Леера служат для подъема косых парусов, ограждения палубных отверстий или открытых палуб в незащищенных местах. При большом волнении вдоль судна натягивают так называемые штормовые леера, за которые можно держаться при переходах по открытым участкам палубы. Спасательным леером называется трос, закрепленный на бортах спасательной шлюпки.

Леерные стойки — круглые кованые стойки, служащие для проведения по борту леера из проволочного троса, железных прутьев круглого сечения или трубок.

Ликтрос — веревка (мягкий трос), которой обшивают края паруса для прочности (в речи моряков).

Лоция — предназначенное для мореплавателей описание морей, океанов и их прибрежной полосы. Включает в себя описания приметных мест, знаков и берегов, а также содержит подробные указания по путям безопасного плавания и остановкам у берегов с описанием средств и способов получения необходимых для плавания предметов и провизии.

Лоцман — моряк или речник, по квалификации — капитан-судоводитель, хорошо знающий данную береговую обстановку и местный фарватер и проводящий по нему морские или речные суда, особенно в местах, представляющих опасность.

Люверсы — отверстия в парусе, обметанные ниткой или усиленные металлическим кольцом.

Нарты — узкие длинные сани, предназначенные для езды на упряжках из собак, северных оленей или (реже) передвижения

мускульной силой человека. Могут использоваться как прицеп снегохода.

Огон — кольцо из троса, сделанное на его середине или конце.

Паела — настил из досок на нижней палубе (днище) яхты.

Перо руля — действующая часть руля, сконструированная в виде литой рамы, пространство между ребрами которой с обеих сторон прикрывается стальными листами на потайных заклепках или шурупах.

«Поставить на бабочку» — при попутных ветрах средней силы два паруса ставятся «бабочкой» (один выносится за правый борт, другой — за левый).

Путина — сезон, в течение которого проводится интенсивный лов рыбы.

Рангоут — общее название устройств для подъема и растягивания парусов, он обеспечивает их постановку и удержание в штатном (рабочем) положении.

Рейковый — значит, устанавливается на рее.

Релинг — ограждение, перила вдоль борта судна.

Риф-шкерт — короткий трос, ввязанный в люверсы паруса и служащий для уменьшения площади паруса при большой ветровой нагрузке.

Рубка — надстройка на верхней палубе судна.

Рундук — ящик, ларь, устанавливаемый во внутренних помещениях судна, который используется для хранения личных вещей экипажа (команды), как сиденье и как место для отдыха (сна).

Рым — металлическое кольцо круглой, эллиптической или другой формы, продетое в обух и служащее для закладывания в него тросов, цепей, растяжек, блоков и. т. п.

Сейнер — рыболовецкое, обычно однопалубное судно с надстройкой, смещенной к носовой части, для лова рыбы кошельковым неводом, который также может называться сейной.

«Скулой к волне» — когда волна бьет спереди-сбоку, «лагом к волне» означает идти параллельно волнам, когда волна бьет в борт.

Спинакер-фал — добавочный треугольный парус из легкой парусины, который ставится на яхтах при попутном ветре.

Стаксель — треугольный парус.

Стаксель-фал — снасть, при помощи которой поднимается стаксель (треугольный парус).

Стальные кошки — металлические приспособления для передвижения по льду и фирну, крепятся на ботинках различными способами.

Тавот — густое смазочное вещество, применяемое для смазки ходовой части транспортных машин.

Такелаж — общее название всех снастей на судне или вооружение отдельной мачты. Такелаж разделяется на стоячий и бегучий.

Теодолит — измерительный прибор для измерения горизонтальных и вертикальных углов при топографических, геодезических съемках, в строительстве и т. п. Основной рабочей мерой в теодолите являются лимбы с градусными и минутными делениями (горизонтальный и вертикальный).

Топ — верх мачты.

Траверз — направление, перпендикулярное курсу судна или его диаметральной плоскости. Соответствует курсовому углу 90 градусов.

Трал — орудие лова, широко применяемое в мировом морском промышленном рыболовстве. Представляет собой большой сетной буксируемый рыболовным траулером мешок, сделанный из канатов и сетей.

Трисель — косой четырехугольный парус, имеющий форму неправильной трапеции.

Узел — единица измерения скорости, равная одной морской миле в час. Применяется в мореходной и авиационной практике. Так как существуют разные определения морской мили, соответственно, и узел может иметь разные значения. По международному определению, один узел равен 1,852 км/ч (1 морская миля в час) или 0,514 м/с.

Утка — двурогая металлическая деталь, укрепленная на палубе или иной части судна.

Фал — снасть, предназначенная для подъема и спуска парусов (грота, стакселя и других), отдельных деталей рангоута (например, реев, стеньг, гафелей), флагов, вымпелов и т. п.

Фальшборт — ограждение по краям наружной палубы судна, корабля или другого плавучего средства, представляющее собой сплошную стенку без вырезов или со специальными вырезами для стока воды, швартовки и проч.

Фальшкиль — тяжелая отливка обтекаемой формы, прикрепленная к килю парусной яхты для обеспечения ее устойчивости.

Фальшфейер — пиротехническое сигнальное устройство в виде картонной гильзы, наполненной горючим составом. Другие названия: факел-свечка, аварийная свечка, вспышка или свеча бедствия, сигнальная шашка.

Фарватер — судовой ход, безопасный в навигационном отношении и обозначенный на местности и (или) карте проход по

водному пространству (реке, озеру, морю, проливу, фьорду, океану и др.), характеризующийся достаточными глубинами и отсутствием препятствий для судоходства.

Фирновый снег — плотно слежавшийся, зернистый и частично перекристаллизованный, обычно многолетний снег, точнее — промежуточная стадия между снегом и глетчерным льдом (возникающим из снега в областях выше снеговой линии).

Флагманский капитан — капитан группы судов.

Фордак — ветер, по направлению совпадающий с курсом судна, или, иначе говоря, ветер, дующий прямо в корму.

Форштевень — носовая оконечность судна, продолжение киля.

Шкаторина — край, кромка паруса, обшитая мягким тросом.

Шкот — снасть бегучего такелажа (тросовой оснастки судна), предназначенная для растягивания нижних (шкотовых) углов парусов.

Штаг — витой канат от верхней части мачты или стеньги до носа, удерживающий мачту от падения.

Штаг-пирс — пластиковая или алюминиевая планка на штаге (канате от верхней части мачты или стеньги до носа, удерживающем мачту от падения).

notes

Примечания

1

Сюаньцзан (602–664) — ученый, философ, путешественник и переводчик времен династии Тан. *Здесь и далее прим. ред.*

2

Часть Анадырского залива Берингова моря у южного берега Чукотского полуострова. Административно относится к Иультинскому району Чукотского автономного округа.

3

Толкование специальных терминов (морских, альпинистских и т. д.) см. в «Словаре терминов» в конце книги.

4

Поселок расположен на Чукотке, в 32 километрах южнее полярного круга, на берегу залива Креста в Беринговом море. Неподалеку находится Берингов пролив, разделяющий Россию и Канаду. Поблизости — гора Матачингай и бухта Этелькуюм.

5

Лыжная научно-спортивная экспедиция в море Лаптевых. Первая полярная экспедиция Федора Конюхова в составе группы Дмитрия Шпаро.

6

Шпаро, Дмитрий Игоревич (род. в 1941 году) — известный советский и российский путешественник и писатель. Его экспедиция 1979 года первой в мире достигла Северного полюса на лыжах.

7

Бухта на востоке залива Находка Японского моря. Вход в нее расположен между мысами Каменского и Петровского. Длина 3,5 километра, ширина 1,5 километра. На берегах бухты находится глубоководный Восточный порт (глубины у причалов около 16 метров, длина причальной стенки — 12 километров). Открыта экспедицией Василия Бабкина в 1860 году. Названа в честь русского мореплавателя Бернгарда Врангеля.

8

Рерих, Николай Константинович (1874–1947) — культурный деятель России XX века. Автор идеи и инициатор Пакта Рериха, основатель международных культурных движений «Мир через культуру» и «Знамя Мира». Русский художник (создатель около 7000 картин, многие из которых находятся в известных галереях мира), писатель (около 30 литературных трудов), путешественник (руководитель двух экспедиций в период 1923–1935 годов). Общественный деятель, философ, мистик, ученый, археолог, поэт, педагог.

9

Уэмура, Наоми (1941 — предположительно 13 февраля 1984) — японский путешественник, проходивший по экстремальным маршрутам в разных точках мира. Многие путешествия совершил в одиночку.

10

Двуглавая гора на Аляске. Находится в центре национального парка Денали. Названа в честь 25-го президента США Уильяма Мак-Кинли.

11

Четырехмачтовый барк, российское учебное парусное судно. Построено в 1925–1926 годах на верфи Дж. Текленборга в Германии, при спуске названо «Падуя». В 1946 году перешло по репарациям в собственность СССР и переименовано в честь известного русского мореплавателя адмирала Ивана Федоровича Крузенштерна. Порт приписки — Калининград. Судно неоднократно совершало трансатлантические и кругосветные экспедиции.

12

Ветер, дующий между тропиками круглый год, в Северном полушарии с северо-восточного, в Южном — с юго-восточного направления, отделяясь друг от друга безветренной полосой.

13

Автор текста — Юрий Иосифович Визбор.

14

В 1981 году Федор Конюхов пересек Чукотку на собаках.

15

Мэллори, Джордж (1886–1924) — английский альпинист, предпринявший попытку восхождения на Эверест (Джомолунгму) еще в 1924 году. По общепринятой версии, погиб на пути к вершине. Существует также предположение, согласно которому он погиб уже при спуске (в этом случае он, а не Эдмунд Хиллари с Тэнцингом, должен считаться покорителем Эвереста). Его тело было найдено в 1999 году на высоте 8155 метров Конрадом Энкером в ходе специальной экспедиции на Эверест.

16

Седов, Георгий Яковлевич (1877–1914) — российский гидрограф, полярный исследователь, старший лейтенант флота. Выходец из рыбацкой семьи. Организовал экспедицию к Северному полюсу, во время которой умер, не достигнув заявленной цели.

17

Самая северная точка острова Комсомолец, который в свою очередь является самым северным островом архипелага Северная Земля. Открыт в ходе экспедиции Вилькицкого в 1913 году, назван мысом Жохова по фамилии вахтенного офицера. В мае 1931 года Северная Земля была картографирована экспедицией Ушакова и Урванцева, после чего мыс был назван в честь наркома Молотова. В конце 1950-х годов получил политически нейтральное название «Арктический». Расстояние до Северного полюса составляет 990,7 километра, поэтому мыс часто используется в качестве стартовой точки арктических экспедиций.

18

Новосибирские острова — принадлежащий России архипелаг в Северном Ледовитом океане между морем Лаптевых и Восточно-Сибирским морем. Административно относится к Якутии (Булунский улус). Входят в состав охранной зоны Государственного природного заповедника «Усть-Ленский».

19

Земля Франца-Иосифа — архипелаг в Северном Ледовитом океане, на севере Европы. Часть полярных владений России, входит в состав Приморского района Архангельской области. Состоит из 192 островов. Названа в честь австрийского императора Франца-Иосифа I.

20

Шпицберген, также Свальбард, Грумант — обширный полярный архипелаг, расположенный в Северном Ледовитом океане, между 76°26’ и 80°50’ с.ш. и 10° и 32° в.д. Самая северная часть королевства Норвегия. Административный центр — город Лонгйир. Архипелаг и прибрежные воды — демилитаризованная зона. Значительную по арктическим меркам хозяйственную деятельность на архипелаге помимо Норвегии согласно особому статусу архипелага осуществляет только Российская Федерация, имеющая на острове Западный Шпицберген российский населенный пункт — поселок Баренцбург, а также законсервированные поселки Пирамида и Грумант.

21

Часть Северного Ледовитого океана, расположенная между Гренландией, Исландией, Шпицбергеном и островом Ян-Майен. Центральная и северная части Гренландского моря насыщены плавающими ледовыми полями, а зимой покрываются цельным ледовым покровом, что делает судоходство практически невозможным.

22

Остров в архипелаге Северная Земля (Россия), в Карском море. Административно относится к Таймырскому Долгано-Ненецкому району Красноярского края. Расположен в северо-западной части Северной Земли. Самый удаленный от материка остров архипелага. Лежит обособленно, каких-либо малых островов рядом нет.

23

Чуков, Владимир Семенович (род. в 1946 году) — профессиональный путешественник. Президент экспедиционного центра «Арктика» Русского географического общества. Организовал и руководил более чем 30 экспедициями в Арктике и Антарктиде. Первый человек в мире, четырежды автономно (без какой-либо помощи извне) на лыжах достигший Северного полюса. Почетный полярник, заслуженный мастер спорта СССР, выдающийся российский путешественник, генеральный директор Фестиваля великих путешественников.

Чуков В. Журнал «Вокруг света», № 1 — Москва, 1990.

25

Полное название — «Гостеприимная Арктика: рассказ о пяти годах в полярных краях», англ. The Friendly Arctic: The Story of Five Years in Polar Regions) — книга канадского полярного исследователя Вильялмура Стефансона, в которой описывается Канадская арктическая экспедиция под его руководством 1913–1918 годов. Впервые опубликована в нью-йоркском издательстве Макмиллана в 1921 году с предисловием экс-премьер-министра Канады Роберта Бордена.

26

Боди, Бренд — канадский путешественник, друг Ричарда Вебера. В 1986 году принимал участие в Американской полярной экспедиции по достижению полюса на собачьих упряжках без авиаподдержки.

27

Коспас-Сарсат (Cospas-Sarsat) — международная спутниковая поисково-спасательная система, разработанная для оповещения о бедствии и местоположении персональных радиобуев и радиобуев, установленных на судах и самолетах, в случае аварийных ситуаций. В разработке и вводе в эксплуатацию спасательной системы принимали участие СССР (в дальнейшем Россия), США, Канада и Франция. Советская часть системы — Коспас (Космическая Система Поиска Аварийных Судов), иностранная — Sarsat (Search And Rescue Satellite-Aided Tracking).

28

Здесь имеется в виду географическая единица измерения широты и долготы. Одна минута широты равна морской миле, или 1852 метрам. Одна минута долготы может иметь разную величину — от 0 до 1852 метров.

29

Расстояние, приблизительно равное 26 километрам.

30

Расстояние, равное приблизительно 18 километрам.

31

Расстояние, равное приблизительно 13 километрам.

32

Прибор спутниковой навигации.

С.ш. — «северной широты», в.д. — «восточной долготы».

34

Пири, Роберт (1856 — 20 февраля 1920) — американский исследователь Арктики. В 1909 году объявил о покорении Северного полюса, что вызвало массу дискуссий. Официально считается первым человеком, достигнувшим Северный полюс после перехода по паковым льдам (паковый лед — морской лед толщиной не менее 3 метров, просуществовавший более двух годовых циклов нарастания и таяния).

35

Твислтон-Вайкхем-Файнс, Ранульф (род. 7 марта 1944 года) — британский путешественник, обладатель ряда рекордов на выносливость. Назван в 1984 году Книгой рекордов Гиннеса «величайшим из ныне живущих исследователей в мире».

36

Полюс относительной недоступности — точка, которую наиболее трудно достичь из-за ее удаленности от удобных транспортных путей. Термин описывает географическую точку, а не физический феномен и представляет интерес скорее для путешественников. Существуют Северный, Южный, Океанский и Континентальный полюса недоступности.

37

Экспедиция в полярную ночь к полюсу относительной недоступности под руководством Дмитрия Шпаро.

38

Крайняя южная точка архипелага Огненная Земля, расположен на острове Горн, омываемом водами пролива Дрейка.

39

Мыс Доброй Надежды расположен в ЮАР на Капском полуострове южнее города Кейптауна.

40

Чичестер, Фрэнсис (1901–1972) — англичанин, совершивший в 1966–1967 годах первое кругосветное путешествие на одиночной яхте «Джипси Мот IV».

41

Телига, Леонид (1917–1970) — польский яхтсмен, писатель и журналист.

42

Лысенко, Леонид (род. в 1942 году) — один из старейших яхтсменов Приморского края, участник плавания по маршрутам командора Витуса Беринга, профессиональный судоводитель с дипломом яхтенного капитана и опытом одиночного кругосветного плавания, профессор Морского государственного университета им. Г.И. Невельского (Владивосток).

43

Название, данное моряками океаническим пространствам между 40° и 50° широты в Южном полушарии.

44

Так называют океанические пространства между 50° и 60° широты в Южном полушарии Земли, которые расположены рядом с Антарктидой. Название связано с характерной для региона погодой.

45

Водное пространство, разделяющее Австралию и Новую Зеландию, расстояние между которыми достигает приблизительно 2000 километров. С севера на юг простирается на 2800 км. Максимальная глубина в понижении — Восточно-Австралийской котловине — составляет примерно 5200 метров. Тасманово море расположено в юго-западной части Тихого океана. Носит имя голландского мореплавателя Абеля Тасмана, первого европейца, который достиг Тасмании и Новой Зеландии.

Ю.ш. — «южной широты», з.д. — «западной долготы»

47

Созвездие южного полушария неба, наименьшее по площади на небе. Его образуют четыре яркие звезды. Служил для навигации: линия, проведенная через звезды #947; и #945; Южного Креста приблизительно проходит через Южный полюс земли.

48

Амундсен, Руаль (1872–1928) — норвежский полярный путешественник. Первый человек, достигший Южного полюса (14 декабря 1911 года). Первым (совместно с Оскаром Вистингом) побывал на обоих географических полюсах планеты. Первый путешественник, совершивший морской переход Северо-Западным проходом (по проливам Канадского архипелага), позднее совершил переход Северо-Восточным путем (вдоль берегов Сибири), впервые замкнув кругосветную дистанцию за Полярным кругом. Один из пионеров применения авиации — гидросамолетов и дирижаблей — в арктических путешествиях. Погиб 14 июня 1928 года, разыскивая пропавшую экспедицию.

49

Нансен, Фритьоф (1861–1930) — норвежский полярный исследователь, ученый-зоолог, основатель новой науки — физической океанографии, политический и общественный деятель, гуманист, филантроп, лауреат Нобелевской премии мира за 1922 год. Удостоен наград многих стран, в том числе России. Именем Нансена названы географические и астрономические объекты, например кратер на Северном полюсе Луны.

50

Навигационный прибор.

51

По старому стилю

52

Горная страна на Дальнем Востоке России, между Японским морем и долинами рек Уссури и нижнего Амура, в Хабаровском и Приморском краях РФ. Вытянута вдоль берега Японского моря на 1200 километров, ширина 200–250 километров. Средняя высота 800-1000 метров, наибольшая до 2077 метров (гора Тордоки-Яни). Состоит из ряда хребтов, массивов, плато, разделенных глубокими долинами многочисленных рек.

53

Море Тихого океана, отделяется от него полуостровом Камчатка, Курильскими островами и островом Хоккайдо. Омывает берега России и Японии. Площадь — 1603 тысячи квадратных километров.

54

Охотск — рабочий поселок в России, административный и промышленный центр Охотского района Хабаровского края. Население — 3776 человек (2014). Расположен вблизи устья реки Охота, в 1677 километрах от города Хабаровска на берегу Охотского моря. Оймякон — село в Оймяконском улусе Якутии, на левом берегу реки Индигирки. Известен как один из «полюсов холода» на планете, по ряду параметров Оймяконская долина — наиболее суровое место на Земле.

55

Нулевой (Гринвичский) меридиан — географический меридиан, проходящий через Гринвичскую обсерваторию. С 1884 года служит началом отсчета географических долгот; является средним меридианом нулевого часового пояса. Местное среднее солнечное время на Гринвичском меридиане широко применяется в астрономии (для синхронизации всемирного времени).

56

Расположен на территории Канады в море Линкольна Северного Ледовитого океана в 772 километрах от Северного полюса. Площадь острова Уорд-Хант составляет 22 квадратных километра. Остров необитаем.

57

Элсмир — самый северный канадский остров, относящийся к региону Кикиктани территории Нунавут (Канадский Арктический архипелаг), к востоку от острова Аксель-Хейберг. Входит в состав Островов Королевы Елизаветы. На востоке от острова проходит граница Канады с Гренландией.

То есть — опустил вниз.

59

Мф. 6: 9-13, а также Лк. 11: 2-4

60

Магелланов пролив — узкая полоска воды, разделяющая архипелаг Огненная Земля и континентальную Южную Америку (а также остров Риеско и ряд более мелких). Его минимальная ширина — 3,5 километра, поэтому в некоторых местах он очень опасен для мореплавания. Длина пролива — 575 километров, наименьшая глубина на фарватере — 20 метров.

61

Магеллан, Фернан (1480–1521) — португальский и испанский мореплаватель. Командовал экспедицией, совершившей первое известное кругосветное путешествие. Первый европеец, проплывший из Атлантического океана в Тихий.

62

Пролив, соединяющий южные части Атлантического и Тихого океанов, ограниченный на севере архипелагом Огненная Земля, а с юга — Южными Шетландскими островами (Антарктида). Самый широкий именованный пролив на Земле — около 820 километров в наиболее узкой части. Шторма пролива Дрейка считаются одними из самых мощных на планете.

63

Группа небольших островов (общая площадь более 1 квадратного километра) в проливе Дрейка примерно в 100 километрах к юго-западу от мыса Горн, протянувшаяся примерно на 8 километров с севера на юг. Это самая южная точка Чили и Америки как части света. В архипелаге можно выделить две группы островов — малую северную и большую южную.

Барометр с функцией записи.

65

Гольфстрим — теплое морское течение в Атлантическом океане. В узком смысле Гольфстримом называют течение вдоль восточного побережья Северной Америки от Флоридского пролива до Ньюфаундлендской банки. В широком смысле — систему теплых течений в северной части Атлантического океана от Флориды до Скандинавского полуострова, Шпицбергена, Баренцева моря и Северного Ледовитого океана.

66

Северо-западный ветер, возникающий в северном полушарии в тылу циклона.

67

Фолклендские (Мальвинские) острова — архипелаг в юго-западной части Атлантического океана. Фактически являются британской заморской территорией и важным перевалочным пунктом на пути из Атлантического океана в Тихий, позволяющим контролировать Южную Атлантику. Права Великобритании на острова оспариваются Аргентиной, рассматривающей их частью провинции Огненная Земля, Антарктида и острова Южной Атлантики.

68

Море Уэдделла — окраинное море атлантического сектора Южного океана, у берегов Западной Антарктиды, между Антарктическим полуостровом на западе и Землей Котса на востоке.

69

Обширный мелководный район к югу от Фолклендских островов.

70

Рождественский сочельник.

71

Магнитные полюсы Земли не совпадают с графическими полюсами, поэтому стрелка компаса, как правило, указывает не точно на север. Это отклонение называется склонением.

72

Шеклтон, Эрнест (1874–1922) — англо-ирландский исследователь Антарктики, деятель героического века антарктических исследований. Участник четырех антарктических экспедиций, тремя из которых командовал.

По другим данным, полностью в Южном полушарии находится 45 созвездий, в Северном — 28.

74

Экспедиция 1912–1914 годов, предпринятая российским исследователем Арктики, лейтенантом флота Георгием Львовичем Брусиловым (1884–1914 или позже) на паровой шхуне «Святая Анна». Предпринята с целью впервые в истории пройти Северным морским путем под российским флагом.

75

Северо-восточный.

76

Бухта на востоке залива Находка Японского моря. Вход в бухту расположен между мысами Каменского и Петровского.

77

Японское море — море в составе Тихого океана, отделяется от него Японскими островами и островом Сахалин.

78

Бухальский, Виктор Андреевич — яхтенный капитан, стоял у истоков создания яхт-клуба «Антарес». В 1986 году яхта «Капитан Гришин» под его руководством участвовала в международной регате «Белый парус мира». На яхте «Капитан Панаев» он совершил кругосветное путешествие.

79

Залив в Японском море и поселок в Приморском крае.

80

Город и порт в КНДР, на северо-восточном побережье полуострова Корея, в естественной бухте незамерзающего залива Наджинман Японского моря.

81

Хищная морская рыба семейства окунеобразных, родственная ставридам. Обычно в длину достигает от 30 сантиметров до полуметра. Имеет полосатую окраску. Питается в основном остатками от трапезы акул. Причины, по которым акулы не охотятся на рыбу-лоцмана, неизвестны.

82

Зюйдвестка — круглая мягкая шляпа из непромокаемой материи с широкими полями сзади, надеваемая моряками в непогоду.

83

Триндади и Мартин-Вас — группа островов вулканического происхождения в Атлантическом океане. Принадлежат Бразилии. Открыты в 1502 году португальским мореплавателем Жуан ди Новой.

84

Мф. 5:44

85

Художественная и полиграфическая краска темно-красного цвета.

86

Конюхов, Павел Филиппович (род. в 1956 году) — русский путешественник, писатель, художник, фотохудожник. Заслуженный мастер спорта СССР. Член Союза художников России, Русского географического общества. Младший брат Федора Конюхова.

87

Беринг, Витус (тж. Иван Иванович) (1681–1741) — мореплаватель, офицер русского флота, капитан-командор. По происхождению датчанин. В 1725–1730 и 1733–1741 годах руководил первой и второй камчатскими экспедициями. Прошел по проливу между Чукоткой и Аляской (впоследствии Берингов пролив), достиг Северной Америки и открыл ряд островов Алеутской гряды. Именем Беринга названы остров, пролив и море на севере Тихого океана, а также Командорские острова. В археологии северо-восточную часть Сибири, Чукотку и Аляску (которые, как сейчас считается, соединялись ранее полоской суши) часто называют общим термином Берингия.

88

Буве де Лозье, Жан-Батист Шарль (1705–1786) — французский мореплаватель и исследователь, первооткрыватель острова Буве, губернатор Маскаренских островов.

89

Канарис, Вильгельм (1887–1945) — немецкий военный деятель, начальник абвера (службы военной разведки и контрразведки) (1935–1944). Адмирал (1940).

90

Современное название — Пик Исмоила Сомони. Высочайшая вершина Таджикистана, расположенная в северо-западной части Памира. Бывшая самая высокая точка Советского Союза (7495 метров). В общем списке высочайших вершин мира находится на 50-м месте.

91

Архипелаг в Индийском океане. Состоит из шести вулканических островов и небольшого количества окружающих их маленьких островков и скал.

92

Архипелаг в южной части Индийского океана, состоящий из одного большого острова и около 300 мелких островов и скал. Часть Французских Южных и Антарктических Территорий.

93

Другие названия — Джомолунгма, Сагарматха (8848 м) — высочайшая вершина Земли. Расположена в Гималаях, в хребте Махалангур-Химал (в части, называемой Кхумбу-Гимал). Южная вершина (8760 м) лежит на границе Непала и Тибетского автономного района (Китай), Северная (главная) вершина (8848 м) расположена на территории Китая.

94

Макалу, или «Черный великан» — пятая по высоте гора-восьмитысячник мира (8485 метров). Расположена в восточной части хребта Махалангур-Гимал, в центральных Гималаях, на границе Непала с Китаем (Тибетский автономный район), в 22 километрах к юго-востоку от Эвереста. Самый трудный восьмитысячник для восхождения, успеха добиваются менее 30 % экспедиций.

95

Скотт, Роберт (1868–1912) — капитан королевского флота Великобритании, полярный исследователь, один из первооткрывателей Южного полюса, возглавивший две экспедиции в Антарктику. Во время второй экспедиции Скотт вместе с четырьмя участниками похода достиг Южного полюса 17 января 1912 года, но обнаружил, что их на несколько недель опередила норвежская экспедиция Руаля Амундсена. Роберт Скотт и его товарищи погибли на обратном пути от холода, голода и физического истощения.

96

«Москва майская». Музыка братьев Покрасс, слова Василия Лебедева-Кумача (1937).

97

Пролив разделяет Австралию и остров Тасмания и соединяет Индийский океан с Тихим. Ширина составляет 240 километров, а средняя глубина около 50 метров.

То есть с юго-запада.

99

Стефансон, Вильялмур (1879–1962) — канадский полярный исследователь, этнограф и писатель.

100

Море Баффина (Баффинов залив, залив Баффина, Билотский залив) — море Северного Ледовитого океана, граничащее с морем Лабрадор Атлантического океана и омывающее западный берег Гренландии. Протяженность моря с севера на юг составляет 1130 километров. Большую часть года навигация невозможна из-за большого количества айсбергов, что объясняется наличием Гренландско-канадского подводного порога, который блокирует потоки теплой воды из Атлантики.

101

Речь идет о территории Гыданского полуострова, который находится на севере Западно-Сибирской равнины. Территория полуострова относится к Тазовскому району Ямало-Ненецкого автономного округа и Таймырскому району Красноярского края. Крайний север полуострова входит в состав государственного природного заповедника «Гыданский».

102

Колонок (или сибирский колонок) — хищное млекопитающее из рода ласок и хорей. По генетическим признакам этот вид ближе всего к европейской норке, поэтому иногда их объединяют в один подрод.

103

Тянь-Шань (по-китайски — «небесные горы») — горная система, расположенная в Центральной Азии на территории четырех стран: Киргизии, Китая, Казахстана и Узбекистана. Эти горы считаются одними из самых высоких в мире, среди них насчитывается более тридцати вершин высотой более 6000 метров. Высочайшая точка — пик Победы (Томур, 7439 метров) — находится на границе Киргизии и Китая.

104

Крупнейшие плотоядные дельфиновые. Отличаются от других дельфиновых контрастным черно-белым окрасом.

105

Предназначенное для мореплавателей описание морей, океанов и их прибрежной полосы. Включает в себя описания приметных мест, знаков и берегов, а также содержит подробные указания по путям безопасного плавания и остановкам у берегов с описанием средств и способов получения необходимых для плавания предметов и провизии.

106

Порт-Джэксон — трехрукавный залив в юго-восточной части побережья Австралии, включающий в себя протяженную Сиднейскую бухту, а также менее протяженные залив Мидл-Харбор (Средняя бухта) и бухту Норт-Харбор (Северная бухта). Порт-Джэксон был открыт Д. Куком во время его плавания вдоль восточного побережья Австралии в 1770 году.

107

Здесь: остров в Бассовом проливе недалеко от северо-западной оконечности острова Тасмания, принадлежит Австралии, входит в состав штата Тасмания. Площадь острова 1098 квадратных километров, население 1723 человека (2007), средний возраст 43,1 года.

108

Крупный открытый залив, относящийся к водам Индийского океана. Расположен у центральной и западной части южного побережья Австралии. Протянулся на восток от Западного мыса в Западной Австралии до Юго-Западного мыса на Тасмании. Главный порт — Аделаида.

109

Полуостров в австралийском штате Виктория, на котором расположен мыс Саут-Пойнт, самая южная точка материковой части страны. Находится примерно в 160 километрах к юго-востоку от Мельбурна.

110

Ледник расположен в Кхумбу — районе на северо-востоке Гималаев в непосредственной близости от высшей точки — Эвереста, на границе с Тибетом. Находится на территории национального парка Сагарматха. Кхумбу растянулся в длину на 22 километра. Язык ледника оканчивается на высоте около 4 600 метров.

111

Городской округ в Тибетском автономном районе КНР, место размещения правительства автономного района, бывшая столица независимого Тибетского государства. То, что часто называют «городом Лхаса» (историческая столица Тибета), — это современный район Чэнгуань городского округа Лхаса. В переводе с тибетского означает «место богов». Лхаса — традиционная резиденция далай-ламы.

112

Хиллари, Эдмунд (1919–2008) — новозеландский исследователь и альпинист, Почетный гражданин Непала. До удачного восхождения на Эверест в 1953 году принимал в 1951 году участие в разведывательной экспедиции к горе. В 1957–1958 годах Хиллари совместно с В. Фуксом руководил пересечением Антарктиды. Впоследствии принимал участие в экспедиции на Северный полюс. После покорения Эвереста большую часть жизни помогал восточно-гималайскому народу шерпа. Шерпа — потомки тибетцев, в Средние века переселившихся к югу от Главного Гималайского хребта. Живут в Восточном Непале, в районе горы Джомолунгма, а также в Индии. Самоназвание народа — шаркхомбо.

113

Прит. 20:24

114

В переводе название означает «Южная гора». Это четвертая по высоте вершина мира (8501 метр). Расположена на границе Непала и Китая, в трех километрах к югу от Эвереста, и отделена от него перемычкой, которая называется «Южное седло».

115

Фосетт, Персивал (1867 — предположительно 1925) — британский археолог и путешественник, подполковник. Фосетт пропал при неизвестных обстоятельствах вместе со своим сыном в 1925 году во время экспедиции, целью которой было обнаружение некоего затерянного города в Бразилии. Поиски останков Фоссета до сих пор не завершены.

116

Эти слова принадлежат Джону Кокрену (1780–1825) — английскому путешественнику. Намереваясь достигнуть Ледовитого моря, он прошел пешком через Сибирь до Камчатки. По возвращении в Англию он издал описание своих странствований: Narrative of a pedestrian journey through Russia and Siberian Tartary, from the frontiers of China to the Frozen Sea and Kamtschatka… London, 1824. Vols I-И.

117

В области Солу-Кхумбу находится около двух десятков буддийских монастырей. Самый крупный из них и самый высокогорный — Тьянгбоче (расположен на высоте 3867 метров).

118

Прит. 21:31

119

Еккл. 8:7

120

Одно из изречений преподобных Оптинских старцев.

121

Горная вершина в Гималаях. Шестой по высоте восьмитысячник мира.

122

Лукла — город в районе Кхумбу в восточном Непале, перевалочный пункт туристов и альпинистов, направляющихся в окрестности Эвереста. Находится на высоте 2860 метров. В городе есть небольшой аэропорт.

123

Катманду — столица и крупнейший город Непала, его исторический, экономический, политический и культурный центр. Население — более 1 миллиона человек.

124

Намче-базар — поселок в районе Кхумбу в Непале. Находится на высоте 3 440 метров на боковом склоне холма.

125

2 Кор. 11:26

126

Гибралтарский пролив — международный пролив между южной оконечностью Пиренейского полуострова и северо-западным побережьем Африки, соединяющий Средиземное море с Атлантическим океаном.

127

Группа островов на западе Тихого океана, в Микронезии. Включает в себя 15 крупных островов и несколько мелких островов и рифов.

128

Килун — второй по величине порт Тайваня. Расположен на севере острова.

129

Яхта «Адмирал Невельской» вышла из Владивостока в сторону Тайваня 15 ноября 1992 года.

130

Лк. 6:49

131

Быт. 7:11

132

В мае 2010 года Федор Конюхов принял сан диакона Запорожской епархии Украинской православной церкви Московского патриархата, а 19 декабря, в день святого Николая, официально принял сан священника в Свято-Никольском храме Запорожья.

133

Пс. 21:15

134

Полузамкнутое море Тихого океана у берегов Юго-Восточной Азии, между полуостровом Индокитай, островами Калимантан, Палаван, Лусон и Тайвань.

135

Небольшой архипелаг в Индонезии, расположен в южной части Южно-Китайского моря, между Малайзией и островом Калимантан.

136

Крупный полуостров в Юго-Восточной Азии. Является южной оконечностью полуострова Индокитай. Омывается на западе Андаманским морем и Малаккским проливом, на востоке — Южно-Китайским морем и его Сиамским заливом.

137

Прит. 18:24

138

Хиллари, Эдмунд (1919–2008) — новозеландский исследователь и альпинист, 29 мая 1953 вместе с непальским альпинистом Тенцингом Норгей (1914–1986) первым поднялся на Эверест.

139

Республика Сейшельские Острова — островное государство в Восточной Африке. Расположено в западной части Индийского океана, немного южнее экватора, примерно в 1600 километрах к востоку от африканского материка, севернее Мадагаскара. В состав республики входят 115 островов, обитаемы только 33.

140

Гора на Синайском полуострове в Египте. Согласно Библии на этой горе Бог явился Моисею и дал десять заповедей.

141

Самая высокая гора в Египте. Расположена в южной части Синайского полуострова, примерно в 4 километрах к юго-западу от горы Синай. На вершине горы стоит православная часовня, построенная монахами на пожертвования царя Иоанна Грозного.

142

Пеленг в навигации — горизонтальный угол между северной частью меридиана наблюдателя и направлением из точки наблюдения на объект. Измеряется по часовой стрелке от нуля (направление на север, т. е. норд, N) до полной дуги окружности (360 градусов).

143

Город на северо-востоке Египта. Порт на Средиземном море у северного окончания Суэцкого канала.

144

Архипелаг из семи островов вулканического происхождения в Атлантическом океане, недалеко от северо-западного побережья Африки (Марокко и Западная Сахара). Острова принадлежат Испании и являются одним из автономных сообществ этой страны. Столиц две, Санта-Крус-де-Тенерифе и Лас-Пальмас-де-Гран-Канария, Родина канареек.

145

Карибское море — окраинное полузамкнутое море бассейна Атлантического океана, с запада и юга ограничено Центральной и Южной Америкой, с севера и востока — Большими и Малыми Антильскими островами. На северо-западе через Юкатанский пролив соединено с Мексиканским заливом, на юго-западе — с Тихим океаном через искусственный Панамский канал.

146

Гавайские острова — архипелаг из двадцати четырех островов и атоллов, расположенный в северной части Тихого океана. Архипелаг вытянут с северо-запада на юго-восток, имеет вулканическое происхождение. Получил свое название от названия крупнейшего острова — Гавайи. С 1959 года бо́льшая часть островов архипелага составляет пятидесятый штат США.

147

Эллинг — сооружение для постройки или ремонта.

148

Океаническое межостровное море Тихого океана, расположенное возле Филиппинского архипелага. Второе по величине море Земли (после Саргассова). Не имеет четких сухопутных границ, отделено от океана группами островов: Японскими (Хонсю, Кюсю и Рюкю), островом Тайвань и Филиппинскими островами на западе, подводными хребтами и островами Идзу, Огасавара (Бонин), Кадзан и Марианскими на востоке, Яп и Палау на юго-востоке.

149

Остров на юге Японии. Входит в состав островной группы Яэяма островов Сакисима архипелага Рюкю.

150

Полузамкнутое море Тихого океана между побережьем Восточной Азии (Китай) и островами Рюкю и Кюсю (Япония).

151

Куросио (Куро-Сио) («темное течение», «черное течение»). Также — Японское течение. Теплое течение у южных и восточных берегов Японии в Тихом океане. Переносит теплые и соленые воды Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей в более северные широты, значительно смягчая их климат.